

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Маганкова А.А., Васильева С.В., Мартыненко Д.Г.*
Административная ответственность за нарушения порядка
ведения предвыборной агитации – проблемы и перспективы 4
- Гаврилова А.В., Комиссарова Е.Л.* Учредительные нормы
непрофессионального народного участия в правосудии:
историко-правовой анализ 8

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Валявский С.А.* Расторжение договора покупателем
по Конвенции ООН о договорах международной купли-
продажи товаров 13
- Голенин В.В.* Расчетный метод определения действительного
размера налоговых обязательств: проблемы применения
в условиях отсутствия методологических подходов 20
- Куницкая Е.В.* Различия инвестиционной
и предпринимательской деятельности через категорию
интереса и риска 27
- Лебедев Р.А.* Надзор и регулирование в сфере ломбардной
деятельности 32
- Подшивалова Д.Я.* Налоговые разъяснения в контексте
обеспечения правовой определенности в сфере
налогообложения в РФ 35
- Шаховкин А.В.* К вопросу участия в размещении заказа
субъектов среднего предпринимательства 41

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Маганкова А.А., Васильева С.В.* Прекращение производства
по делам об административных правонарушениях в области
охраны окружающей среды в связи с малозначительностью
совершенного правонарушения – реалии конституционного
регулирования и судебной практики 45
- Перфильев А.Д., Каражелясков Б.А.* Анализ динамики
транспортных преступлений за 25 лет существования УК РФ 48
- Прищепа Б.К.* Вовлечение частного сектора
в антикоррупционную деятельность, как один из элементов
обеспечения эффективности административно-правовых
механизмов противодействия коррупции 55
- Рогожкин Н.А., Барышников Ю.В., Цедрик В.А.*
Криминологическая характеристика личности преступника-
террориста: социально-демографические аспекты 59
- Семенова Д.М.* Проблемы применения уголовного
законодательства о условно-досрочном освобождении
в условиях множественности преступлений 62
- Соболевский В.Д.* Значение судебного решения
по гражданскому делу в Российской Федерации в контексте
исполняемых им функций 65

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ

П/И № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 30.01.2021

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В.
 Основные направления противодействия коррупции
 в Федеральной службе судебных приставов Российской
 Федерации..... 68

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА

Дугарова Е.Ж. Штраф как вид наказания в монгольском
 праве..... 74

Труш В.М., Гомонов Н.Д., Тимохов В.П. Личностные
 особенности преступника с позиции гуманструктурологии
 Г. Амтзон..... 77

Зотов А.Д., Краснов И.А. Профессиональная деформация
 следователя: новые формы в современной России 86

Киченина В.С., Ставцова А.О. Проблема делимитации
 воздушного и космического пространства в ее взаимосвязи
 с юридической квалификацией суборбитальных полетов 90

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Magankova A.A., Vasilyeva S.V., Martynenkov D.G.</i> Administrative responsibility for violations of the procedure for conducting election campaigning-problems and prospects	4
<i>Gavrilova A.V., Komissarova E.L.</i> General norms of non- professional people's participation in justice: historical and legal analysis	8

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Valyavskiy S.A.</i> Avoidance of the Contract by the Buyer under the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods	13
<i>Golenov V.V.</i> Calculation method for determining the actual size of tax liabilities: application problems in the absence of methodological approaches	20
<i>Kunitskaya E.V.</i> Differences between investment and entrepreneurial activity through the category of interest and risk.....	27
<i>Lebedev R.A.</i> Supervision and regulation in the field of pawnshop activities	32
<i>Podshivalova D. Ya.</i> Tax clarifications in the context of ensuring legal certainty in the field of taxation in the Russian Federation	35
<i>Shakhovkin A.V.</i> On the issue of participation in placing an order for medium-sized businesses.....	41

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Magankova A.A., Vasilyeva S.V.</i> Termination of proceedings in cases of administrative offenses in the field of environmental protection due to the insignificance of the committed offense – the reality of constitutional regulation and judicial practice	45
--	----

<i>Perfilyev A.D., Karazhelyaskov B.A.</i> Analysis of the dynamics of transport crimes over the 25 years of the Criminal Code of the Russian Federation	48
<i>Prischeva B.K.</i> Involvement of the private sector in anti- corruption activities, as one of the elements of ensuring the effectiveness of administrative and legal mechanisms for combating corruption	55
<i>Rogozhkin N.A., Baryshnikov Yu.V., Cedrik V.A.</i> Criminological characteristics of the personality of a terrorist: socio- demographic aspects.....	59
<i>Semenova D.M.</i> Problems of application of criminal legislation of grant of parole for the multiple offences.....	62
<i>Sobolevskiy V.D.</i> The value of a court decision in a civil case in the Russian Federation in the context of the functions it performs...	65
<i>Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.</i> The main directions of combating corruption in the federal bailiff service of the Russian Federation	68

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Dugarova E. Zh.</i> Fine as a punishment in Mongolian law.....	74
<i>Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.</i> Offender` personal characteristics from the position humanstructureology G. Ammon.....	77
<i>Zotov A.D., Krasnov I.A.</i> Professional deformation of the investigator: new forms in Russia.....	86
<i>Kichenina V.S., Stavtsova A.O.</i> The problem of delimitation of airspace and outer space in its relationship to the legal qualification of suborbital flights.....	90

Административная ответственность за нарушения порядка ведения предвыборной агитации – проблемы и перспективы

Маганкова Анна Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, адвокат КА «ПАРТНЕР Смоленской области»
E-mail: aasivolova@rambler.ru

Васильева Светлана Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: mariachkin@yandex.ru

Мартыненко Денис Геннадьевич,

студент Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: martynenkovd@yandex.ru

Статья посвящена анализу составов административных правонарушений, затрагивающих порядок проведения предвыборной агитации. В рамках данного блока административных правонарушений мы рассматриваем административные правонарушения в области проведения, как предвыборной агитации, так и смежного с ним процесса – информирования избирателей. Большая часть данных норм рассчитана на применение по отношению к специальным субъектам, т.е. кандидатам, избирательным объединениям, в связи с чем предлагается ужесточить ответственность при повторном совершении такого правонарушения, применив к ним ранее упомянутое нами административное наказание, как дисквалификация, т.е. исключение из списка кандидатов. Авторы делают вывод о том, что особенностью данного блока административных правонарушений является многовариативность субъекта административной ответственности, которая выражается не только в кандидатах, избирательных объединениях и других участниках избирательных правоотношений, но и тех лиц, чье участие в тех или иных избирательных процессах запрещено законодательством.

Ключевые слова: административное правонарушение, предвыборная агитация, информирование избирателей, подкуп избирателей.

Исторически сложилось так, что вопросы, касающиеся государства, государственной власти наиболее часто вызывают интерес в обществе. Государство – это, в первую очередь, исторически сложившаяся, особая организация общества, обеспечивающая целостность и единство общества, гарантирующая права и свободы граждан. Все государства отличаются друг от друга, у каждого из них есть свои индивидуальные особенности, которые не присутствуют у других государств. Именно эти черты позволяют различать страны мира и не отождествлять их.

Актуальность обусловлена тем, что в политической жизни общества особую роль играет форма правления. Она оказывает влияние на развитие общества, политические традиции, сознание и государственность. Республиканская форма правления влияет на характер взаимоотношений власти, политического класса и народом, определяя эффективность власти, ее влияние на общество, устойчивость и значение в социальной жизни. На данный момент существуют многочисленные научные работы по исследуемой теме, и проблема республиканской формы правления государства хорошо изучена в юридической литературе. Это связано, прежде всего, с тем, что содержание рассматриваемого понятия постоянно меняется во времени, т.е. с развитием общества. Исследование данной темы является особенно актуальным, поскольку на сегодняшний день республиканская форма правления в государстве требует тщательного и внимательного изучения и глубокого понимания, так как в современном мире до сих пор не существует единой, идеальной и применимой во всех странах республиканской формы правления государства.

Каждое государство в процессе своего становления и развития стремится найти для себя оптимальную модель организации государственной власти. Этот поиск и, в последствии, выбор оптимальной модели обусловлен спецификой самого государства, его культурными, правовыми и историческими традициями.

Определяя соотношение избирательного процесса и демократии, следует отметить, что последняя не существует без периодической смены власти, без равного права избирать и быть из-

бренным, что и определено в основном законодательном акте нашего государства.

Демократия предполагает не только периодичность сменяемости власти, но и проведение выборов в соответствии с демократическими принципами, одним из важнейших в которых является законность. Законность при проведении выборов и всего избирательного процесса должна присутствовать на всех этапах, только тогда можно говорить о том, что данные выборы законны и власть легитимна. Обеспечение данного принципа осуществляется как самим механизмом проведения выборов, так и законодательными установками, такими как соблюдение принципов избирательного права, равным тайным голосованием, запретом на агитацию в день голосования, запретом оказания давления на избирателей и т.д. кроме этого, само признание многопартийности и альтернативность выборов обеспечивает осуществление данного принципа.

В рамках данного блока административных правонарушений мы рассматриваем административные правонарушения в области проведения, как предвыборной агитации, так и смежного с ним процесса – информирования избирателей.

Согласно статье 44 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», информирование избирателей и предвыборная агитация входят в общее понятие «информационное обеспечение выборов».

Под информированием следует понимать деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, средств массовой информации по ознакомлению избирателей о проведении выборов, референдума. К информированию относятся публикация материалов о ходе подготовки к проведению выборов, сроках проведения голосования, порядке проведения голосования. Например, к информированию можно отнести видеоролики Центральной избирательной комиссии РФ, описывающие меры, применяемые на избирательных участках, для обеспечения безопасности участников общероссийского голосования по внесению изменений в Конституцию РФ в связи с распространением COVID-19.

Под агитацией следует понимать деятельность, целью которой является побуждение избирателей проголосовать за кандидата или за список кандидатов. Основными формами агитации являются трансляция и публикация агитационных материалов в средствах массовой информации, в том числе участие в предвыборных дебатах, проведение агитационных публичных мероприятий (митингов, шествий, демонстраций), распространение печатных, аудиовизуальных агитационных материалов и иных материалов. Каждая из данных форм строго регулируется избирательным законодательством, в частности, в сфере регулирования лиц, имеющих право на проведение предвыборной агитации. Поэтому не имеют право проводить

предвыборную агитацию органы государственной власти, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, государственные и муниципальные служащие, воинские части, благотворительные и религиозные организации, в частности члены религиозной организации во время проведения обрядов и церемоний, иностранные граждане и т.д. Несоблюдение данных требований приводит к привлечению к административной ответственности (например, по ст. 5.11 КоАП РФ).

Основную трудность в привлечении к административной ответственности составляет сложность разграничения агитации от информирования. Очень часто в информационных материалах содержится информация, наделенная смыслом призвать лицо, читающего данную листовку, или просматривающего данный видеоролик, проголосовать за конкретную партию или кандидата. Такая ситуация нашла свое отражение в период проведения Общероссийского голосования по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ. По смыслу статьи 2 Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Центральная избирательная комиссия РФ должна была осуществлять информирование избирателей о проведении общероссийского голосования. Но большая часть информационных материалов Центральной избирательной комиссии РФ содержала информацию именно агитационного характера, которая выражалась в представлении исключительно положительных аспектах внесения изменений в Конституцию РФ. Агитационную цель имел также и официальный логотип Общероссийского голосования, который, согласно опубликованному ЦИК России брендбук, «олицетворяет скорые позитивные перемены, которые ждут граждан, благодаря внесению поправок в Конституцию». Также среди основных нарушений было высказывание высшими должностными лицами субъектов РФ мнений, которые заключались в исключительном одобрении поправок в Конституцию РФ и которые можно трактовать как агитацию. Данное действие следует квалифицировать по статье 5.5 КоАП РФ, но правоохранительные органы не обратили на это внимание. Эти и другие нарушения отражены в докладе общественного движения «Голос» [2].

Отдельно в этом блоке стоит вопрос разграничения административной ответственности за подкуп избирателей, предусмотренной статьей 5.16 КоАП РФ, и уголовной ответственности, предусмотренной п. «а», ч. 2, ст. 141 УК РФ. Исходя из формул статей двух кодексов, можно сразу понять, что их отличие в том, что подкуп в КоАП РФ – это самостоятельный состав административного правонарушения, а подкуп в уголовном праве – это способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан, который относится к квалифицированному составу ст. 141 УК РФ. Но данное разграничение не имеет смысла при квалификации деяния. Поэтому в научной

литературе неоднократно предлагались способы разграничения данных статей. Одни ученые считают, что подкуп избирателя должен наказываться по КоАП РФ, если в действиях подкупателя не было отражено нарушение свободы подкупаемого избирателя, т.е. после получения предмета подкупа избиратель мог проголосовать и за другого кандидата [5]. Другие считают, что квалификация зависит от стадии избирательного процесса. Если подкуп совершен на стадии предвыборной агитации, то применяется ст. 5.16 КоАП, а если деяние не связано с предвыборной агитацией, то лицо подлежит уголовной ответственности [4]. Отдельная группа ученых считает, что квалификация подкупа зависит от размера предмета подкупа или количества подкупаемых избирателей, или от совокупности этих двух факторов [8]. Данные позиции неоднократно подвергались критике. Поэтому нам близка позиция А.Н. Круглени, которая считает, что подкуп избирателей – это коррупционное преступление, которое должно наказываться исключительно по УК РФ [7]. Поэтому мы предлагаем исключить ст. 5.16 КоАП РФ и выделить отдельную статью УК РФ за подкуп избирателей.

Поэтому основная особенность данного вида административных правонарушений заключается в том, что его применение избирательно. А избирательность применения норм об административных правонарушениях, по нашему мнению, влечет к неэффективному его применению и потери основной цели данных норм – защиты избирательных прав граждан.

Большая часть данных норм рассчитана на применение по отношению к специальным субъектам, т.е. кандидатам, избирательным объединениям. Поэтому по отношению к таким лицам необходимо ужесточить ответственность при повторном совершении такого правонарушения, применив к ним ранее упомянутое нами административное наказание, как дисквалификация, т.е. исключение из списка кандидатов. Поэтому мы предлагаем дополнить статьи 5.8–5.10, 5.12–5.13, 5.15 КоАП РФ соответствующими частями.

К иным специальным субъектам данного блока административных правонарушений относятся редакция средства массовой информации, главный редактор средства массовой информации, государственная или муниципальная организация телерадиовещания, редакция государственного или муниципального печатного издания. Данные субъекты подлежат к административной ответственности по статье 5.5 КоАП РФ, которую, на наш взгляд, можно считать нормой, регулирующей деятельность средств массовой информации по осуществлению предвыборной агитации и информирования избирателей.

Также в этот блок административных правонарушений включены и административные правонарушения с общим субъектом административной ответственности. Это статья 5.14 КоАП РФ, которая выражается в умышленном уничтожении или

повреждении агитационного или информационного материала. К административной ответственности по данной статье привлекаются лица, которые (и из хулиганских побуждений), например, сорвали или изрисовали плакат, информирующий о проведении единого дня голосования.

Таким образом, особенностью данного блока административных правонарушений является многовариативность субъекта административной ответственности, которая выражается не только в кандидатах, избирательных объединениях и других участниках избирательных правоотношений, но и тех лиц, чье участие в тех или иных избирательных процессах запрещено законодательством.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Агитация и административная мобилизация граждан на общероссийском голосовании // Электронный ресурс. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/144391> (дата обращения 18.11.2020).
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Климова Ю.Н. Уголовно-правовая квалификация по ст. 141 УК РФ отдельных коррупционных проявлений в сфере выборов // Следователь. – 2010. – № 8. – С. 34–41.
5. Князев С.Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 26–35.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. N256.
7. Круглени А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение? // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE PROCEDURE FOR CONDUCTING ELECTION CAMPAIGNING-PROBLEMS AND PROSPECTS

Magankova A.A., Vasilyeva S.V., Martynenkov D.G.
Smolensk branch of Saratov State Law Academy

The article is devoted to the analysis of the elements of administrative offenses affecting the procedure for conducting pre-election campaigning. Within the framework of this block of administrative offenses, we consider administrative offenses in the field of conducting both pre – election campaigning and the related process of informing voters. Most of these norms are designed to apply to special subjects, i.e., to special subjects. candidates, electoral associations, in connection with which it is proposed to toughen the responsibility for the repeated commission of such an offense, applying to them the administrative penalty previously mentioned by us, such as disqualification, i.e. exclusion from the list of candidates. The authors conclude that the peculiarity of this block of administrative offenses is the multivariability of the subject of administrative responsibility, which is expressed not only in candidates, electoral associations and other participants in electoral legal relations, but also those persons whose participation in certain electoral processes is prohibited by law.

Keywords: administrative offence, electoral campaigning, voter education, buying of votes.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) / / Official Internet portal of Legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Agitation and administrative mobilization of citizens in the all-Russian voting // Electronic resource. URL: <https://www.golos-info.org/articles/144391> (accessed 18.11.2020).
3. The law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation from 14.03.2020 N1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public power" /the Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Klimova Yu.N. Criminal-legal qualification under article 141 of the criminal code a separate corruption manifestations in the sphere of elections // the Investigator. – 2010. – No. 8. – pp. 34–41.
5. Knyazev S.D. Criminal liability for violation of electoral rights and the right to participate in the referendum // Journal of Russian Law. – 2001. – No. 2. – pp. 26–35.
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 N195-FZ (as amended). from 08.12.2020 // Rossiyskaya gazeta from December 31, 2001 N256.
7. Kruglenya A.N. Bribery in elections, referendums: crime or administrative offense? // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2012. – No. 2. – pp. 24–31.
8. Kuznetsova N.F. Problems of crime qualification: Lectures on the special course "Fundamentals of crime qualification" / Scientific ed.and preface. Academician V.N. Kudryavtseva. – M.: Publishing House «Gorodets», 2007. –336 p.

Учредительные нормы непрофессионального народного участия в правосудии: историко-правовой анализ

Гаврилова Анжелика Васильевна,

заведующая кафедрой теории и истории государства и права,
к.ю.н., доцент, Кемеровский государственный университет
E-mail: anzhik77@mail.ru

Комиссарова Елена Леонидовна,

старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права, Кемеровский государственный
университет
E-mail: elkom142@mail.ru

Статья посвящена характеристике нормативных оснований народного участия в осуществлении правосудия. На основе историко-правового анализа памятников права XVIII–XX веков осуществляется комплексная характеристика системы участия представителей российского социума в деятельности судебных учреждений. Подвергнуты критическому анализу система сословных судов эпохи Екатерины II, система судебных учреждений с участием коллегий присяжных заседателей, созданная в ходе Судебной реформы 1864 г. 881 г. Детальной характеристике в контексте рассматриваемой проблемы подвергнута система народных судов, функционировавших в советский период российской государственности. Рассмотрены основные организационно-правовые формы народного участия в деятельности советских судов – общественные обвинители и защитники, народные заседатели, товарищеские суды. Утверждается, что основная форма народного участия в правосудии – возможность судопроизводства с участием присяжных заседателей по определенной категории уголовных дел, по сути, является возвратом к дореволюционной модели подобного судебного разбирательства.

Ключевые слова: правосудие, учредительные нормы, народное участие, суды, сословные представители, присяжные заседатели, народные заседатели.

Современная доктрина оценивает конституционные основы правосудия, в первую очередь, в качестве учредительных норм, норм-принципов, детерминирующих организационно-правовое устройство судебной системы, которые находят практическое воплощение в комплексе законодательных и подзаконных актов, устанавливающих основы судостроительства и порядок судопроизводства, предусматривающего, в частности, и формы народного участия в отправлении правосудия.

Данные учредительные нормы не следует, впрочем, связывать исключительно с нормами Основного Закона. По мнению Н.Н. Ефремовой, которое мы полностью разделяем, исходные принципы отправления правосудия прослеживаются в целом ряде нормативных актов, как вступивших в законную силу, так и оставшихся на стадии законопроектов, датированных периодом, задолго предшествующим принятием первой российской Конституции [1, с. 31].

Народное участие в правосудии может дифференцировать по способу такого участия: косвенное и непосредственное. В качестве косвенного участия в пример можно привести участие в выборах судей или представителей общественности, которые после такого избрания будут непосредственными отправителями правосудия. Что касается непосредственного участия в правосудии, то таковым правом могут быть наделены как профессиональные судьи (избираемые или назначаемые), так и иные участники общественности, исходя из правового регулирования формы участия (присяжные заседатели, сословные представители, народные заседатели, шеффены и т.д.).

Историко-правовой анализ народного участия в правосудии в России позволяет выделить различные формы и способы причастности к правосудию и определить базовые нормативные правовые акты, учреждающие порядок отправления судопроизводства и состав суда.

В качестве одного из фундаментальных законов России, официально определившем коллегиальный состав суда в лице профессиональных судей и заседателей является «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.

Опираясь на положения данного закона, можно констатировать сословный характер выборности заседателей в апелляционные суды Российской империи.

В частности, гл. XIV «О должности Верхнего Земского Суда» определено, что в Верхнем Земском Суде заседают два председателя и 10 засе-

дателей, распределяющихся равномерно по департаментам уголовных и гражданских дел (ст. 165, 170). При этом заседатели выбираются каждые три года уездными дворянскими собраниями из дворян, постоянно проживающих, либо имеющих постоянную службу в уезде (ст. 166).

Аналогично Верхнему земскому суду, дворянский суд первой инстанции – уездный суд, также формировался из постоянного судьи и двух заседателей, избираемых дворянскими собраниями (ст. 196).

Этим же законом установлена выборность ратманов и заседателей каждые три года из представителей городского общества (мещан и купечества) в городовые (4 ратмана) и губернские магистраты (шесть заседателей, по три человека в департаменты по гражданским и уголовным делам) (ст. 278–280, 307, 308).

В отношении заседателей Верхней (10 заседателей, распределяемых равномерно по двум департаментам) и Нижней расправы (8 заседателей, две из которых направляются в Нижний земский суд и двое в Сиротский суд) для государственных (равно как и для экономических, дворцовых и по-сессионных) крестьян, законом установлена выборность таковых как из беспорочных представителей селений, подсудных соответствующим расправам, так и из «дворян или ученых людей, или из чиновных людей, или из разночинцев» (ст. 75, 336).

Несмотря на сословный характер Екатерининской судебной модели, налицо представлена германская смешанная модель правосудия в виде судов, которые в отдельных германских землях были представлены единой коллегий из коронных судей и несколько заседателей.

Екатерининская судебная система с отдельными изменениями, внесенными Павлом I и Александром I, сохранилась вплоть до реформ Александра II.

Судебные Уставы 1864 г. предусматривали множество прогрессивных начал судоустройства и судопроизводства, включая иную модель участия общественности в правосудии, заменив Екатерининский суд шеффенов на присяжных заседателей. Кроме того, Александром II, в отличие от своих предшественников (Петра I и Екатерины II), впервые предпринявших попытки отделения суда от административной власти, удалось реализовать данный принцип полностью, провозгласив независимость суда. Согласимся с Н.Н. Ефремовой, что «Судебные уставы в отсутствие формальной конституции конституировали основы судебной власти в России, хоть и без официального признания разделения властей, совершив первый практический шаг на пути к конституционной монархии» [1, с. 33].

При сохранении выборного начала присяжных заседателей упразднился сословный принцип такого участия: «избираются из местных обывателей всех сословий» – при установлении возрастного ценза (не менее двадцати пяти и не более се-

мидесяти лет) и требования о постоянном жительстве в одном уезде не менее двух лет.

В отличие от прежней коллегии суда, осуществляющим правосудие как по уголовным, так и по гражданским делам, Судебными уставами участие присяжных заседателей предусматривалось по всем уголовным делам, сопряженными лишением или ограничением прав состояния наряду с основным наказанием (ссылка на каторгу, на поселение и т.п.) (ст. 201 Устава уголовного судопроизводства), что и являлось квалифицирующим признаком тяжести уголовного деяния.

Впрочем, оправдательные приговоры по политическим делам, подпадающим в категорию особо тяжких уголовных дел, нестабильная политическая обстановка, обусловили практику контрреформ, когда многие демократические начала Судебных уставов подверглись изъятиям. К таковым, применительно к теме исследования, отнесем закон от 9 мая 1878 г. «О подсудности производства дел о государственных преступлениях», в соответствии с которым рассмотрение уголовных дел, связанных с противодействием официальной власти, равно как и других преступных деяний, направленных против интересов монархического режима, было изъято из ведения окружных судов, судопроизводство которых предполагало участие присяжных заседателей. Данные дела узаконением 1878 г. были отнесены к компетенции Судебных палат [2, с. 85]. Тот факт, что в составе последних находились сословные представители, позволил А.Ф. Кони утверждать, что Россия вернулась к модели германского суда шеффенов, с той лишь разницей, что объем подсудных данным судам дел был существенной расширен [3, с. 32].

Дальнейшая законодательная практика также была направлена на изменение многих судебно-конституционных начал. «Положение о мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», принятое 14. 08. 1881 г. августа 1881 г., подытожило процесс трансформации судопроизводства по делам, связанным с преступлениями против государства. Отметим при этом, что данному нормативному правовому акту нередко приписывалось и более серьезное значение. Так, М.В. Немытина в одной из своих монографии ссылается на мнение основателя советского государства, который, возможно и чересчур категорично, оценивал Положение 1881 г. в качестве фактически первой российской Конституции [2, с. 88].

Кроме того, закон от 28 апреля 1887 г. «О порядке составления списков присяжных заседателей» изменил цензовые начала к присяжным заседателям, добавив к ним принцип благонадежности, привлекая тем самым в качестве народных представителей только лиц, чьи политические взгляды не противоречат самодержавию.

Кульминацией этих изменений становится Закон от 7 июля 1889 г., во-первых, подтвердивший правосудие с сословными представителями, во-вторых, расширивший их компетенцию «делами

по службе государственной и общественной, против имущества и доходов казны, общественного устройства и благочиния, прав семейных» [2, с. 96].

Возникновение советского суда неразрывно связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть не могла сохранить старую буржуазную государственную машину, как не могла она сохранить и буржуазную судебную систему. Разрушение старой судебной системы и создание нового, советского суда В.И. Ленин считал одной из первоочередных задач Советской власти. Сошлемся на его выступление на VII съезде РКП (б) «О пересмотре Программы и изменении названия партии»: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся» [4, с. 53].

Становление советской системы правосудия осуществлялось в рамках декларативных норм и учредительных норм. Ленинские идеи, изложенные в различных докладах и программных документах, принятых впоследствии партией, по сути, являлись правовыми декларациями, содержащими особые специализированные нормы, определяющие принципы советского правосудия. Эти указания находят отражение во многих декларативных документах. И на уже упомянутом VII съезде РКП (б) (8 марта 1918 г.), и в докладе «О деятельности СНК» на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (24 января 1918 г.) он говорил о мероприятиях, направленных на формирование «настоящего народного суда».

Последующая системная характеристика народного суда и его деятельности была изложена В.И. Лениным в Программе РКП(б), принятой VIII Съездом партии (18–23 марта 1919 г.), содержащей специальные пункты о пролетарском народном суде, согласно которой главная задача партии и государства состояла в привлечении всех трудящихся к отправлению судебных обязанностей, несмотря на то, что они не имели не только профессионального юридического образования, но и порой полного общего образования [5, с. 64].

Отталкиваясь от того, что учредительные нормы являются исходным началом правового регламентирования общественных отношений, содержат основополагающие идеи и параметры строительства правовой системы общества, первые Декреты о суде № 1,2,3 являются актами, учреждающими новую модель правосудия, опираясь на максимальное народное участие в нем в лице избираемых народных судей и народных заседателей, стабильный состав которых в количестве двух человек, окончательно устанавливается Положением о судостроительстве РСФСР 1922 г. [6].

Такая модель народного суда, получившая закрепление в Конституциях СССР 1936 г. (ст. 102,103) и 1977 г. (ст. 152, 154) и развитие в последующем законодательстве о судостроитель-

стве и будет функционировать вплоть до ее упразднения Федеральным Конституционным Законом «О судебной системе» 1996 г.

Участие народных заседателей в работе суда являлось важнейшей формой вовлечения общественности в осуществление правосудия. Принципы социалистического правосудия, закрепленные в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г., характеризуются последовательным повышением роли и значения народного начала в правосудии. Так, в принципах правосудия, сформулированных в Конституции СССР 1977 г., народные заседатели выделены по своему правовому статусу как непрофессиональные судьи и как представители общественности в суде. Их положение как судей обусловлено тем, что согласно ст. 154 Конституции СССР 1977 г. при осуществлении правосудия они пользуются всеми правами судьи.

Вместе с тем законодатель четко разграничил понятия «судья» и «народные заседатели», подчеркнув тем самым самостоятельное значение в правосудии профессионального и общественного факторов [4, с. 128].

Говоря о непрофессиональном народном участии в правосудии в советский период нельзя не обратиться и к другим формам подобного участия.

В частности, в качестве таковой формы отметим общественное обвинение и общественную защиту. В качестве учредительного акта здесь стоит отметить в первую очередь Декрет о Суде № 1, номинировавший общегражданскую защиту и общегражданское обвинение в лице любого гражданина, наделенного политическими правами (в частности не лишенного избирательного права), не предъявляя к ним каких-либо профессиональных требований.

Декрет о Суде № 2, определив их деятельность в рамках «коллегии лиц, посвящающих себя правозащитничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты», тем не менее, также допускает непрофессиональную защиту и обвинение, не устанавливая квалификационных требований к членам коллегии.

Дальнейшее правотворчество и вменение защиты на суде адвокатам в качестве членов коллегий адвокатов обуславливает превращение общественной защиты в профессиональную.

Однако отсутствие в учредительных нормах первых Декретов квалификационных требований о юридическом образовании и допущение отсутствия такового в последующих положениях и законах об адвокатуре породило в советский период феномен «адвокат без юридического образования», что, впрочем, компенсировалось наличием практического стажа, в связи с чем, отчасти можно говорить о симбиозе общественной непрофессиональной и профессиональной защиты. Примечательно, что подобная тенденция будет сохраняться вплоть до принятия Закона СССР 1979 г. «Об адвокатуре», установившего императивное требование о наличии юридического образования.

Общественное обвинение, учрежденное в Декретах о суде и получившее последующее развитие в период смены парадигмы правового нигилизма на концепцию построения социалистического права на этапе НЭПа, в условиях возрождения официальной прокуратуры характеризуется фактическим параллелизмом: общественное обвинение фактически сопровождает обвинение государственное

Свидетельством этого необычного состояния является, в частности, содержание ст. 18 Основ уголовного судопроизводства (1924 г.), в соответствии с которым функция поддержания обвинения в судебном процессе возлагалась как на саму прокуратуру и ее должностных лиц, так и на уполномоченных общественными организациями рабочего класса и трудового крестьянства представителей.

По нашему мнению, постепенная этатизация общественного сектора к концу 1920 – началу 1930-х гг. привела к «...искажению сущности общественного обвинения и его окончательного превращения в придаток прокуратуры. Так, циркуляр Наркомюста РСФСР № 129 от 14 июля 1927 г. «Об общественном обвинении» окончательно ликвидировал какую-либо самостоятельность и инициативу общественных обвинителей. В частности, допуск к участию, отвод и выступление общественного обвинителя находились в ведении и под контролем прокуратуры, что является ярким примером господства этатического позитивизма в правопонимании и невозможности антагонизма между государством и обществом. Все вышесказанное способствовало приданию общественного обвинения забвению» [7, с. 27].

Ренессанс общественного обвинения и общественной защиты происходит в условиях либерализации уголовно-процессуального законодательства, осуществленной в период «оттепели». К учредительным нормам их восстанавливающим отнесем ст. 15 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г., согласно которой «общественное обвинение и защиту на суде могут осуществлять представители общественных организаций», и ст. 41 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., определившей, что по решению судов в качестве непрофессиональных защитников, либо обвинителей, могут быть допущены к участию в судебных процессах по уголовным делам представители общественности.

Наряду с этим отметим также участие общественности при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности с передачей лица на поруки, если общественная организация или трудовой коллектив ходатайствуют об оставлении виновного в коллективе для исправления и перевоспитания.

Также обратим внимание на функционирование товарищеских судов в советский период, что является ярким примером непрофессионального народного участия в правосудии [8, 9]. Суть этого

участия проявляется, в первую очередь, в составе этих общественных органов: Указания 1961, 1965 и 1977 гг. подтверждали порядок, впервые установленный еще в 1919 г., в соответствии с которым территориальные организации отраслевых профсоюзов образовывали товарищеские суды на основе принципа паритетного представительства: один член товарищеского суда представлял заводскую администрацию, другой делегировался руководством территориальной профсоюзной организации, и, наконец, третий выдвигался профсоюзным собранием работников предприятия, на котором трудилось лицо, дело которого подлежало рассмотрению [10]. При этом, в соответствии с Указами 1961 и 1977 гг. все члены товарищеских судов, независимо от источника делегирования, проходили через процедуру избрания общим собранием трудового коллектива. Интересен тот факт, что Указ 1961 г. формулировал это правило достаточно расплывчато, говоря о том, что члены товарищеских судов избираются «общим собранием коллектива трудящихся» [11]. Формулировка Указа 1977 г. конкретизировала эту норму, определив под трудовыми коллективами персональный состав производственных предприятий, организаций и учреждений. К ним также могли быть причислены собрания студентов высших и учащих средних специальных учебных заведений, а также общие собрания и сходы граждан по месту жительства. В случаях же, когда речь шла о чрезмерно многочисленных коллективах собрания могли быть заменены конференциями [11]. При этом срок полномочий членов товарищеских судов и по Указу 1961 г. и по Указу 1977 г. не менялся, составляя два года.

Изначально товарищеские суды создавались как дисциплинарные в целях поднятия и укрепления производственной и тарифной дисциплины, но в законодательстве 1960–1970-х гг., их значение определялось гораздо более широко. Согласно Указам 1961 и 1977 г. они представляли собой самостоятельные выборные общественные организации, задача которых заключалась не только в содействии укреплению трудовой дисциплины и профилактике правонарушений, но и в осуществлении комплекса мер воспитательного и пропагандистского характера (пропаганда социалистического отношения к труду, коллективизма и взаимопомощи, бережного отношения к общенародному достоянию). Что же касается собственно «судебной составляющей», то к компетенции товарищеских судов были отнесены дела о мелких хищениях общественного, либо государственного имущества, похищении малоценного личного имущества граждан, мелкой спекуляции, совершенных впервые малозначительных хулиганских действий. При этом, в соответствии со ст. 5 Положения 1961 г. дела должны были направляться в товарищеские суды учреждениями прокуратуры, внутренних дел, либо народными судами в тех случаях, когда и потерпевший, и виновный, трудились в одном и том же трудовом коллективе [11].

В современной России основной формой народного участия в правосудии является возможность судопроизводства с участием присяжных заседателей по определенной категории уголовных дел. Декларативная норма о возврате к дореволюционной модели подобного судебного разбирательства была отражена в Концепции судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 г., а учредительная норма содержится в ст. 123 Конституции Российской Федерации, согласно которой «в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей», в то время как порядок формирования такого состава и особенности судопроизводства раскрываются рядом федеральных законов, в частности, Федеральным законом от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ и др.

Литература

- Ефремова Н.Н. Конституционные основы судебной власти в Российской Федерации как фактор прогресса отечественной организации правосудия // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Калининград, 2019.
- Немытина М.В. Суд в России: вторая пол. XIX – нач. XX вв. – Саратов, 1999.
- Кони А.Ф. Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с словесными представителями при руководстве Совестью старших председателей и прокуроров Судебных Палат 29–31 декабря 1894 года / А.Ф. Кони // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1895. № 4.
- Ленин В. И. О пересмотре Программы и изменении названия партии // Полн. собр. соч. – Т. 36.
- Сырых В.М. Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). – М., 2021.
- Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» // СПС Консультант Плюс
- Гаврилова А.В. Общественное представительство и участие представителей общественности в судопроизводстве: историко-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 2.
- Гаврилова А.В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9.
- Суд в СССР. Сборник статей. – М., 1977.
- О рабочих дисциплинарных товарищеских судах. Положение СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. // Собрание узаконений и распоряже-

ний правительства за 1919 г.: Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943.

- Об утверждении «Положения о товарищеских судах». Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.07. 1961 г. // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических республик: <http://www.libussr.ru>

GENERAL NORMS OF NON-PROFESSIONAL PEOPLE'S PARTICIPATION IN JUSTICE: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Gavrilova A.V., Komissarova E.L.
Kemerovo State University

The article is devoted to the characteristic of the normative bases of people's participation in the administration of justice. Based on the historical and legal analysis of legal acts of the XVIII–XX centuries, a comprehensive description of the system of participation of representatives of Russian society in the activities of courts is carried out. The system of class courts of the era of Catherine II, the system of judicial institutions with the participation of jurors created during the Court reform of 1864. are subjected to critical analysis. The system of people's courts that functioned during the Soviet period of Russian statehood is subjected to a detailed description in the context of the problem under consideration. The main organizational and legal forms of people's participation in the activities of Soviet courts – public prosecutors and defenders, people's assessors, public courts – are considered. It is argued that the main form of popular participation in justice – the possibility of trial with the participation of jurors in a certain category of criminal cases, in fact, is a return to the pre-revolutionary model of such a trial.

Keywords: justice, general norms, courts, class representatives, jurors, people's assessors.

References

- Efremova N.N. Constitutional foundations of judicial power in the Russian Federation as a factor of progress in the domestic organization of justice. The Second Prokopyev Readings: proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Kaliningrad, 2019.
- Nemytina M.V. Court in Russia: XIX– beginning. XX centuries – Saratov, 1999.
- Kony A.F. Introductory and final reports on the trial of jurors and on the trial with estate representatives in the leadership of the Meeting of senior chairmen and prosecutors of the Judicial Chambers on December 29–31, 1894 // Journal of the Ministry of Justice. – St. Petersburg, 1895. No. 4.
- Radutnaya N.V. The role of the public in the implementation of justice // The Soviet State and Law. 1980. No. 3.
- Syrykh V.M. Judicial system and legal proceedings of the RSFSR during the formation of Soviet power (1917–1920). – M., 2021.
- Resolution of the Central Executive Committee of 11.11.1922 “On the introduction of the Regulations on the judicial system of the RSFSR.” // Consultant Plus
- Gavrilova A.V. Public representation and participation of public representatives in legal proceedings: historical and legal analysis // Bulletin of the Omsk University. The « Law » series. 2020. Vol. 17. No. 2.
- Gavrilova A.V. The phenomenon of popular participation in the Soviet model of justice and its continuity in the post-Soviet space // Journal of Russian Law. 2020. № 9.
- The court in the USSR. Collection of articles. – M., 1977.
- On workers' disciplinary social courts. Regulations of the CPC of the RSFSR of November 14, 1919 // Collection of laws and orders of the government for 1919: Management of affairs of the USSR Council of People's Commissars. – M., 1943.
- On the approval of the «Regulations on social courts». Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 3.07. 1961 // Library of normative legal acts of the Union of Soviet Socialist Republics: <http://www.libussr.ru>

Расторжение договора покупателем по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров

Валявский Семен Александрович,

студент, Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

E-mail: semyon.valyavskiy@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению расторжения договора как средства правовой защиты, которое доступно покупателю в случае существенного нарушения договора продавцом, в режиме Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Автор рассматривает, для какой именно стороны договора поставки являются благоприятными правила о расторжении договора, принятые в Венской конвенции. Автор исследует требования, предъявляемые к расторжению договора, выработанные в судебной и арбитражной практике, а также авторитетной литературе по предмету (в частности, *“frustration of purpose approach”*, *“remedy-oriented approach”*, взаимоотношение существенного нарушения с исправлением нарушения). Автор делает вывод, что из большинства правил, посвященных расторжению договора, заметно, что режим Венской конвенции наиболее благоприятствует стороне, которая нарушает договор, что данный режим стремится сохранить договор в целях минимизации излишних перемещений товаров между национальными границами, которые следуют за процедурой расторжения. Автор критикует данную позицию как проецирующую национальный немецкий подход на международную конвенцию, а также как ставящую интересы должника выше интересов кредитора, *a priori* к выгоде которого и должно существовать обязательство.

Ключевые слова: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, Венская конвенция, расторжение договора, существенное нарушение договора, нарушение договора поставки товаров, нарушение договора купли-продажи товаров.

Введение

Односторонний отказ от договора (*“avoidance of the contract”*), или, в русском переводе Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (далее – Венская конвенция), заявление о расторжении договора, является одним из способов правовой защиты, который доступен как покупателю (ст. 49 Венской конвенции), так и продавцу (ст. 64 Венской конвенции). Данная работа фокусируется на защите покупателя в связи с нарушениями продавца, так как в связи с нарушениями именно продавца возникают самые сложные вопросы квалификации (например, насколько существенным является тот или иной недостаток), в то время как нарушения, совершаемые покупателем, имеют более простой фактический состав (например, наличие или отсутствие оплаты по договору).

Заявление о расторжении договора всецело полагается на наличие существенного нарушения договора, которое будет обсуждаться ниже (ст. 25 Венской конвенции). Иными, особыми случаями расторжения договора являются: (1) расторжение в случае «предвидимого нарушения» (*“anticipatory breach”*), то есть при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что сторона совершит существенное нарушение договора (ст. 72 Венской конвенции); (2) расторжение договора в отношении конкретной поставленной партии товара (ст. 73(1) Венской конвенции); (3) расторжение договора в отношении будущих партий товара при наличии существенных недостатков у ранее поставленной партии товара и наличии оснований полагать, что имеющиеся недостатки будут иметь место в будущем (ст. 73(2) Венской конвенции, что напоминает «предвидимое нарушение»).

Другими общими средствами правовой защиты являются: (1) взыскание убытков (ст. 74, 75, 76, 77 Венской конвенции); (2) исполнение в натуре (которое может требоваться покупателем и продавцом согласно ст. 46(1) и 62 Венской конвенции соответственно), (3) замена товара (ст. 46(2) Венской конвенции); (4) ремонт товара (ст. 46(3) Венской конвенции); (5) снижение покупной цены (ст. 50 Венской конвенции).

Заявление о расторжении договора явно отличается от всех иных средств правовой защиты.

В практике и литературе это средство описывается как *“ultima ratio”* («последний довод»), то есть наиболее крайняя мера, которая должна применяться только в тех случаях, в которых покупателю действительно «нужно» расторгнуть договор в связи с недостатками товара [1, с. 350; 2, с. 776]. Сторонники этого подхода (большинство авторитетных исследователей) объясняют его необходимость недопущения излишних, ненужных расходов, которые неизбежно последуют за расторжением договора. Иными словами, законный интерес покупателя в расторжении договора должен противопоставляться факту возникновения денежных расходов, которые будут иметь место в связи с расторжением (доставка товаров обратно продавцу через национальные границы; необходимость найти применение дефектным товарам, возвращенных продавцу).

Заявление о расторжении договора зиждется на наличии существенного нарушения договора, которое определяется как «вле[кущее] за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора» (за исключением случаев, в которых такой существенный эффект нарушения был непредвидимым; важно, что предвидимость самого нарушения не имеет значения) (ст. 25 Венской конвенции). Таким образом, пострадавшая сторона вынуждена самостоятельно квалифицировать нарушение и оценить, имеет ли она право на заявление о расторжении договора. Стоит ли говорить, что на практике правомерность такого расторжения бывает крайне сложно оценить.

Это вызывает вопрос о том, чье положение приоритетно защищается Венской конвенцией. Известно, что всякое обязательство должно исполняться к пользе кредитора. С одной стороны, Венская конвенция, как заявляется исследователями, нацелена на снижение расходов от расторжения договора; с другой стороны, она же способна вызывать расходы как на стороне кредитора, так и стороне должника, связанные с неопределенностью и невозможностью однозначно квалифицировать то или иное нарушение (судебные расходы; потеря времени; неудобства, вызванные судебными и арбитражными разбирательствами), которые же вполне можно противопоставить обычным транспортным расходам должника и расходам по сбыту дефектного товара, который он же и поставил.

Таким образом, Венская конвенция устанавливает высокую планку для расторжения договора, но в спорных ситуациях баланс весов будто бы уклоняется в пользу стороны, нарушившей договор, что также заметно из предмета доказывания по применению правила о расторжении договора.

Общие требования к заявлению о расторжении договора

Правомерное заявление о расторжении договора требует наличия трех элементов: (1) существен-

ный характер нарушения договора (*“fundamental breach”*) (ст. 25 Венской конвенции); (2) направление заявления (уведомления) о расторжении договора в адрес стороны, которая нарушила договор (*“notice of avoidance”*) (ст. 26 Венской конвенции), в разумные сроки (ст. 49(2) Венской конвенции); (3) возможность вернуть товары продавцу в том же по существу состоянии, в котором они были получены (ст. 82 Венской конвенции).

Первый элемент (существенное нарушение) будет обсуждаться после других элементов ниже, так как он требует наибольшего внимания.

Уведомления являются критически важными в структуре правил Венской конвенции. Целью требований о наличии уведомлений является информирование другой стороны и постановка ее в такое положение, в котором она будет способна принять информированные решения о дальнейших действиях и приготовлениях в отношении предмета уведомления (например, о том, что товары являются некачественными (ст. 39 Венской конвенции), о замене товара (ст. 46(2) Венской конвенции), о расторжении договора). Таким образом, договор не расторгается автоматически после нарушения – пострадавшая сторона должна совершить волеизъявление и выбрать средство правовой защиты, проинформировав другую сторону о таком выборе, что даст определенность о дате, с которой договор будет считаться расторгнутым. Примечательно распределение риска неполучения уведомления – в Венскую конвенцию как в акт унификации и компромиссов между правовыми традициями в данной части попало правило «почтового ящика», имеющее начало в англосаксонской правовой традиции. Получающая сторона несет риск неполадок в коммуникациях – отправляющей стороне достаточно полагаться на факт должной отправки уведомления, на который она может ссылаться вне зависимости от того, было ли уведомление получено адресатом (ст. 27 Венской конвенции).

Сторона, расторгающая договор, должна достаточно четко дать это понять другой стороне. Обыкновенное утверждение о недостатках товаров или даже их возврат продавцу без комментариев не будут достаточными, так как это оставляет неопределенность касательно избранного средства правовой защиты – что именно продавцу надлежит сделать с возвращенными товарами – заменить, отремонтировать или вернуть деньги [3]?

Временной промежуток между моментом обнаружения нарушения договора и моментом его расторжения должен иметь разумный размер – покупатель должен иметь время для принятия решения о надлежащем средстве правовой защиты. Практика подсказывает, что этот промежуток не должен быть больше чем пять недель [4].

Примечательно, что возможность возврата товаров в том же по существу состоянии не включена в качестве критерия ни в Принципах международных коммерческих договоров (Принципах УНИДРУА) (ст. 7.3.6), ни в Принципах европей-

ского договорного права (ст. 9:309) – указанные источники делают выбор в пользу предоставления денежной компенсации. Это решение кажется более разумным.

В свою очередь, решение, принятое в Венской конвенции, лишней раз подчеркивает защиту, которая отдается должнику. Как отмечалось выше, пострадавший покупатель должен продемонстрировать, что он действительно «нуждается» в расторжении договора и что взыскание убытков (то есть денежной компенсации) будет недостаточным. Иными словами, пострадавший покупатель должен «терпеть» нарушение и получать убытки без возможности избавиться от субъективно непригодного товара, в том числе если он не может быть возвращен в том же состоянии. В то же время, нарушивший продавец остается в выгодном положении – он оставляет у себя оплату за вычетом убытков и не испытывает расходов по транспортировке или сбыту дефектного товара, который в итоге становится проблемой покупателя.

Существенное нарушение договора как условие, необходимое для правомерного расторжения договора

Согласно ст. 25 Венской конвенции, нарушение является существенным, если оно «влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора» (подчеркивание мое. – С.В.). Дополнительными критериями являются признаки, при наличии которых нарушение не будет являться существенным: (1) если оно может быть исправлено продавцом «без неразумной задержки и не создавая для покупателя неразумные неудобства» (ст. 48(1) Венской конвенции) [2, с. 445]; и (2) если существенный эффект нарушения («значительное лишение» покупателя) был непредвидимым; важно, что предвидимость самого нарушения не имеет значения.

Наличие «вреда» обычно толкуется достаточно расширительно. В частности, необязательно, чтобы у пострадавшей стороны действительно возник реальный ущерб в связи с нарушением договора [5, с. 214]. «Вред» может иметь место даже если убытки могут ожидаемым образом возникнуть в будущем [2, с. 428] – иными словами, «вред» означает не наличие убытков или умаление имущественной массы здесь и сейчас, а скорее означает наличие неудобства, негативного последствия нарушения, испытываемого пострадавшей стороной, которое, в частности, вытекает из возможности наступления убытков в будущем [6, с. 166].

«Значительная степень» лишения, следующая из причиненного «вреда», требует наличия определенного характера и тяжести у совершенного нарушения [7]. Нарушение должно свести на нет или существенно обесценить ожидания потерпевшей стороны в отношении договора, то есть быть «настолько существенным, что сторона скорее бы отказалась от заключения договора [вне зависи-

мости от допустимой сторонами вариации в его условиях], если бы она знала, что такое нарушение будет совершено»; нарушение должно «касаться самого существа договора», «вести к серьезным последствиям для экономической цели, преследуемой сторонами» [8]. «Значительность» должна определяться ожиданиями пострадавшей стороны в том виде, в котором они были зафиксированы в договоре, то есть объективным образом [2, с. 419; 9, с. 342].

Такое определение «существенности» нарушения задает начало для подхода, требующего «фрустрации цели» (*“frustration of purpose approach”*), по которому оценивается, была ли общая цель договора «фрустрирована» (нивелирована) нарушением [1, с. 219; 5, с. 214]. Фрустрация может быть вызвана нарушением как основных, так и дополнительных обязательств. По этому подходу исследуется, имеют ли поставленные товары качества и характеристики, необходимые для его целевого использования покупателем [1, с. 219, 350; 2, с. 444] или клиентом покупателя (далее по цепочке поставок) [2, с. 429].

Далее, существенный характер нарушения должен быть предвидим либо для нарушающей стороны (субъективный подход), либо для разумного лица, действующего в сходных обстоятельствах (объективный подход). Несмотря на использование союза «и» в формулировке статьи, ученые поддерживают применение альтернативного, а не кумулятивного теста, охватывая как объективно вмененное знание, так и ситуации, в которых нарушающая сторона располагает специальным знанием, которое могло бы быть недоступно обычному разумному третьему лицу – в последнем случае отсутствие нарушения было бы по меньшей мере абсурдным).

Объективный стандарт использует гипотетическую точку зрения разумного торговца, работающего в той же сфере, имеющего такую же функцию, как и нарушающая сторона [10; 11, с. 217]. Объективный подход требует принимать во внимание все релевантные обстоятельства дела, в том числе переговоры и корреспонденцию, которой обменивались стороны [1, с. 229].

И субъективный, и объективный подход оценивают предвидимость с учетом информации, которая была доступна на момент заключения договора, то есть принимает во внимание распределение рисков между сторонами в том виде, в котором оно было зафиксировано в договоре [1, с. 320; 5, с. 216; 9, с. 345; 11, с. 219].

Критерий предвидимости существенного характера нарушения аналогичен критерию предвидимости убытков (ст. 74 Венской конвенции) [1, с. 229; 5, с. 216; 9, с. 344]. На практике критерий предвидимости вряд ли сможет полностью защитить продавца – этот критерий скорее служит защитой от «отдаленных» (*“remote”*) последствий нарушения, то есть тех, которые стороны не учли и разумно не могли учесть в своей оценке рисков при ведении переговоров о заключении договора.

Это в значительной степени относится к случаям, в которых причина или возможность наступления таких последствий (в случае убытков) или такая значимость определенного обязательства (в случае существенного нарушения) не были сообщены другой стороне (что стимулирует раскрывать все релевантные обстоятельства, влияющие на распределение рисков).

Подход «фрустрации цели» представляется наиболее разумным решением, которое действует в пользу пострадавшей стороны, а не нарушителя. Он смотрит в корень договора, то есть договорные ожидания сторон, и защищает их вне зависимости от степени реального ущерба, вызванного нарушением договора. Если бы стороны в принципе не заключали бы договор, даже на каких-либо измененных условиях (зная, что такое нарушение будет иметь место), то расторжение должно быть оправданным средством защиты, так как такой договор просто не должен существовать.

Тем не менее, практика Венской конвенции также разработала подход к определению ответственности нарушения, который ориентируется на наиболее уместное средство правовой защиты (*“remedy-oriented approach”*), по которому оценивается, действительно ли покупатель «нуждается» в расторжении договора [1, с. 350]. В данном случае оценивается, будет ли разумным для покупателя (в случае поставки некачественных товаров) (1) оставить поставленные товары у себя, (2) найти им применение и (3) потребовать возмещения убытков или использовать иное средство правовой защиты (но не расторжение договора) [1, с. 220].

В качестве первого элемента подхода оценивается, найдется ли какое-либо применение товарам у покупателя [2, с. 745; 9, с. 347; 12] или у его конечного клиента [13]. Утверждается, что при оценке применимости и полезности товаров необходимо учитывать коммерческую роль покупателя – как правило, окончательному потребителю не подходит использовать или перепродавать товары низкого качества [14, § 4.3].

Это правило не лишено оснований и отчасти согласуется с подходом, который требует «фрустрации цели» договора. Значительная часть договоров поставки заключается именно для перепродажи договоров на другой географический рынок. Если такая перепродажа действительно является конечной целью договора, будет сложно сказать, что эта цель будет полностью сорвана и нивелирована из-за недостатков товара. Покупатель все равно будет иметь на руках имущество, которое он может перепродать на рынке – на практике недостатки товаров (недостатки относительно описания, качества или количества) лишь приводят к снижению потенциальной цены, но не полной бесполезности полученного товара.

Тем не менее, представляется проблематичным, что этот подход фактически заставляет покупателя искать оправдания для обоснования «необходимости» расторгнуть договор. Это напоминает подход, принятый в англосаксонской правовой

традиции, согласно которому истец должен обосновать свою чрезвычайную заинтересованность в истребовании исполнения в натуре и, как в рассматриваемом подходе, доказать, что возмещение убытков будет недостаточным.

Этот подход к исполнению в натуре намеренно не был включен в Венскую конвенцию с целью содействия ее применению на международном уровне (ст. 7 Венской конвенции). В то же время, те же самые исследователи, которые выступают за аргумент, что расторжение договора должно являться средством защиты последнего порядка (*“ultima ratio”*), по совпадению принадлежат к германской правовой системе и, как представляется, проецируют собственный национальный подход немецкого права известный как *“ultima-ratio-prinzip”* [15], что противоречит международному характеру Венской конвенции. Это особенно заметно, если обратить внимание на тот факт, что судебные решения из 1990-ых годов, закрепившие обсуждаемый *“remedy-oriented approach”*, и поддерживающие его ученые, были немецкими и принадлежат германской правовой системе. Наконец, и сам текст Венской конвенции вовсе не содержит принцип *“ultima ratio”* в своем окончательном тексте.

Возможность устранить недостатки товара продавцом как препятствие для расторжения договора

Если нарушение может быть исправлено не вызывая неразумной задержки или неразумных неудобств (в соответствии со ст. 48(1) Венской конвенции), «вред» от нарушения не лишает пострадавшую сторону в «значительной степени» того, на что она была вправе рассчитывать по договору, и нарушение не является существенным [1, с. 322; 14, § 4.4; 16]. При оценке разумности возможных исправлений решающим фактором является объективная точка зрения покупателя, а не субъективная позиция продавца [2, с. 766].

«Неразумное неудобство» означает помехи, которые могут быть причинены продавцом при исправлении его нарушения; степень этого неудобства должна оцениваться объективным образом и с точки зрения покупателя [9, с. 698]. Исправление нарушения посредством ремонта будет признано неразумным, если оно создает помехи функционированию бизнеса покупателя, в частности, делает его ответственным перед его собственными клиентами или создает угрозу того, что клиенты обратятся к нему с исками о взыскании убытков [2, с. 767; 5, с. 219].

«Неразумная задержка» имеет место в случае, если после определенной даты становится невозможным ожидать, что покупатель мог бы принять дополнительное исполнение со стороны продавца [17]. Иными словами, неразумная задержка определяется как самостоятельное существенное нарушение, которое будет иметь место в случае такого дополнительного исполнения, то есть задерж-

ка будет столь большой, что она сама по себе могла бы лишиться сторону того, на что она была вправе рассчитывать по договору [18]. Это актуально для договоров, в которых время доставки товаров имеет существенное значение [14, § 4.4].

Особые проблемы возникают в связи с первыми словами ст. 48(1) Венской конвенции, которые ставят ее применение под «услови[е] соблюдения статьи 49», то есть права покупателя на расторжение договора. История обсуждений в ходе подготовительных работ по составлению Венской конвенции не дает ответа на вопрос, что именно означают эти слова и что имеет приоритет – право на расторжение или право на исправление нарушения [9, с. 709]. Практика поддерживает точку зрения, согласно которой наличие возможности исправить нарушение уже означает, что нарушение не носит существенный характер, что сторона не была именно в «значительной» степени лишена того, на что она была вправе рассчитывать [9, с. 710]. Такое толкование в некоторой степени обходит вводные слова ст. 48(1) Венской конвенции и вновь ограничивает право на расторжение договора, что и признается исследователями [2, с. 770], хотя формулировка этого правила предполагает совершенно обратное.

Практика показывает, что все же могут иметь место случаи, в которых договор не может быть сохранен и покупатель действительно имеет достойный уважения интерес в расторжении договора, даже если нарушение может быть исправлено [9, с. 710]. Это может быть актуально в случае, если единственно возможным исправлением будет являться замена товара – средство правовой защиты, которое само по себе уже подразумевает наличие существенного нарушения договора. Невозможность исправить нарушение ремонтом товара также может говорить о том, что нарушение достигает нужной степени существенности, например, если поставленная одежда слишком мала и легко портится, то есть дефект может быть исправлен только заменой товара [19].

Заключение

Литература, посвященная Венской конвенции, демонстрирует достаточно однозначную политико-правовую позицию большинства об ограничении права на расторжение договора как средства защиты «последнего порядка». Однако там, где есть политика права, всегда есть и дискуссия, в конце которой стоит обыкновенный выбор в пользу того или иного решения. Венская конвенция представляет собой целый комплекс из множества компромиссов в пользу подходов либо континентального, либо англосаксонского права, в которых бывает невозможно найти золотую середину.

Выбор, сделанный в Венской конвенции, по всей видимости был сделан в пользу продавца, нарушающего условия договора; но, как представляется, одни лишь соображения по сокращению транспортных расходов и расходов по пе-

репродаже не являются крайне убедительными и не объясняют, почему дефектный договор должен работать в пользу должника, а не кредитора; обременять именно покупателя, а не продавца, нуждой найти применение некачественным товарам. Если и есть что-то, о чем можно было бы беспокоиться в международной купле-продаже товаров, то это, безусловно, была бы надежность договоров и контрагентов, а не расходы, вытекающие из их замены.

В этом вопросе проponentы рассматриваемого подхода *favor contractus* признают, что более фундаментальный принцип *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться») призывает к обеспечению надежности договоров, что свобода договора призывает к свободе от договора, который стороны не хотели бы заключать, и что даже утилитарные соображения, с точки зрения экономического анализа права, показывают, что расторжение может быть более быстрым и дешевым решением по сравнению с поддержанием нежеланного договора [20].

Естественно, в идеальном сценарии именно сторонам стоит определить в договоре случаи, в которых их договор будет заслуживать спасения и в которых его цель будет выполняться – стороны могут сами установить собственный порог существенного нарушения договора и придать тем или иным обязательствам существенное значение (в том числе через описание существенных сроков и существенных требований к тем или иным характеристикам товара).

С точки зрения правил, принятых и используемых по умолчанию, можно лишь уважать выбор, сделанный режимом Венской конвенции. Позиция, занятая в преобладающей судебной и арбитражной практике, показывает, что она является довольно однозначной и разворот на 180 градусов в таком вопросе вряд ли будет иметь место – право на расторжение договора толкуется ограничительно в режиме Венской конвенции. Эта позиция может лишь учитываться практиками при составлении договоров во избежание возможных сомнений, и может далее обсуждаться в научных кругах.

Литература

1. Koch R. The Concept of Fundamental Breach of Contract under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) // Pace International Law Review, Review of the Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) 1998. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 177–354.
2. Schwenzer I. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods. Oxford: Oxford University Press, 2016. 1602 p.
3. Magnus U. The Remedy of Avoidance of Contract under CISG – General Remarks and Special Cases // Journal of Law and Commerce. 2005. Vol. 25:423. P. 427.

4. Furniture case [Электронный ресурс] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Официальный сайт]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/950201g1.html> (дата обращения: 09.01.2021).
5. Huber P., Mullis A. The CISG: A new textbook for students and practitioners. Munich: seller. european law publishers, 2007. 408 p.
6. Brunner C., Gottlieb B. Commentary on the UN Sales Law (CISG). Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2019. 774 p.
7. UNCITRAL Digest of Case Law on the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (2016 Edition), P. 114 [Электронный ресурс] // United Nations Commission on International Trade Law [Официальный сайт]. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/clout/CISG_Digest_2016.pdf (дата обращения: 09.01.2021).
8. Egyptian cotton case [Электронный ресурс] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Официальный сайт]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000915s1.html> (дата обращения: 09.01.2021).
9. Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG): A commentary. Munich: C.H. Beck, 2018. 1255 p.
10. Babiak A. Defining "Fundamental Breach" Under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // Temple International and Comparative Law Journal, 1992, P. 122.
11. Bianca M., Bonell M. Commentary on the International Sales Law. Milan: Giuffrè, 1987. 886 p.
12. Tools case [Электронный ресурс] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Официальный сайт]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/140924g1.html> (дата обращения: 09.01.2021).
13. Stainless steel plate case [Электронный ресурс] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Официальный сайт]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/040123g1.html> (дата обращения: 09.01.2021).
14. CISG Advisory Council Opinion No. 5 [Электронный ресурс] // CISG Advisory Council (CISG-AC) [Официальный сайт]. URL: <http://www.cisgac.com/cisgac-opinion-no-5/> (дата обращения: 09.01.2021).
15. Ultima Ratio Principle I Eurofound [Электронный ресурс] // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions [Официальный сайт]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/efemiredictionary/ultima-ratio-principle> (дата обращения: 09.01.2021).
16. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 209.
17. Schwenzer I., Beime I. Replacement and Repair of Non-Conforming Goods under the CISG // Internationales Handelsrecht. 2017. Vol. 17, Issue 5. P. 190.
18. Enderlein F., Maskow D. International Sales Law. New York: Oceana Publications, 1992. P. 113.
19. Designer clothes case [Электронный ресурс] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Официальный сайт]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/021014g1.html> (дата обращения: 09.01.2021).
20. Keller B. Favor Contractus: Reading the CISG in favor of the contract // Andersen C., Schroeter U., Sharing International Commercial Law across National Boundaries: Festschrift for Albert H. Kritzer on the Occasion of his Eightieth Birthday. London: Wildy, Simmons & Hill Publishing, 2008. P. 249.

AVOIDANCE OF THE CONTRACT BY THE BUYER UNDER THE UN CONVENTION ON CONTRACTS FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS

Valyavskiy S.A.

National Research University "Higher School of Economics"

The article is devoted to the avoidance of the contract as a remedy available to the buyer in case of a fundamental breach of contract by the seller, in the regime of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods. The author considers for which party of the contract for the supply of goods the rules of termination of the contract adopted in the Vienna Convention are favourable. The author examines the requirements for avoidance of the contract developed in judicial and arbitral practice, as well as in authoritative literature on the subject (in particular, the "frustration of purpose approach", the "remedy-oriented approach", the relationship of fundamental breach with the cure of the breach). The author concludes that it is noticeable from most of the rules on avoidance that the Vienna Convention regime favours the party which breaches the contract, that this regime seeks to preserve the contract in order to minimize unnecessary movements of goods between national borders that follow the avoidance procedure. The author criticizes this position as being projective of the national German approach to an international convention, and as putting the interests of the debtor above those of the creditor, *a priori* to whose benefit any given obligation actually exists.

Keywords: The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods, the Vienna Convention, avoidance of the contract, fundamental breach of contract, breach of a contract for supply of goods, breach of the contract for sale of goods.

References

1. Koch R. The Concept of Fundamental Breach of Contract under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) // Pace International Law Review, Review of the Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) 1998. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 177–354.
2. Schwenzer I. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods. Oxford: Oxford University Press, 2016. 1602 p.
3. Magnus U. The Remedy of Avoidance of Contract under CISG – General Remarks and Special Cases // Journal of Law and Commerce. 2005. Vol. 25:423. P. 427.
4. Furniture case [Electronic resource] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Official website]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/950201g1.html> (accessed: 09.01.2021).
5. Huber P., Mullis A. The CISG: A new textbook for students and practitioners. Munich: seller. european law publishers, 2007. 408 p.
6. Brunner C., Gottlieb B. Commentary on the UN Sales Law (CISG). Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2019. 774 p.

7. UNCITRAL Digest of Case Law on the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (2016 Edition), P. 114 [Electronic resource] // United Nations Commission on International Trade Law [Official website]. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/clout/CISG_Digest_2016.pdf (accessed: 09.01.2021).
8. Egyptian cotton case [Electronic resource] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Official website]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000915s1.html> (accessed: 09.01.2021).
9. Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG): A commentary. Munich: C.H. Beck, 2018. 1255 p.
10. Babiak A. Defining "Fundamental Breach" Under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // Temple International and Comparative Law Journal, 1992, P. 122.
11. Bianca M., Bonell M. Commentary on the International Sales Law. Milan: Giuffrè, 1987. 886 p.
12. Tools case [Electronic resource] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Official website]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/140924g1.html> (accessed: 09.01.2021).
13. Stainless steel plate case [Electronic resource] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Official website]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/040123g1.html> (accessed: 09.01.2021).
14. CISG Advisory Council Opinion No. 5 [Electronic resource] // CISG Advisory Council (CISG-AC) [Official website]. URL: <http://www.cisgac.com/cisgac-opinion-no-5/> (accessed: 09.01.2021).
15. Ultima Ratio Principle I Eurofound [Electronic resource] // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions [Official website]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/efemiredictionary/ultima-ratio-principle> (accessed: 09.01.2021).
16. Honnold J. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 209.
17. Schwenzer I., Beimel I. Replacement and Repair of Non-Conforming Goods under the CISG // Internationales Handelsrecht. 2017. Vol. 17, Issue 5. P. 190.
18. Enderlein F., Maskow D. International Sales Law. New York: Oceana Publications, 1992. P. 113.
19. Designer clothes case [Electronic resource] // Electronic Library on International Commercial Law and the CISG [Official website]. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/021014g1.html> (accessed: 09.01.2021).
20. Keller B. Favor Contractus: Reading the CISG in favor of the contract // Andersen C., Schroeter U., Sharing International Commercial Law across National Boundaries: Festschrift for Albert H. Kritzer on the Occasion of his Eightieth Birthday. London: Wildy, Simmons & Hill Publishing, 2008. P. 249.

Расчетный метод определения действительного размера налоговых обязательств: проблемы применения в условиях отсутствия методологических подходов

Голенев Вячеслав Вячеславович,
аспирант кафедры финансового права Университета имени
О.Е. Кутафина
E-mail: vg@golenev.ru

В данной статье рассмотрены проблемы применения расчетного метода при определении налоговой обязанности налогоплательщика. Регулируется данный вопрос подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации. В указанной норме законодательно закреплены основания для применения расчетного метода, однако, отсутствуют методологические подходы к исчислению суммы, определяемой расчетным путем, что стало причиной происхождения практической и научной проблемы определения действительного размера налоговых обязательств налогоплательщиков. Поэтому в качестве рационального решения проблемы были проанализированы разъяснения высших судебных инстанций, а именно Высшего арбитражного суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации. Ими были сформированы определенные «критерии» методологических особенностей определения налога, подлежащего уплате в бюджет, которые определяют границы методологического усмотрения налогового органа. Они были определены с целью наиболее эффективного применения расчетного метода в практике.

Ключевые слова: закон, налоговое право, Налоговый кодекс Российской Федерации, Налог, налогоплательщик, Федеральная налоговая служба, доначисление налогов, действительная налоговая обязанность, расчетный метод, суды.

Введение

С момента принятия части первой Налогового Кодекса Российской Федерации (НК РФ) [1] одной из самых дискуссионных проблем остается проблема применения расчетного метода (подпункт 7 пункт 1 статьи 31 НК РФ) при определении налоговой обязанности налогоплательщика. КС РФ разъяснено, что допустимость применения расчетного пути исчисления налогов непосредственно связана с обязанностью правильной, полной и своевременной их уплаты и обуславливается неправомерными действиями (бездействием) налогоплательщика [2].

Президиум ВАС РФ неоднократно указывал на приемлемость использования расчетного метода [3], принципиально подтвердив приведенный подход в Постановлении от 03.07.2012 № 2341/12 (дело ОАО «Камский завод железобетонных изделий и конструкций» [4]), где указано следующее. Налогоплательщик вправе учесть расходы в налоговой базе по налогу на прибыль организаций, если они реально понесены, но реальный поставщик (подрядчик, исполнитель) товара (сырья, работы, услуги) не установлен. В таком случае расходы на закупаемые товары, имущество, работы или услуги принимаются к учету в налоговой базе по налогу на прибыль организаций по рыночным ценам. В определении о передаче указанного дела в Президиум ВАС РФ [5] имелась прямая ссылка на подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ.

В дальнейшем именно опыт рассмотрения Президиумом ВАС РФ упомянутых дел лег в основу разъяснений из пункта 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 57) [6].

Вместе с тем, на законодательном уровне, равно как и в разъяснениях, содержащихся в судебной практике, отсутствует четкий и последовательный алгоритм, методологическая основа того, как следует применять расчетный метод. Несмотря на подробные разъяснения относительно оснований для перехода налогового органа к применению расчетного метода, на данный период не существует единого понимания методологии, по которой возможно осуществлять применение расчетного метода. Это влечет существенные проблемы научного и практического характера в установлении действительной налоговой обязанности налогоплательщика и действительного размера его налоговых обязательств.

Поэтому цель настоящей статьи – проанализировать и выяснить, в каких случаях и как возможно разрешить методологические проблемы применения расчетного метода, и определить те требования и особенности, в соответствии с которыми возможно определить сумму подлежащего уплате налога (действительный размер налоговых обязательств) расчетным путем.

Основания для применения расчетного метода

Для уяснения того, какие факты законодатель счел основаниями для применения расчетного метода, следует проанализировать гипотезу нормы подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ.

Такой анализ представлен в сноске¹. Буквальное толкование подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ (в части гипотезы 2) позволяет сделать вывод о том, в каких случаях налоговый орган вправе применить расчетный метод исчисления налога. В практике отсутствуют принципиальные разночтения в отношении оснований для применения расчетного метода.

Таких случаев пять.

1) *Отказ допустить налоговый орган к осмотру помещений и территорий, используемых в предпринимательской деятельности для получения дохода.* Под ним понимается непосредственно отказ или воспрепятствование налогоплательщиком в доступе налоговому органу в свои помещения. В таком случае налоговым органом составляется акт воспрепятствования доступу, который является основанием для возложения еще и административной ответственности на соот-

¹ Формально-юридический анализ подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ произведен следующим образом. В квадратных скобках указывается элемент нормы права (до начала соответствующего фрагмента/фразы в норме), в круглых – составляющие соответствующего элемента (юридический факт на который указывает гипотеза; то право или обязанность, на которую указывает диспозиция):

[управомоченный субъект] налоговые органы

[диспозиция] вправе определять суммы налогов, подлежащие уплате [обязанный субъект] налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем

[гипотеза 1] на основании (**юридический факт 1 гипотезы 1**) имеющейся у них информации о налогоплательщике, а также (**юридический факт 2 гипотезы 1**) данных об иных аналогичных налогоплательщиках [гипотеза 2] в случаях (**юридический факт 1 гипотезы 2**) отказа налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, (**юридический факт 2 гипотезы 2**) непредставления в течение более двух месяцев налоговому органу необходимых для расчета налогов документов, (**юридический факт 3 гипотезы 2**) отсутствия учета доходов и расходов, учета объектов налогообложения или (**юридический факт 4 гипотезы 2**) ведения учета с нарушением установленного порядка, приведшего к невозможности исчислить налоги, или (**юридический факт 5 гипотезы 2**) непредставления налогоплательщиком – иностранной организацией, не осуществляющей деятельность на территории Российской Федерации через постоянное представительство, налоговой декларации по налогу на имущество организаций.

ветствующее лицо, воспрепятствовавшее проведению мероприятий налогового контроля, в виде административного штрафа в размере десять тысяч рублей [7].

Противодействие налоговой проверке налогоплательщиком свидетельствует о содействии в возникновении условий, препятствующих налоговому органу осуществлять налоговый контроль, что является нарушением подпункта 7 пункта 1 статьи 23 НК РФ. В силу указанной нормы у налогоплательщиков вменяется обязанность по выполнению законных требований налоговых органов об устранении нарушений налогового закона, и не мешать исполнению их должностными лицами своих обязанностей [8].

2) *Непредставление документов по запросу налогового органа более двух месяцев.* Игнорирование документов по запросу налогового органа более двух месяцев суды признают достаточным основанием для исчисления налога расчетным путем. В Определении КС РФ от 19.02.1996 № 5-О [9] разъяснено, что налогоплательщики должны предоставлять в налоговую документы и информацию, необходимые для уплаты налогов. Это одна из норм установленного порядка взимания налога, призванного обеспечивать безусловное исполнение каждым своей конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы.

В уже упомянутом Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2015 № 09АП-13735/2015 по делу № А40-81710/2012 [10] разъяснено, что расчетный метод допустим к применению, так как он непосредственно связан с необходимостью правильной, полной и своевременной уплаты налогов и обусловлен неправомерными деяниями налогоплательщика. Указанная обязанность по правильной, полной и своевременной уплате налогов не исполняется, при игнорировании налогоплательщиком требований налоговых органов по предоставлению в ходе налоговой проверки информации и документов. Следовательно, расчетный путь исчисления налогов как таковой, при обоснованном его применении, не может рассматриваться как ущемляющий права подвластных (обязанных) субъектов – налогоплательщиков.

3) *Отсутствие учета доходов, расходов, объектов налогообложения.* Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлениях Президиума ВАС РФ от 19.07.2011 № 1621/11 и от 10.04.2012 № 16282/11, если у субъекта предпринимательской деятельности отсутствует (не ведется) учет доходов и расходов, и в налоговом органе при проведении проверки нет первичных документов в отношении хозяйственных операций, которые позволяли бы ему провести проверку надлежащим образом – с определением полученных доходов и произведенных расходов налогоплательщиком, то налоговые органы обязаны в такой ситуации применить подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ и определить действительный размер налоговых обязательств налогоплательщика.

Таким образом, в случае отсутствия учета доходов, расходов, объектов налогообложения имеются основания для применения подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, так как неприменение расчетного метода влечет за собой необоснованное исчисление налоговыми инспекциями налога в сумме, не согласующейся с размером фактических обязательств налогоплательщика (т.е. его действительной налоговой обязанности) перед бюджетом.

Противоположный подход существенно нарушает права и законные интересы налогоплательщика [11].

4) *Невозможность исчислить налоги по причине ведения учета с нарушением установленного порядка.* Достаточно основательно рассмотрел приведенное основание Президиум ВАС РФ в Постановлении от 22.06.2010 № 5/10 [12], в котором определение налоговым органом доходов организации расчетным путем признается правомерным.

По приведенному делу у плательщика отсутствовал учет бланков строгой отчетности (реализуемых билетов), установлен факт уничтожения указанных бланков. Налоговый орган, основываясь на сведениях об иных, аналогичных, налогоплательщиках, в частности, о количестве перевозимых пассажиров на аналогичных маршрутах, осуществил расчет полученного проверяемым доходом и произвел доначисления налогов.

Ссылка на незаконность приблизительного исчисления налоговой обязанности ВАС РФ опроверг следующим суждением: применение расчетного метода изначально предполагает вероятностный характер.

5) *Непредставление налогоплательщиком – иностранной организацией, не осуществляющей деятельность на территории Российской Федерации через постоянное представительство, налоговой декларации по налогу на имущество организаций.* Судебной практики по указанному вопросу не найдено. В таком случае, следует обратиться к законодательному уровню регулирования вопроса. Если иностранная компания имеет постоянное представительство в Российской Федерации, то она является плательщиком налога на имущество (пункт 1 статьи 373 НК РФ). В этом случае налог на имущество рассчитывается так же, как и для российских предприятий.

В случае, если иностранная компания не имеет постоянного представительства в Российской Федерации, то она уплачивает налог на имущество в отношении собственного российского недвижимого имущества (пункт 3 статьи 374 НК РФ). Следовательно, при непредставлении декларации по налогу на имущество организаций, налоговый орган вправе в ходе мероприятий налогового контроля самостоятельно определить размер подлежащего уплате налога расчетным путем.

Рассмотрев основания для применения расчетного метода, следует обратиться к методологии, которую налоговые органы должны применять при использовании расчетного метода.

Методологические проблемы, возникающие при применении расчетного метода

Допустим, в абстрактном налоговом споре имеется одно из пяти (приведенных выше, в разделе 2 настоящей статьи) оснований для применения расчетного метода.

Но каким образом налоговый орган должен осуществить применение расчетного метода, что понимается под «аналогичными налогоплательщиками» и «данными о них», в чем заключается такая «аналогия» и каковы критерии сравнения налогоплательщиков, какая информация о самом налогоплательщике может быть использована в целях определения налогов расчетным путем не ясно, создается правовая неопределенность. Исследователи отмечают отсутствие устоявшейся методологии применения расчетного метода [13]. Остается непонятным, каким образом производить сам расчет, какова иерархия подвидов метода, и каковы методологические границы применения расчетного метода. В отношении распространенной ситуации «дробления бизнеса», при которой уместно применение расчетного метода, эти проблемы еще более актуальны.

Как отмечается в Письме Федеральной налоговой службы России (ФНС России) «О направлении обзора судебной практики ... разделения (дробления) бизнеса...», по итогам анализа судебно-арбитражная практика по налоговым делам о «дроблении бизнеса» показала, что исчерпывающий или строго императивный перечень признаков, свидетельствующий об обоснованности выводов налогового органа о формальности разделения (дробления) бизнеса, отсутствует [14].

Представляется логичным начать анализ поставленных проблемных методологических вопросов с определения подвидов расчетного метода.

Подвиды расчетного метода. Как уже указывалось ранее в разделе 2 настоящей статьи, налоговый орган применяет расчетный метод на основании (юридический факт 1 гипотезы 1) имеющейся у него информации о налогоплательщике, а также (юридический факт 2 гипотезы 1) данных об иных аналогичных налогоплательщиках.

1) *Имеющаяся у налогового органа информация о налогоплательщике.* Налоговый орган может сделать вероятностный вывод о размере налоговой обязанности налогоплательщика на основании следующих документов:

- материалы, полученные налоговым органом в ходе истребования документов и информации в порядке статьи 93.1 НК РФ;
- банковские выписки расчетным счетам налогоплательщика и его контрагентов;
- допросы свидетелей;
- иная информация, имеющейся в распоряжении налогового органа на момент проведения проверки (результаты встречных проверок, материалы оперативно-розыскных мероприятий, ранее проведенные мероприятия налогового контроля и пр.).

- сведения из иных внешних источников, среди которых информация, которая предоставлялась налогоплательщиком для оформления кредита, получения разрешения на строительство, для участия в закупках или получения субсидий, и т.д.

2) *Данные об аналогичных налогоплательщиках.* В этой части своей гипотезы норма подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ содержит презумпцию, применимую при невозможности определения (полностью или частично) объектов налогообложения. Как справедливо отмечает Э.Н. Нагорная, результаты анализа налогооблагаемой базы аналогичного плательщика налога, добросовестно ведущего деятельность в сравнимых (или близких по своему характеру) условиях экономики, может быть использован для определения налоговой базы проверяемого налогоплательщика, так как размер его базы вероятно будет похожим [15]. Согласно Определению КС РФ от 29.09.2015 № 1844-О, основой для применений расчетного метода могут быть сведения не о любых похожих хозяйствующих субъектах. Сравнение для определения действительной налоговой обязанности проверяемого надлежит осуществлять только с аналогичными (максимально приближенными) по своим хозяйственным показателям субъектам экономической деятельности. Именно их показатели деятельности влияют на формирование налоговой базы лица, в отношении которого применяется расчетный метод определения размера налога [16].

Вместе с тем, как справедливо отмечено Ж.Г. Попковой, подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ имеет одну особенность: расчетный метод не возлагает обязанность на налоговые органы по исчислению налогов исходя из исключительно раздельного (в том числе и с учетом данных об аналогичных налогоплательщиках) определения доходов и расходов. Налоговые органы вправе определить прибыль плательщика по данным о его прибыли предшествующих лет либо по аналогии с показателями прибыли иных налогоплательщиков или вообще не определять прибыль, а учесть только размер уплаченных налогоплательщиком налогов в предыдущие годы или налоги аналогичных налогоплательщиков. Рассчитывая налоги «по аналогии», возможно несколько вариантов расчетного пути, а НК РФ отсутствуют правила, какой именно способ расчета применяется [17].

«Критерии», определяющие границы методологического усмотрения налогового органа. Отсутствие законодательно закрепленной методики определения действительной налоговой обязанности налогоплательщика расчетным путем обращает нас к разъяснениям, данным высшими судебными инстанциями относительно методологических границ применения расчетного метода.

В пункте 8 Постановления № 57 [18] ВАС РФ истолковал подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ и установил следующие критерии. Эти разъяснения ориентируют участников налоговых правоотношений

и суды на три «критерия», являющиеся методологическими границами усмотрения налогового органа при применении расчетного метода:

1) *расчетным путем должны быть определены не только доходы налогоплательщика, но и его расходы;*

2) *расчетный метод применим как в случае отсутствия у налогоплательщика соответствующих документов, так и при признании их ненадлежащими;*

3) *при применении расчетного метода налоговые вычеты по налогу на добавленную стоимость не учитываются и не предоставляются.*

В рамках указанных методологических границ налоговый орган использует один из следующих подвидов расчетного метода, который закреплен в гипотезе 1 подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ.

В свою очередь, в ходе анализа практикообразующих судебных актов КС РФ и ВС РФ о расчетном методе выявлено еще три «критерия», определяющие границы методологического усмотрения налогового органа.

4) *Расходы учитываются, если их реальность не оспаривается.*

Принятие расходов, понесенных налогоплательщиком основывается на сохранившихся у налогоплательщика документов о совершении хозяйственных операций, действительном приобретении продукции для получения конечного экономического результата (прибыли) т.е. при наличии связи с хозяйственной деятельностью.

Другими словами, оспаривание налоговым органом факта реальности понесенных расходов налогоплательщика исключает применение подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ и является препятствием для расчетного метода для целей определения налоговой базы. В ином случае (при отсутствии факта реальности хозяйственных операций) проверяющие правомерно отказывают в установлении расходов налогоплательщика расчетным путем [19].

5) *Обязательность учета ранее уплаченных прямых налогов.*

Доначисление прямых налогов по результатам выездной налоговой проверки в целях правильного определения действительной налоговой обязанности, влечет необходимость уменьшения налоговым органом налоговой базы по налогу на прибыль на указанные суммы при условии, что проверка правильности исчисления налога на прибыль входила в предмет выездной налоговой проверки [20]. Доначисление налогов, налоговым органом по общей системе налогообложения налогоплательщику-«упрощенцу», подлежит уменьшению на сумму уплаченного единого налога по УСН. Двойное налогообложение важно исключить [21].

Таким образом, УСН и иные налоги подлежат уплате в бюджеты различных уровней; в те же бюджеты уплачиваются налоги, начисленные налоговым органом. Поэтому суммы налогов, вмененных инспекцией налогоплательщику в соответствии с общей системой налогообложения, подлежат

уменьшению на суммы уплаченных УСН и иных налогов в счет корректировки недоимки, направляемой в тот же бюджет. Корректируются и начисленные пени. Данный вывод согласуется с Постановлением Президиума ВАС РФ от 06.07.2010 № 17152/09 [22].

Учет расходов при применении схем дробления бизнеса

«Критерий 1» может быть применен и к указанной ситуации. Расчетным путем определяются не только доходы налогоплательщика, но и его расходы, что справедливо и для всех «участников» схемы «дробления бизнеса» (или «единого бизнес-субъекта» для целей налогообложения)

Схема «дробления бизнеса» имеет определенную специфику – на базе одного налогоплательщика налоговым органом для цели налогообложения «объединяются» все участники «схемы», что в дальнейшем позволяет «объединить» и налоговые базы для целей налогообложения. Поэтому ранее указанный «критерий 1» – расчетным путем должны быть определены не только доходы налогоплательщика, но и его расходы – подлежат расширительному толкованию применительно ко всем участникам схемы «дробления бизнеса». В противном случае, в отношении налогоплательщика, на базе которого произошло объединение нескольких организаций для целей налогообложения в «единый бизнес-субъект», будет допущено нарушение принципа экономической обоснованности налога (ведь иначе в базе налогоплательщика не учитываются (для цели корректного вменения недоимки), расходы, которые попали в базу участника схемы, из-за чего неправомерно увеличивается доначисление), происходит двойное налогообложение (так как один раз налог был уплачен участником схемы, и второй раз – с той же самой базы – уже самим налогоплательщиком), искажается действительная налоговая обязанность налогоплательщика.

Необходимости учета всех расходов придерживается и ФНС России (пункт 3.2. Письма от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@), разъясняя следующее. Доказывая в арбитражных судах факты необоснованной налоговой выгоды от использования схем дробления бизнеса, ключевым является вопрос о правильном определении действительного размера налоговых обязательств налогоплательщика. В случае, когда налоговый орган выявил занижение налоговой базы по налогу на прибыль организаций налогоплательщиком путем применения схемы дробления бизнеса, расходы взаимозависимых организаций на осуществление деятельности необходимо учитывать в полном объеме [23].

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

2. Определения КС РФ от 05.07.2005 г. № 301-О «По жалобе гражданина Кукушина Николая Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации»; от 29.09.2015 г. № 1844-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Продовольственная база № 4» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
3. Постановления Президиума ВАС РФ от 19.07.2011 г. № 1621/11 по делу ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»; от 10.04.2012 г. № 16282/11 по делу ИП Михеевой Е.Е.; от 29.10.2013 г. № 7764/13 по делу ЗАО «ПОЗИТИВ» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.07.2012 № 2341/12 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
5. Определение ВАС РФ от 26.04.2012 г. № ВАС-2341/12 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс»;
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2015 г. № 09АП-13735/2015 по делу № А40-81710/2012 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
9. Определение КС РФ от 19.02.1996 г. № 5-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Независимого территориального профсоюза работников различных форм собственности «Урал» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Гарант».
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2015 № 09АП-13735/2015 по делу N А40-81710/2012 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс»
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.03.2016 г. № Ф07-1085/16 по делу № А44-1975/2015 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Гарант»;
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.06.2010 № 5/10 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс»;
13. Юзвак Н.М. Расчетный метод определения налоговых обязательств: проблемы правоприме-

нения // Налоговед. 2011. № 11; Ногина О.А. (2013). Проблемы правового регулирования применения налоговыми органами расчетного метода исчисления налогов. В «Очерки налогово-правовой науки современности» (стр. 669–678). Издательский дом «Право»; Сосновский С.А., Григорьев В.В. Кононов В.И. Определение величины расходов расчетным путем (методом): соотношение подходов по налогу на прибыль и НДС // Налоговед. 2017. № 9.

14. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
15. Нагорная Э.Н. Бремя доказывания в налоговых спорах. М., 2006. С. 148.
16. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2017.
17. Попкова Ж.Г. Статья 54.1 НК РФ, налоговая выгода и расчетный метод определения суммы налога: проблемы взаимодействия // «Вестник арбитражной практики», 2018, № 5.
18. Пункт 8 Постановления № 57 ВАС РФ.
19. Определение КС РФ от 26.10.2017 г. № 2461-О; Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.06.2016 г. № Ф07-3195/2016 по делу № А56-52038/2015; от 24.06.2016 г. № Ф07-4284/2016 по делу № А56-54537/2015 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
20. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2017 г. // Официальный сайт ВС РФ: https://www.vsr.ru/Show_pdf.php?Id=11275 (дата обращения 25.10.2020).
21. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2005 № 2347/05 по делу ОАО «Винзавод „Воронежский“» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
22. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.07.2010 № 17152/09 по делу ОАО «Молочный завод «Сыктывкарский»; Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.01.2017 № 305-КГ16-10138 по делу АО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз»; от 30.11.2016 № 305-КГ16-10138 по делу ЗАО «Обьнефтегеология» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2019 г. № Ф05-23958/2018 по делу № А40-195593/2017 // Документ опу-

бликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

CALCULATION METHOD FOR DETERMINING THE ACTUAL SIZE OF TAX LIABILITIES: APPLICATION PROBLEMS IN THE ABSENCE OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Golenev V.V.

University named after O.E. Kutafin

This article discusses the problems of applying the calculation method when determining the tax liability of a taxpayer. This issue is regulated by subparagraph 7 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation. In this norm, the grounds for the application of the calculation method are legally enshrined, however, there are no methodological approaches to calculating the amount determined by calculation, which caused the origin of the practical and scientific problem of determining the substantial tax liabilities of taxpayers. Therefore, as a rational solution to the problem, the explanations of the highest courts were analyzed, namely the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. They have formed certain "criteria" of the methodological features of determining the tax payable to the budget, which determine the boundaries of the methodological discretion of the tax authority. They were determined with the aim of the most effective application of the calculation method in practice.

Keywords: law, tax law, Tax Code of the Russian Federation, tax, taxpayer, Federal Tax Service, additional tax assessment, substantial tax obligation, courts.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part two) of 05.08.2000, No. 117-FZ // SZ RF. 2000. No. 32. Art. 3340.
2. Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.07.2005, No. 301-О "On the complaint of citizen Nikolai Viktorovich Kukushin on violation of his constitutional rights by the provisions of subparagraph 7 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation"; dated 29.09.2015 No. 1844-О "On refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company" Food Base No. 4 "on violation of constitutional rights and freedoms by subparagraph 7 of paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation" // Documents have not been published were. Source – SPS "Consultant Plus".
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 19.07.2011 No. 1621/11 on the case of OJSC "Publishing House" Samara Printing House"; dated 10.04.2012 No. 16282/11 in the case of IE Mikheeva E.E. ; dated October 29, 2013 No. 7764/13 in the case of ZAO POSITIVE // The documents were not published. Source – SPS "Consultant Plus".
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 03.07.2012 No. 2341/12 // The document was not published. Source – SPS "Consultant Plus".
5. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 26, 2012 No. VAS-2341/12 // The document was not published. Source – SPS "Consultant Plus".
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 57 "On some issues arising from the application of the first part of the Tax Code of the Russian Federation by arbitration courts" // The document was not published. Source – SPS "Consultant Plus".
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001, No. 195-FZ // SZ RF. 2002. No. 1 (part 1). Art. one.
8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated April 28, 2015 No. 09AP-13735/2015 in case No. A40-81710/2012 // The document was not published. Source – SPS "Consultant Plus".
9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.02.1996, No. 5-О "On refusal to accept for consideration the complaint of the Independent territorial trade union of workers of various forms of ownership" Ural // The document was not published. Source – SPS "Garant".

10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated April 28, 2015 No. 09AP-13735/2015 in case No. A40-81710 / 2012 // The document was not published. Source – SPS “Consultant Plus”
11. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of March 24, 2016 No. F07-1085 / 16 in case No. A44-1975 / 2015 // The document was not published. Source – SPS “Garant”;
12. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.06.2010 No. 5/10 // The document was not published. Source – SPS “Consultant Plus”;
13. Yuzvak N.M. Calculation method for determining tax liabilities: problems of law enforcement // Tax Studies. 2011. No. 11; O.A. Nogina (2013). Problems of legal regulation of the application by tax authorities of the calculation method of calculating taxes. In “Essays on tax and legal science of our time” (pp. 669–678). Publishing House “Pravo”; Sosnovskiy S.A., Grigoriev V.V. Kononov V.I. Determination of the amount of expenses by calculation (method): the ratio of approaches to income tax and personal income tax // Nalogoed. 2017. No. 9.
14. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 11.08.2017 N SA-4-7 / 15895 @ “On the direction of the review of judicial practice related to the appeal by taxpayers of non-normative acts of tax authorities issued as a result of tax control measures, during which the facts of obtaining an unjustified tax benefit were established by formal division (splitting) of the business and artificial distribution of proceeds from the activities carried out into controlled interdependent persons “// The document was not published. Source – SPS “Consultant Plus”.
15. Nagornaya E.N. Burden of proof in tax disputes. M., 2006. S. 148.
16. Tyutin D.V. Tax law: a course of lectures // SPS ConsultantPlus. 2017.
17. Popkova Zh.G. Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, tax benefit and calculation method for determining the amount of tax: problems of interaction // “Bulletin of Arbitration Practice”, 2018, No. 5.
18. Clause 8 of Resolution No. 57 of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
19. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2017, No. 2461-O; Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of 09.06.2016 No. F07-3195/2016 in case No. A56-52038/2015; dated June 24, 2016 No. F07-4284/2016 in case No. A56-54537/2015 // The documents were not published. Source – SPS “Consultant Plus”.
20. Review of judicial practice of the Armed Forces of the Russian Federation No. 1 (2017), approved. The Presidium of the RF Armed Forces on February 16, 2017 // Official website of the RF Armed Forces: https://www.vsrp.ru/Show_pdf.php? Id=11275 (date of treatment 10/25/2020).
21. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 21, 2005 No. 2347/05 on the case of Voronezh Winery OJSC // The document was not published. Source – SPS “Consultant Plus”.
22. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.07.2010 No. 17152/09 on the case of OJSC Syktyvkarsky Dairy Plant; Definitions of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated January 26, 2017 No. 305-KG16-10138 in the case of JSC Gazpromneft-Noyabrskneftegaz; dated 30.11.2016 No. 305-KG16-10138 in the case of CJSC Ob-neftegeologiya // The documents were not published. Source – SPS “Consultant Plus”.
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 05.02.2019 No. F05-23958/2018 in case No. A40-195593/2017 // The document was not published. Source – SPS “Consultant Plus”.

Различия инвестиционной и предпринимательской деятельности через категорию интереса и риска

Куницкая Елизавета Владимировна,

аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: 9967375@mail.ru

Инвестиционная и предпринимательская деятельность являются разновидностями экономической деятельности и на первый взгляд похожи. Оба вида деятельности направлены на извлечение прибыли и имеют рисковый характер. Между тем, по мнению автора, данные виды деятельности являются различными. Различия состоят в реализации цели и интереса, которые преследует инвестор и предприниматель. Так, инвестор зачастую пассивно осуществляет свою деятельность, в то время как предприниматель активно реализует свой интерес посредством заключения сделок, производства продукции, оказания услуг. Реализация любым субъектом его прав связана с риском наступления негативных имущественных последствий. В приведенных автором примерах наглядно показано, что реализация интереса инвестора и предпринимателя различны, отличается и риск, которые несут оба субъекта при осуществлении деятельности. Ввиду пассивности инвестора, как субъекта инвестиционной деятельности, последний несет риск значительно больший, чем риск присущий предпринимательской деятельности. Ввиду чего, защита прав инвесторов должна осуществляться на законодательном уровне больше, чем предпринимателя. Автором предложены изменения в законодательстве, которые направлены на защиту прав инвестора.

Ключевые слова: цель, интерес, предприниматель, инвестор, риск, защита, реализация прав.

Основополагающей задачей права является защита прав участников гражданского оборота. Между тем, защита субъектов прав обусловлена деятельностью и сферой, в которой она осуществляется. В то же время права, которые принадлежат тому или иному субъекту обусловлены его интересом и целью, к которой он стремиться. Все субъекты, реализуя свои права, сталкиваются с риском. Риск может быть как волей субъектов и (или) контрагентов, так и волей случая. В настоящей статье в целях разграничения инвестиционной и предпринимательской деятельностью последние были проанализированы через призму таких категорий как цель, интерес и риск.

Разграничение инвестиционной и предпринимательской деятельности остается одним из дискуссионных вопросов, ответ, на который, в настоящий момент, остается открытым. Одна группа юристов полагает, что инвестиционная деятельность представляет собой не что иное, как разновидность предпринимательской деятельности. Другие юристы напротив считают, что инвестиционная деятельность ничего общего с предпринимательской деятельностью не имеет и является независимым видом деятельности.

К аргументам «за», которые нивелируют разницу между инвестиционной и предпринимательской деятельностью относят аллеаторный характер обеих и схожую цель-извлечение прибыли. Однако при ближайшем рассмотрении, можно выявить ряд различий, которые не допускают смешения инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Обращаясь к дефиниции, закрепленной в законе, можно отметить, что под предпринимательской деятельностью понимают самостоятельный вид деятельности, осуществляемый на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Резонным будет предположить, что целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли, однако, ряд авторов, таких как Шиткина И.И. [1, с. 378], Рубцова Н.В. [2, с. 39], Леонтьев В.Е. [3, с. 10], отмечают, что извлечение прибыли это всего лишь направление указанной деятельности, а цели предпринимательской деятельности могут быть другими. Между тем, согласно мнению, высказанному Верховным судом Российской Федерации в письме «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» суд указал, что извлечение прибыли – цель предпринимательской деятельности, а не ее обязательный реальный

результат[4]. Само по себе отсутствие прибыли от этой деятельности не служит основанием для вывода о том, что такая деятельность не является предпринимательской. Аналогичная позиция содержится в иных судебных актах[5].

По нашему мнению, выработанный Верховным судом Российской Федерации подход как нельзя лучше раскрывает цель предпринимательской деятельности, которая заключается в извлечении прибыли. В то время, как к направлению указанному виду деятельности можно отнести сферу, в которой она будет осуществляться.

Обращаясь к инвестиционной деятельности можно отметить, что под последней понимают вложение инвестиций и совокупность практических действий по их реализации. Вложение инвестиций зачастую осуществляется в предпринимательские проекты. Связано это с тем, что у коммерческой организации равно, как и у предпринимателя ограниченное количество свободных финансовых ресурсов, доступных для реализации проектов, поэтому бизнес постоянно нуждается в свободных денежных средствах, которые может получить путем привлечения инвесторов.

Под целью инвестиционной деятельности понимают извлечение прибыли и (или) достижение иного полезного результата.

Между тем, цель носит неразрывный характер с понятием интереса, в связи с тем, что именно интерес обуславливает достижение цели. В науке интерес рассматривался с нескольких точек зрения, как внешний показатель (интерес в объективном смысле), так и внутренний (интерес в субъективном смысле).

Интерес в объективном смысле представляет собой внешний фактор, под которым осуществляется формирование желания субъекта, не только одного человека, но и целой группы субъектов. С этой точки зрения нельзя не отметить справедливость высказывания В.И. Ленина, о том, что интересы двигают жизнью народов [6, с. 82].

С субъективной точки зрения интерес внутренний фактор, зависящий от конкретного субъекта его воли и желания. По мнению Грибанова В.П. интерес – это и потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, а, в конце концов, в тех отношениях, в которые вступают лица в процесс своей деятельности [7, с. 56]. Интерес долгое время изучался юристами, как один из факторов субъективного права. Так, ряд ученых Шершеневич Г.Ф, Толстой Ю.К. определяют субъективное право, как возможность субъекта осуществить свой интерес в рамках, определенных объективным правом [8, с. 313]. Основополагающая цель права является защита прав участников гражданского оборота для реализации последними их интереса.

В связи с чем, возникает вопрос если интересы и цели инвестора и предпринимателя схожи, то можно ли признать их одинаковыми субъектами, чей интерес и права подлежат одинаковой

защите? Так, в случае положительного ответа на данный вопрос защита прав предпринимателя будет осуществляться наравне с защитой прав инвестора, но отвечает ли такой подход объективности и справедливости. Полагаем, что для ответа на этот вопрос, стоит рассмотреть, каким образом реализуется интерес инвестора и предпринимателя.

Реализация интереса – это его внешнее выражение, посредством действий субъекта во вне. Как было указано выше, предприниматель реализует свой интерес посредством активных и самостоятельных действий, будь то создание и продажа товара, оказание услуг и т.д. Реализация интереса инвестора напротив носит пассивный характер. Активные действия инвестора ограничиваются лишь передачей своих денежных средств другим предпринимателям. Зачастую инвестору не интересно, каким образом будет достигнута цель-получение прибыли. Предприниматель после получения инвестиций продолжает реализовывать интерес в получении прибыли, но этот интерес уже является не только его, но и инвестора. Так как получение прибыли предпринимателем осуществляется посредством активных действий, то последний принимает решения, а значит, контролирует передвижение денежных средств, чего инвестор лишен. Поэтому можно сделать вывод, что рискуют предприниматель и инвестор по-разному.

Риск одна из тех категорий, в отношении которых в науке не выработано единого подхода. К примеру, большинство ученых сходятся во мнении, что риск это негативные последствия, которые испытывает на себе субъект. При этом, последствия могут быть вызваны событиями, как зависящими от воли самих субъектов, так и вызванные обстоятельствами, не зависящими от их воли пожар, наводнение и т.д. Так как, ценность для любого субъекта имеет, прежде всего, имущество, то и под негативными последствиями для него принято понимать его утрату. В связи с чем, риск представляет собой принятие субъектом негативных имущественных последствий [9, с. 59]. Ввиду того, что риск связан с утратой имущества, то и оценка негативных последствий будет связана с размером стоимости такого имущества. Говоря об имущественной составляющей риска, стоит отметить, что данный риск у предпринимателя и инвестора будет различным. Полагаем, что в случае наступления неблагоприятных последствий для инвестора последний потеряет свои инвестиции и прибыль. В то время, как для предпринимателя в аналогичной ситуации это ведет к потере имущества и прибыли. Данный вывод обоснован тем, что при получении инвестиций последние подлежат вложению в объект предпринимательской деятельности и в случае его утраты инвестиции также утрачиваются, но предприниматель не делит на объект своей деятельности и инвестиции, поэтому инвестор теряет имущество, стоимость которого намного больше.

Между тем, предпринимательский и инвестиционный риск значительно отличаются от риска, принятого среди обычных субъектов гражданского оборота.

Обусловлено это высокой выгодой, которую стремятся извлечь инвестор и предприниматель. Предполагается, что субъект гражданского оборота, осуществляющий свою деятельность осмотрительно и добросовестно, не вступил бы в рискованные сделки, где ценой участия может стать утрата вложенного (переданного) имущества, а взамен получение прибыли.

Выгодой и одновременно платой за риск в указанных сделках является сверхприбыль. Но можно ли назвать риск обоим одинаковым? Ниже приведем практические примеры, которые явно дают ответ, что риск предпринимателя и инвестора различен.

Риск предпринимателя и риск инвестора обусловлены различными обстоятельствами и различной ценой имущества. Представим, что инвестор передает инвестиции предпринимателю и уже последний ими распоряжается, т.е. совершает сделки, выбирает контрагента, вкладывает денежные средства. В свою очередь, инвестор не совершает никаких действий, а значит, мы исключаем риск утраты инвестиций, обусловленный принятием инвестором неправильных решений, которые привели к обусловленным событиям, которые зависят от воли инвестора. Таким образом, у инвестора нет риска, обусловленного принятием им неправильных решений. Но, так как инвестор передает свое имущество предпринимателю, то он разделяет риск предпринимателя. В указанном случае инвестор наравне с предпринимателем несет негативные имущественные последствия в случае принятия предпринимателем неправильного, ошибочного решения.

Полагаем, что в таком случае риск инвестора больше, так как он не может контролировать действия предпринимателя и влиять на его волю при совершении той или иной сделки. Инвестор при передаче инвестиций, прежде всего, рассчитывает на профессионализм, осмотрительность и добросовестность получателя инвестора при осуществлении предпринимательской деятельности.

Представим другой случай, когда инвестор передает свои инвестиции юридическому лицу, взамен инвестор приобретает пакет акций или долю в уставном капитале общества. Как известно, с момента приобретения акций /доли в уставном капитале общества инвестор приобретает обязательственные права к обществу и может влиять на его судьбу путем голосования на общих собраниях участников общества. Но, зачастую инвестор приобретает такой пакет акций или доли, которая не является мажоритарной, а значит, не позволяет последнему влиять на исход голосования и судьбу общества.

Могут ли инвесторы, которые приобретают мажоритарный пакет оставаться инвесторами или они являются предпринимателями? На данный во-

прос стоит ответить отрицательно. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», суд отметил, что деятельность акционеров не является предпринимательской (она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности), однако, и она влечет определенные экономические риски, поскольку акционерное общество осуществляет предпринимательскую деятельность [10]. Поддерживая данный вывод, мы возьмем на себя ответственность предположить, что размер доли или размер пакета акций прямо влияет на признание учредителя общества или его акционера инвестором или участником предпринимателем. По нашему мнению, логика суда была в том, что общество осуществляет свои права и обязанности через органы управления, к которым в том числе относятся единоличный исполнительный орган. Для того, чтобы быть участником общества совсем не обязательно разбираться в тонкостях предпринимательской деятельности, ввиду того, что вместо участника это сделает его исполнительный орган. Однако нельзя выпускать из внимания тот аспект, что именно собрание учредителей, равно, как и акционеров принимают самые важные решения для общества. Так, согласно статье 48 ФЗ «Об акционерных обществах» [11], а также статьи 33 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [12] собрание учредителей и акционеров принимают решения о совершении обществом крупных сделок, реорганизации, общества и т.д. То есть сам законодатель отдает важные вопросы на решение его участников. Вместе с тем, зачастую учредители общества по своей природе являются предпринимателями и ведут свой бизнес через организацию. Обусловлено это тем, что при создании организации проще аккумулировать большой объем капитала, а также тем, что в отличие от предпринимателя, который отвечает всем своим имуществом, участники организации не несут ответственность по долгам юридического лица. Представляется, что владельцы бизнеса не будут упускать контрольный пакет акций или долей уставного капитала общества, позволяющий контролировать общество. Инвестор напротив не ставит своей целью контролировать и предопределять судьбу общества, ввиду чего ограничивается покупкой небольшой доли уставного капитала/ акций такого общества. При этом, определяющим фактором при выборе организации, чьи акции или долю в уставном капитале будет приобретать инвестор, может стать как состав её учредителей, состав органов общества, вид деятельности организации или репутация на рынке.

Ввиду того, что юридическое лицо представляет собой юридическую фикцию, которая осуществляет свою деятельность через исполнительные органы, то выбор управленца влияет на судьбу всего общества, а также в частности на судьбу

капиталовложений. Генеральный директор отвечает за всю текущую деятельность юридического лица. Согласно статье 40 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [12] в функционал генерального директора в том числе входит осуществление иных полномочий, которые не отнесенные к компетенции общего собрания участников общества, совета директоров (наблюдательного совета) общества и коллегиального исполнительного органа общества. Таким образом, судьба общества и наступление неблагоприятных имущественных последствий в том числе может зависеть от воли генерального лица. Иначе говоря, в отношении инвестор предприниматель включается третий элемент-управленец. Но может ли риск инвестора и мажоритарного учредителя быть равным в этом случае. Так, если представить, что учредитель по совместительству является генеральным директором, то ситуация, когда инвестор передает свои денежные средства предпринимателю не изменяется. В случае, если генеральный директор не является учредителем, то можно предположить, что риск инвестора аналогичен риску мажоритарного участника общества, ведь судьбой его денежных средств распоряжается третье лицо, а значит риск инвестора и собственника бизнеса одинаков. Но ответ на данный вопрос отрицательный. Связано это с тем, что инвестор из-за небольшого размера пакета акций не может влиять на выбор кандидата на должность генерального директора. А ввиду того, что роль генерального директора слишком высока, то при его избрании приоритет отдается кандидату, с которым учредителя связывают фидуциарные отношения. т.е. решения, принимаемые генеральным директором близки к тем, которые бы принимал сам учредитель. И хотя решения, принятые генеральным директором, могут вызывать вопросы со стороны мажоритарного участника общества, но приравнивать возможность наличия событий, которые приведут к негативным имущественным последствиям не приходится.

Как мы видим интерес предпринимателя и интерес инвестора схож, однако его реализация различна, также различен риск, который несет тот и другой субъект, поэтому нельзя говорить о том, что инвестиционная деятельность является предпринимательской деятельностью.

Ввиду того, что эти две деятельности являются разными, а значит, защита прав должна осуществляться по-разному.

Полагаем, что защита инвестиционной деятельности ввиду ее рискованного характера требует пристального внимания и подлежит регулированию посредством принятия административного решения.

Литература

1. Предпринимательское право Российской Федерации / Под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, –2017. -С. 378.

2. Рубцова Н.В. К вопросу о целях предпринимательской деятельности в контексте современной рыночной экономики// «Предпринимательское право». Приложение «Право и Бизнес». – 2019.№ 1. – С. 39.
3. Леонтьев В.Е. Формирование и использование предпринимательской прибыли: Монография. СПб.: СПбУЭФ. – 1994. – С. 10.
4. Письмо Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» [Электронный ресурс] // Справочноправовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
5. Определение Верховного Суда РФ от 01.10.2020 № 309-ЭС20–13373 по делу № А60–40392/2019 [Электронный ресурс] // Справочноправовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений//издательство политической литературы-1969, Т. 29,-С. 82.
7. Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве// Советское государство и право-1967. -№ 1. – С. 49–56.
8. Шершеневич Г.Ф. Избранные труды по общей теории права//Юрайт-2017. С. 313.
9. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая) Душанбе: Ирфон. – 1972.С. 59.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Интеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы».
11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) [Электронный ресурс] // Справочноправовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
12. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // Справочноправовая система Консультант-Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/>.

DIFFERENCES BETWEEN INVESTMENT AND ENTREPRENEURIAL ACTIVITY THROUGH THE CATEGORY OF INTEREST AND RISK

Kunitskaya E.V.

Saint-Petersburg state university of economics

Investment and entrepreneurial activities are types of economic activities and at first glance are similar. Both types of activities are aimed at making a profit and are risky in nature. Meanwhile, according to the author, these types of activities are different. The differences lie in the realization of the goal and interest pursued by the investor and the entrepreneur. So, the investor often passively carries

out his activities, while the entrepreneur actively realizes his interest through the conclusion of transactions, the production of products, the provision of services. The exercise by any subject of his rights is associated with the risk of negative property consequences. In the examples given by the author, it is clearly shown that the realization of the interests of the investor and the entrepreneur is different, and the risk that both entities bear is also different. Due to the passivity of the investor, as a subject of investment activity, the latter carries a risk that is much greater than the risk inherent in entrepreneurial activity. In view of this, the protection of the rights of investors should be carried out at the legislative level more than that of an entrepreneur. The author proposes changes in legislation aimed at protecting the rights of the investor.

Keywords: goal, interest, entrepreneur, investor, risk, protection, realization of rights.

References

1. Business law of the Russian Federation / Ed. E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3rd ed., Rev. and add. M.: Norma; INFRA-M, –2017. P. 378.
2. Rubtsova N.V. On the question of the goals of entrepreneurial activity in the context of a modern market economy // «Entrepreneurial Law». Appendix «Law and Business». – 2019. № 1. – C. 39.
3. Leontiev V.E. Formation and use of entrepreneurial profit: Monograph. SPb.: SPbUEF. – 1994. P. 10.
4. Letter of the Supreme Court of the Russian Federation «Some questions of judicial practice in civil cases» [Electronic resource] // Reference legal system Consultant-Plus. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
5. Opređenje of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.10.2020 No. 309-ES20–13373 in case No. A60–40392 / 2019 [Electronic resource] // Reference legal system Consultant-Plus. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
6. Lenin V.I. Complete Works // Political Literature Publishing House-1969, V. 29, p. 82.
7. Griбанov V.P. Interest in civil law // Soviet state and law-1967. -No. 1. – P. 49–56.
8. Shershenevich G.F. Selected works on the general theory of law // Yurayt-2017. P. 313.
9. Oygenzikht V.A. The problem of risk in civil law (part general) Dushanbe: Irfon. – 1972. 59.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2004 N 3-P «In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 74 and 77 of the Federal Law» On Joint Stock Companies “regulating the procedure for the consolidation of placed shares of a joint stock company and the buyback of fractional shares, in connection with complaints citizens, the company «Cadet Establishment» and the request of the Oktyabrsky District Court of the city of Penza».
11. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as revised on 31.07.2020) «On Joint Stock Companies» (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2021) [Electronic resource] // Reference legal system Consultant Plus. – URL: <http://www.consultant.ru/>.
12. Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 31.07.2020) «On Limited Liability Companies» [Electronic resource] // Reference Legal System Consultant-Plus. – URL: <http://www.consultant.ru/>.

Надзор и регулирование в сфере ломбардной деятельности

Лебедев Роман Александрович,

студент, институт истории и права, Хакасский
государственный университет имени Николая Федоровича
Катанова

E-mail: roman.lebedev.97@inbox.ru

Данная статья посвящена изучению порядка надзора и регулирования деятельности ломбардов. Долгое время рынок ломбардов являлся слабо контролируемым и законодатель не обращал на него своё внимание, в результате чего данный сектор финансовой системы получил несколько серьёзных проблем. К их числу относятся крайне невыгодные условия предоставляемых займов для физических лиц, большая распространённость рискованных операций и наличие значительной доли «теневого сектора» ломбардного рынка. Однако, на протяжении нескольких лет в этой области произошли существенные изменения – начиная от назначения Банком России в качестве надзорного органа вплоть до введения государственного реестра ломбардов. Теоретическое изучение данной области будет способствовать определению проблемных вопросов, решение которых повысит эффективность надзора и регулирования Банка России в ломбардной деятельности.

Ключевые слова: ломбард, надзор, регулирование, Банк России, ответственность.

Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим функционирование ломбардов, является Федеральный закон № 196-ФЗ «О ломбардах». Предметом данного закона являются гражданские правоотношения между гражданами и ломбардами по предоставлению займов и хранению предметов залога, а также реализации данных предметов при неисполнении гражданами условий займов.

Последние поправки в ФЗ «О ломбардах» расширили список сделок, в которые могут вступать ломбарды. На данный момент к ним относятся:

- Краткосрочные займы гражданам под залог принадлежащих им вещей;
- Хранение вещей;
- Сдача в аренду (субаренду) недвижимого имущества;
- Осуществление деятельности банковского платежного агента.

Принятие данного федерального закона способствовало развитию ломбардов, однако механизма по сбору статистических данных, включая размеры проводимых операций, надзора и регулирования, создано не было. 01 апреля 2014 года были внесены поправки в ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации» [4] и ФЗ «О ломбардах», на основании которых ломбарды были отнесены к некредитным финансовым организациям, а банк России стал организацией, осуществляющей регулирование и надзор за организациями данного типа. Согласно ст. 76.1 ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации», регулирование и надзор осуществляется в целях устойчивого развития финансового рынка РФ, эффективного управления рисками, возникающих на нём, а также защиты прав и законных интересов инвесторов. Стоит отметить, что деятельность ломбардов также является объектом надзора и других служб, таких как Прокуратура, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и т.д.

Необходимо провести разграничение понятий «надзор» и «регулирование». Под надзором принято понимать деятельность уполномоченных субъектов с целью проверки и контроля за соблюдением законности, а регулированием обозначается воздействие на объект, обеспечивающее его стабильное состояние. Из сказанного следует, что надзор и регулирование являются инструментами Банка России по контролю ломбардной деятельности.

Компетенция Банка России в сфере ломбардной деятельности подробным образом прописана

на в ст. 2.3 ФЗ «О ломбардах», согласно которой на данный орган возложены следующие функции:

- принятие в пределах своей компетенции нормативных актов, регулирующих деятельность ломбардов;
- ведение государственного реестра ломбардов в порядке, установленном ФЗ «О ломбардах» и нормативным актом Банка России;
- запросы и получение от ломбардов документов и информации, необходимых для осуществления Банком России своих функций;
- осуществление в установленном Банком России порядке надзора за соблюдением ломбардами требований, установленных ФЗ «О ломбардах», другими федеральными законами и нормативными актами Банка России, за исключением требований к их деятельности по хранению вещей, сдаче в аренду (субаренду) недвижимого имущества, их деятельности банковского платежного агента, оказанию ими консультационных и информационных услуг;
- осуществление иных функций, предусмотренные законодательством Российской Федерации;
- определение сроков и форм представления документов, содержащих сведения о деятельности ломбарда и персональном составе руководящих органов ломбарда.

Затрагивая систему актов регулирующих надзор и регулирование ломбардной деятельности, кроме вышеуказанных нормативных правовых актов к ней относятся:

- Федеральный закон от 21.12.2013 г. «О потребительском кредите (займе)»; [2]
- Федеральный закон от 07.08.2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма»; [3]
- Указание Банка России от 05.05.2014 г. № 3355-У «О формах сроках и порядке составления и представления в Банк России документов, содержащих отчет о деятельности ломбарда и отчет о составе руководящих органов ломбарда»; [4]
- Указание Банка России от 23.04.2014 г. № 3240-ФЗ «О табличной форме индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа)»; [5]
- Указание Банка России от 29.04.2014 г. № 3249-У «О порядке определения Банком России категорий потребительских кредитов (займов) и о порядке ежеквартального отчета и опубликования среднерыночного значения полной стоимости потребительского кредита (займа)» [6]

Заслуживает внимание вопрос ответственности ломбардов в случае нарушения установленных законом требований. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит несколько составов, прямо касающихся ломбардной деятельности.

Например, в случае нарушения законодательства о ломбардах, в соответствии со п. 1 ст. 15.26.2

КоАП РФ, на должностных лиц будет наложен штраф от 10 до 30 тыс. рублей, а на юридические лица – от 50 до 100 тыс. рублей.

Пункт 2 ст. 15.26.2 КоАП РФ посвящен административной ответственности за осуществление ломбардом деяний, нацеленных на возвращение задолженности по потребительским кредитам, прямо не указанных законодательством – это нарушение наказывается штрафом от 10 до 20 тыс. рублей для должностных лиц или от 50 до 100 тыс. рублей для юридических лиц.

Согласно ст. 19.7.3 КоАП РФ, если ломбард не предоставит или нарушит порядок предоставления в Банк России отчетов уведомлений и иной информации, необходимой для надзора и регулирования или предоставит недостоверную или неполную информацию, то на должностных лиц налагается административный штраф от 20 до 30 тыс. рублей, а на юридические лица – от 500 до 700 тыс. рублей.

В случае игнорирования ломбардом предписания надзорного органа об устранении нарушения законодательства на должностных лиц будет наложен штраф от 1 до 2 тыс. рублей, а на юридические лица – от 10 до 20 тыс. рублей.

В случае если предписание выдано надзорным органом в сфере экспортного контроля, то согласно ст. 19.5 КоАП РФ санкцией является штраф в размере от 5 до 10 тыс. рублей для должностных лиц и от 200 до 500 тыс. рублей для юридических лиц.

Также необходимо упомянуть, что на основании ст. 20.25 КоАП РФ неуплата штрафа в установленный КоАП срок влечет его взыскание в двойном размере от суммы первоначального штрафа, или административный арест на 15 суток или обязательные работы сроком 50 часов.

Важно подчеркнуть, что штрафы являются самой существенной санкцией, которые применяются в отношении ломбардов, поскольку их размер является серьезным. Поэтому наиболее распространенным методом работы Банка России в ломбардной деятельности является выдача предписаний об устранении обнаруженных нарушений.

Хоть степень надзора и регулирования рынка ломбардов достаточно высоки, на март 2020 г. доля постоянных клиентов, пользующихся услугами ломбарда, составляет 77 процентов, что свидетельствует о большой степени сформированности этого рынка. [10]

Однако в данной сфере существуют и проблемные вопросы, такие как осуществление ломбардами рискованных операций, а также наличие «теневых» сектора ломбардного рынка. С целью их решения в рамках категоризации финансового сектора экономики Банк России ввел государственный реестр ломбардов, а также на постоянной основе совершенствует систему отчетности ломбардов. Именно из нахождения в данном реестре вытекает наличие у юридического лица правового статуса ломбарда, право иметь в наименованиях слово «ломбард» и любые производные слова от не-

го, право осуществлять ломбардную деятельность и т.д. Стоит обратить внимание и на некоторые основания исключения из государственного реестра, а именно:

- Неоднократное нарушение ФЗ «О потребительском кредите (займе)» за 1 год
- Неоднократное нарушение ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» за 1 год.
- Неосуществление ломбардом своей деятельности в течение года

Данные основания служат ЦБ РФ для отсеивания недобросовестных и неактивных ломбардов, что способствует улучшению условий, по которым предоставляются займы физическим лицам.

Совокупность этих мер уже показывает свою эффективность, что мы можем наблюдать на фоне снижения стоимости залога имущества в течение нескольких, а также постепенного выхода некоторых ломбардов из «теневых» сектора.

Литература

1. Федеральный закон от 19.07.2007 г. «О ломбардах».
2. Федеральный закон от 21.12.2013 г. «О потребительском кредите (займе)».
3. Федеральный закон от 07.08.2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма».
4. Федеральный закон от 10.07.2002 г. «О Центральном банке Российской Федерации»
5. Указание Банка России от 05.05.2014 г. № 3355-У «О формах сроках и порядке представления и представления в Банк России документов, содержащих отчет о деятельности ломбарда и отчет о составе руководящих органов ломбарда».
6. Указание Банка России от 23.04.2014 г. № 3240-ФЗ «О табличной форме индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа)».
7. Указание Банка России от 29.04.2014 г. № 3249-У «О порядке определения Банком России категорий потребительских кредитов (займов) и о порядке ежеквартального отчета и опубликования среднерыночного значения

полной стоимости потребительского кредита (займа)».

8. Гражданское право: учебник / Чаусская О.А. М., 2014. С. 248.
9. Гражданское право: В 2 т.: Учебник, том 2, под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 184.
10. Результаты анкетирования ломбардов ЦБ РФ за 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://uvelir.info/media/files/2020-06-17-att1.2.pdf>

SUPERVISION AND REGULATION IN THE FIELD OF PAWNSHOP ACTIVITIES

Lebedev R.A.

Khakas State University named Nikolay Fedorovich Katanov

This article is devoted to the study of the order of supervision and regulation of the activities of pawnshops. For a long time, the pawnshop market was poorly controlled and the legislator did not pay attention to it, as a result of which this sector of the financial system received several serious problems. These include extremely unfavorable terms of loans provided to individuals, the high prevalence of risky operations and the presence of a significant share of the “shadow sector” of the pawnshop market. However, over the past several years, significant changes have taken place in this area – from the appointment by the Bank of Russia as a supervisory authority to the introduction of the state register of pawnshops. A theoretical study of this area will help to identify problematic issues, the solution of which will increase the effectiveness of supervision and regulation of the Bank of Russia in pawnshop activities.

Keywords: pawnshop, supervision, regulation, Bank of Russia, responsibility.

References

1. Federal Law of 19.07.2007 «On Pawnshops».
2. Federal Law of 21.12.2013 “On Consumer Credit (Loan)”.
3. Federal Law of 07.08.2001 “On Counteracting Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and Financing of Terrorism
4. Federal Law of 10.07.2002 «On the Central Bank of the Russian Federation»
5. Ordinance of the Bank of Russia dated 05.05.2014 No. 3355-U «On the forms of time and procedure for drawing up and submitting to the Bank of Russia documents containing a report on the activities of a pawnshop and a report on the composition of the governing bodies of a pawnshop».
6. Order of the Bank of Russia dated April 23, 2014 No. 3240-FZ «On the tabular form of individual terms of the consumer credit (loan) agreement».
7. Ordinance of the Bank of Russia dated April 29, 2014 No. 3249-U “On the procedure for determining the categories of consumer loans (loans) by the Bank of Russia and on the procedure for quarterly reporting and publication of the average market value of the full cost of a consumer loan (loan)”.
8. Civil law. Chausskaya O.A. – textbook – 2014. S. 248.
9. Civil law: In 2 volumes: Textbook, volume 2, ed. B.M. Gongalo, Statute, 2016. S. 184.
10. Results of the survey of pawnshops of the Central Bank of the Russian Federation for 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://uvelir.info/media/files/2020-06-17-att1.2.pdf>

Налоговые разъяснения в контексте обеспечения правовой определенности в сфере налогообложения в РФ

Подшивалова Дарья Яковлевна,

аспирант Московского государственного института
международных отношений (университет) МИД РФ (МГИМО)
E-mail: d.podshivalova@inno.mgimo.ru

Принцип правовой определенности начинает приобретать все большее значение в налоговом праве. Предметом настоящей статьи является исследование вопросов толкования налогового законодательства в письменных разъяснениях фискальных органов в контексте обеспечения правовой определенности. Хотя такие разъяснения способны обеспечить правовую определенность в сфере налогообложения, в отношении правового регулирования таких разъяснений имеется ряд неразрешенных налоговым законодательством вопросов, которые могут сказываться на возможности налогоплательщиков ссылаться на правовые позиции таких разъяснений для обоснования правомерности налогового учета той или иной хозяйственной операции (например, проблемы разграничения компетенции между фискальными органами, правовой статус письменных разъяснений). Также в статье исследуется институт предварительного налогового заключения, который в настоящее время частично функционирует в рамках налогового мониторинга.

Ключевые слова: налоговое право, правовая определенность, налоговое разъяснение, акт толкования, Минфин России, ФНС России, предварительное налоговое заключение.

Принцип правовой определенности, который ранее являлся некой категорией *terra incognita* в отечественной юридической науке, начинает приобретать все большее значение во многих отраслях права, в том числе в налоговом праве. Именно этот правовой принцип позволяет обеспечить стабильность правовой системы и является важным фактором снижения конфликтности налоговых правоотношений. Принцип правовой определенности предполагает не только требование к строгости и полноте формулировки правового положения, но и необходимость установления и реализации комплексного механизма поддержания определенности и стабильности в контексте социально-правовых взаимодействий.

Правовая определенность должна проявлять себя не только в сфере правотворчества, но и на уровне правоприменительной практики. Налоговые разъяснения фискальных органов (Минфина России и налоговых органов) могут играть значимую роль в обеспечении правовой определенности путем формирования векторов развития правоприменительной практики. Такие разъяснения дают налогоплательщикам возможностью ознакомиться с позицией фискальных органов по толкованию налогового законодательства и соответствующим образом планировать свои управленческие решения. Как обоснованно отмечает А.В. Демин, «главная задача актов-интерпретаций – унификация практики применения налоговых норм и единообразное разрешение налоговых споров на территории всей страны» [1, с. 64].

Согласно п. 1 ст. 34.2 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) Минфин России предоставляет письменные *разъяснения* налоговым органам, налогоплательщикам, иным участникам налоговых отношений по вопросам *применения* налогового законодательства. Согласно пп. 4 п. 1 ст. 32 НК РФ в круг обязанностей налоговых органов входит *информирование* налогоплательщиков о налогах и сборах, которые должны уплачиваться. ФНС России наделено полномочиями по информированию налогоплательщиков по различным налоговым вопросам (п. 5.3 Положения о ФНС России), а также может давать юридическим и физическим лицам *разъяснения по вопросам установленной сферы деятельности* (п. 6.3 Положения о ФНС России) [2]. Как отмечает ФНС России, размещение ее разъяснений по применению налогового законодательства, адресованных налоговым органам, на официальном сайте ФНС России является инструментом реализации административной

процедуры по публичному *информированию* налогоплательщиков [3].

Проблема соотношения компетенций Минфина России и налоговых органов поднималась в судебной практике. Например, отмечалось, что обязанность разъяснять положения налогового законодательства возложена на Минфин России, а задача ФНС России – информировать граждан и организаций по общим вопросам применения налогового законодательства и давать разъяснения по заполнению налоговой отчетности [4]. В 2015 г. Конституционный Суд РФ указал, что письма ФНС России, адресованные налоговым органам, являются актами *информационно-разъяснительного* характера для обеспечения единообразного применения налогового законодательства налоговыми органами [5]. Таким образом, на основе позиции Конституционного Суда РФ полномочия ФНС России по информированию и разъяснению налогового законодательства могут быть реализованы ФНС России путем издания писем, адресованных налоговым органам.

В то же время компетенция Минфина России и налоговых органов по предоставлению разъяснений налогово-правовых норм четко не разграничена в налоговом законодательстве. На эту проблему не раз обращали внимание российские правоведы [6]. Дублирование функций Минфина России и налоговых органов может создавать ситуацию правовой неопределенности, когда по одному и тому же вопросу толкования имеются различные правовые позиции фискальных органов.

В отсутствие прямой нормы в НК РФ вопрос о полномочиях налоговых органов по разъяснению применения налогового законодательства является довольно неоднозначным и в целом может являться предметом спора. Например, стоит вспомнить, что первоначальная редакция части первой НК РФ предусматривала право налоговых органов предъявлять в суд иски о признании недействительными сделок налогоплательщиков и взыскании в доход государства приобретенного по таким сделкам. В течении достаточно короткого времени соответствующая норма была исключена из НК РФ [7]. В судебной практике сложились противоположные позиции о возможности права налоговых органов по обращению с такими исками в суд, несмотря на то, что аналогичное положение было сохранено в п. 11 ст. 7 Закона РФ «О налоговых органах РФ» [8]. Точку в данном вопросе в 2005 г. смог поставить только Высший Арбитражный Суд РФ, который подтвердил соответствующее право налоговых органов [9].

Следование письменному разъяснению фискальных органов может являться обстоятельством, исключающими вину в совершении налогового правонарушения (пп. 3 п. 1 ст. 111 НК РФ), а также быть основанием для освобождения от пени (п. 8 ст. 75 НК РФ). В то же время российское налоговое законодательство не определяет правовой статус разъяснений Минфина России и налоговых органов: являются ли такие разъясне-

ния обязательными для применения всеми налогоплательщиками (или отдельными налогоплательщиками, в отношении которых они выпущены), или они носят исключительно рекомендательный характер. В доктрине налогового права вопрос правового статуса налоговых разъяснений носят дискуссионный характер, ответ на который зависит от типа правопонимания конкретного исследователя. Однако нельзя не признать, что письма Минфина России и ФНС России, формально не относящиеся к налоговому законодательству, прямо или косвенные влияют на поведение участников налоговых правоотношений.

В правоприменительной практике сформировались несколько видов разъяснений Минфина России и налоговых органов с разной степенью характера «нормативности»: письма фискальных органов, предоставляемые в ответ на запросы налогоплательщиков или адресованные неопределенному кругу лиц, а также письма ФНС России, направляемые в адрес территориальных налоговых органов.

Письма фискальных органов, предоставляемые в ответ на запросы налогоплательщиков или адресованные неопределенному кругу лиц не обладают обязательной юридической силой, поскольку не отвечают признакам нормативно-правового акта, вне зависимости от того, даны ли такие разъяснения конкретному заявителю либо неопределенному кругу лиц [10–12]. В частности, Верховный Суд РФ зачастую отклоняет ссылки налогоплательщиков на такие налоговые разъяснения для обоснования своей позиции [13–14]. Кроме того, правоприменительная практика складывается довольно противоречиво по вопросу о том, могут ли такие разъяснения являться основанием для освобождения от штрафа и пени. Например, Минфин России полагает, что следование разъяснениям, которые не были предоставлены непосредственно налогоплательщику, не является основанием для освобождения от штрафа и пени [11], в то время как Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ приходит к иному выводу [15].

Письма ФНС России, направляемые в адрес территориальных налоговых органов, формально не обладают юридической силой, но, как отметил Конституционный Суд РФ в 2015 г., в силу ведомственной субординации налоговых органов они могут опосредованно иметь обязательный характер для неопределенного круга налогоплательщиков [5]. Верховный Суд РФ в деле ООО «КРКА ФАРМА» отмечал, что такие разъяснения «способны сформировать у налогоплательщиков соответствующие законные ожидания относительно оценки своего поведения со стороны государства как правомерного» [16].

В начале 2016 г. российское процессуальное законодательство было дополнено правовыми основами обжалования таких разъяснений в суде [17–19]. Налоговые разъяснения, формально не являющиеся нормативными правовыми актами, но обладающие нормативными свойствами,

могут быть обжалованы заинтересованными лицами на основании ст. 21 Кодекса административного судопроизводства РФ в Верховный Суд РФ. Законодательное закрепление процессуального порядка обжалования таких разъяснений носит положительный характер, поскольку официально была оформлена позиция Конституционного Суда РФ о том, что при оспаривании актов нормативного характера суды должны учитывать не только формальные признаки таких интерпретационных актов (в частности, форму, процедуру принятия), но и их содержание. В то же время существует риск, что правовые позиции тех разъяснений ФНС России, которые не оспорены в судебном порядке, и ухудшающие положение налогоплательщика, могут являться основой налогового дончисления. Недопустимость такого подхода косвенно прослеживается в деле ООО «КРКА ФАРМА», где Верховный Суд РФ указал, что проверка законности решения налогового органа должна включать анализ соответствия такого решения разъяснениям ФНС России, дополнительно отметив, что рассматриваемое разъяснение ФНС России не влечет ухудшение положения налогоплательщиков [16].

Стоит отметить, что в настоящее время в РФ предметом разъяснений Минфина России и налоговых органов может быть только содержание налогово-правовых норм, а не анализ применения этих норм к конкретным хозяйственным операциям. Фискальные органы не могут давать правовую оценку планируемых действий налогоплательщиков с точки зрения налогового законодательства. Однако данную роль может выполнять предварительное налоговое заключение или так называемый «фискальный рескрипт». Как отмечают исследователи, исторически источником фискального рескрипта является римское право, в рамках которого ответ императора на какой-либо вопрос приобретал силу и значимость закона [20].

Предварительное налоговое заключение имеет важное значение для обеспечения правовой определенности в сфере налогообложения. В общем виде предварительное налоговое заключение представляет собой заключение по вопросу порядка применения налогового законодательства к конкретной хозяйственной операции налогоплательщика, получаемое до совершения такой хозяйственной операции и являющееся обязательным для налоговых органов. Предварительное налоговое заключение способствует снижению налогового риска за счет повышения уверенности налогоплательщика в правомерности расчета налоговой обязанности. Если налогоплательщик действует в соответствии с предварительным налоговым заключением, то налоговые органы не вправе пересматривать налоговые последствия хозяйственной операции, за исключением определенных случаев, например, предоставление налогоплательщиком недостоверных сведений на этапе подготовки предварительного налогового заключения.

Некоторые исследователи обозначают данный институт как предварительное налоговое *разъяснение* [1]. Однако понятие разъяснение больше относится к толкованию налогового законодательства. Наиболее подходящим термином, на наш взгляд, для фискального рескрипта является *заключение*, поскольку оно наиболее точно отражает суть рассматриваемого института: налоговые органы представляют итоги своего анализа касательно правомерности применения конкретных положений налогового законодательства к фактической ситуации налогоплательщика.

Длительное время в науке налогового права обсуждался вопрос введения института предварительного налогового заключения в России, и его целесообразность была признана учеными [21–24]. Возможность получения налогоплательщиком подтверждения налогового статуса хозяйственных операций имеет важное значение при принятии управленческих решений. К сожалению, в российском налоговом законодательстве институт предварительного налогового заключения реализован только частично.

Согласно п. 7 Основных направлений налоговой политики РФ на 2016 г. и плановый период 2017 и 2018 гг. предполагалось ввести в российское налоговое законодательство институт предварительного налогового разъяснения (контроля), который уже успешно функционирует в зарубежных правовых системах [25]. Данное предложение было реализовано в форме мотивированного мнения налогового органа (гл. 14.8 НК РФ), являющегося лишь некоторым аналогом предварительного налогового заключения. Мотивированное мнение налогового органа – это позиция налогового органа по вопросам правильности расчета налоговой обязанности, предоставляемое налогоплательщику в рамках налогового мониторинга. Мотивированное мнение является обязательным как для налоговых органов, так и организацией (п. 7 ст. 105.30 НК РФ).

Однако получение мотивированного мнения является довольно ограниченной возможностью для налогоплательщиков, поскольку не все налогоплательщики готовы переходить на налоговый мониторинг [26], например, из-за необходимости предоставлять налоговым органам полный онлайн-доступ к учетным данным в режиме реального времени, что может потребовать дополнительных существенных затрат. Полагаем, что право на запрос предварительного налогового разъяснения должно быть предоставлено большей категории налогоплательщиков. Для недопущения избыточной административной нагрузки по подготовке таких налоговых заключений возможно либо введение повышенной государственной пошлины, либо право на их запрос может быть предоставлено налогоплательщикам при определенном размере оборота.

Таким образом, в целом налоговые разъяснения фискальных органов могут играть значимую роль в обеспечении правовой определенности

путем формирования векторов развития правоприменительной практики. В то же время в отношении налоговых разъяснений имеется ряд неурегулированных налоговым законодательством вопросов, которые могут сказываться, на возможности налогоплательщика ссылаться на такие разъяснения для обоснования своей позиции. Например, компетенция Минфина России и налоговых органов по предоставлению разъяснений налогово-правовых норм четко не разграничена в налоговом законодательстве. Важное значение для обеспечения правовой определенности в сфере налогообложения может иметь институт предварительного налогового заключения. Предварительное налоговое заключение представляет собой заключение по вопросу порядка применения налогового законодательства к конкретной хозяйственной операции налогоплательщика, получаемое до совершения хозяйственной операции и являющееся обязательным для налоговых органов. Полагаем, что право на запрос предварительного налогового разъяснения должно быть приравлено большей категории налогоплательщиков.

Литература

1. Демин А.В. Официальные разъяснения фискальных органов в контексте определенности налогообложения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 63–73.
2. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // Российская газета. 06.10.2004. № 219.
3. Приказ ФНС России от 14.11.2012 № ММВ-7-3/845@ «Об утверждении Регламента формирования и использования раздела «Разъяснения Федеральной налоговой службы, обязательные для применения налоговыми органами» официального сайта Федеральной налоговой службы» // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2019 по делу № А04-5977/2018 // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // Российская газета. № 77. 13.04.2015.
6. Дементьев И.В. Конституционный Суд РФ о проблемах толкования налогового законодательства // Налоговед. № 7. 2016. 58–67.
7. Федеральный закон от 09.07.1999 № 154-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.07.1999. № 28. Ст. 3487.
8. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах РФ» // Ведомости Съезда народ-

ных депутатов РФ и ВС РФ. 11.04.1991. № 15. Ст. 492.

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.03.2005 № 13885/04 по делу № А75-2589-Г/04 // Вестник ВАС РФ. 2005. № 7.
10. Письмо Минфина России от 25.09.2019 № 03-02-08/74524 // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
11. Письмо Минфина России от 24.07.2019 № 03-02-08/55114 // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление ФАС Московского округа от 03.07.2009 по делу № А40-82248/08-139-372 (дело ОАО «Метротоннельгеодезия») // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2018 № 302-КГ17-23650 по делу N А58-6227/2016 (дело ООО «Полипрофиль») // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2019 № 305-ЭС19-5671 по делу № А40-77286/2018 (дело ООО «БЕРГА ДЕВЕЛОПМЕНТ») // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
15. Письмо Минфина России от 24.07.2019 № 03-02-08/55114 // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № ВАС-4350/10 по делу № А46-9365/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
17. Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2019 № 305-ЭС19-14421 по делу № А41-76253/2018 // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
18. Федеральный конституционный закон от 15.02.2016 № 2-ФКЗ «О внесении изменений в статью 43.4 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в РФ» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» // Российская газета. 17.02.2016. № 33.
19. Федеральный закон от 15.02.2016 № 18-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов» // Российская газета. 17.02.2016. № 33.
20. Федеральный закон от 15.02.2016 № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 333.19 и 333.21 части второй Налогового кодекса РФ в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный про-

цессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов» // Российская газета. 17.02.2016. № 33.

21. Федорова О. С., Королева М.В., Брызгалов А.В., Ильиных Д.А., Мамонова И.В., Горбунова Е.Н. Налогообложение доходов физических лиц и страховые взносы: сложные вопросы исчисления и уплаты // *Налоги и финансовое право*. 2014. № 9. С. 22–144.
22. Шередеко Е. В., Симин В.Н. Уклонение от уплаты налогов: причины, способы и средства пресечения // *Финансовое право*. 2009. № 1. С. 12–20.
23. Гордеева О. В. К вопросу об управлении налоговыми рисками // *Законодательство и экономика*. 2008. № 2. С. 38–45.
24. Гусева Т.А. Получение предварительного заключения налогового органа как способ налогового планирования // *Право и экономика*. 2006. № 11. С. 55–59.
25. Шамсиева М.В. Внедрение института предварительного налогового разъяснения в практику взаимоотношений российских компаний с налоговыми органами // *Бизнес. Образование. Право*. 2015. № 1. С. 80–83.
26. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов // Документ официально не опубликован. Доступ из справочной информационной системы «КонсультантПлюс».
27. Четыре госкомпании не перейдут на онлайн-контроль со стороны налоговиков // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/10/2019/5d8e03609a794779e51f3ac8> (дата обращения: 27.08.2020).

TAX CLARIFICATIONS IN THE CONTEXT OF ENSURING LEGAL CERTAINTY IN THE FIELD OF TAXATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Podshivalova D. Ya.

Moscow State Institute of International Relations

The principle of legal certainty is beginning to gain more importance in tax law. The subject of this article is to analyze the interpretation of tax legislation in written explanations of the fiscal authorities in the context of ensuring legal certainty. Despite the fact that such clarifications are ways to ensure legal certainty in the field of taxation, with regard to the legal regulation of such clarifications, there are a number of issues unresolved by tax legislation that may affect the taxpayer's ability to refer to the legal positions of such clarifications to substantiate the legality of tax accounting for a particular business transaction (for example, problems of delimitation of competence between fiscal authorities, legal status of written explanations). The article also examines the institution of preliminary tax opinion, which currently partially functions within the framework of tax monitoring.

Keywords: tax law, legal certainty, tax clarification, interpretative act, Ministry of Finance of Russia, Federal Tax Service of Russia, tax ruling.

References

1. Demin A.V. Official explanations of the fiscal authorities in the context of certainty of taxation // *Bulletin of the Tomsk State University*. Right. 2019. No. 31. P. 63–73.

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.09.2004 No. 506 "On approval of the Regulation on the Federal Tax Service" // *Rossiyskaya Gazeta*. 06.10.2004. No. 219.
3. Order of the Federal Tax Service of Russia of 14.11.2012 No. MMB-7-3/845@ "On approval of the Regulations for the formation and use of the section "Clarifications of the Federal Tax Service, mandatory for use by tax authorities" of the official website of the Federal Tax Service" // The document is not officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
4. Resolution of the Sixth Arbitrazh Court of Appeal of 13.03.2019 in case No. A04-5977 / 2018 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 03.31.2015 No. 6-P // *Rossiyskaya Gazeta*. No. 77. 13.04.2015.
6. Dementyev I.V. Constitutional Court of the Russian Federation on the problems of interpretation of tax legislation // *Tax studies*. No. 7. 2016. P. 58–67.
7. Federal Law of 09.07.1999 No. 154-FZ "On Amendments and Additions to Part One of the Tax Code of the Russian Federation" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 12.07.1999. No. 28. Art. 3487.
8. Law of the Russian Federation of 21.03.1991 No. 943-I "On the tax authorities of the Russian Federation" // *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation*. 11.04.1991. No. 15. Art. 492.
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 15.03.2005 No. 13885/04 in case No. A75-2589-G/04 // *Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2005. No. 7.
10. Letter of the Ministry of Finance of 25.09.2019 No. 03-02-08/74524 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
11. Letter of the Ministry of Finance of Russia of 24.07.2019 No. 03-02-08/55114 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
12. Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the Moscow District of 03.07.2009 on case No. A40-82248/08 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.02.2018 No. 302-KG17-23650 in case No. A58-6227/2016 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.05.2019 No. 305-ES19-5671 in case No. A40-77286/2018 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
15. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated July 24, 2019 No. 03-02-08 / 55114 // The document has not been officially published. Access from the reference information system "ConsultantPlus".
16. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 30.11.2010 No. VAC-4350/10 in case No. A46-9365/2009 // *Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2011. No. 3.
17. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2019 305-ES19-14421 in case No. A41-76253/2018 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
18. Federal Constitutional Law of 15.02.2016 No. 2-FKZ "On Amendments to Article 43.4 of the Federal Constitutional Law "On Arbitrazh Courts in the Russian Federation" and Article 2 of the Federal Constitutional Law "On the Supreme Court of the Russian Federation" // *Rossiyskaya Gazeta*. 17.02.2016. No. 33.
19. Federal Law of 15.02.2016 No. 18-FZ "On Amendments to the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in terms of establishing the procedure for judicial consideration of cases on challenging certain acts" // *Rossiyskaya Gazeta*. 17.02.2016. No. 33.

20. Federal Law of 15.02.2016 No. 19-FZ "On Amendments to Articles 333.19 and 333.21 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in terms of establishing the order of judicial consideration of cases on challenging certain acts"// Rossiyskaya Gazeta. 17.02.2016. No. 33.
21. Fedorova O. S., Koroleva M.V., Bryzgalin A.V., Ilinykh D.A., Mamonova I.V., Gorbunova E.N. Taxation of personal income and insurance premiums: complex issues of calculation and payment // Tax and financial law. 2014. No. 9. P. 22–144.
22. Sheredeko E. V., Simin V.N. Tax avoidanc: reasons, methods and means of suppression // Financial law. 2009. No. 1. P. 12–20.
23. Gordeeva O.V. On the issue of tax risk management // Legislation and Economics. 2008. No. 2. P. 38–45.
24. Guseva T.A. Obtaining a preliminary conclusion of the tax authorities as a method of tax planning // Law and Economics. 2006. No. 11. P. 55–59.
25. Shamsieva M.V. Implementation of the institution of preliminary tax clarification in the practice of relations between Russian companies and tax authorities // Business. Education. Right. 2015. No. 1. P. 80–83.
26. The main directions of the tax policy of the Russian Federation for 2016 and the planning period of 2017 and 2018 // The document has not been officially published. Access from the reference information system ConsultantPlus.
27. Four state-owned companies will not switch to online control by the tax authorities // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/10/2019/5d8e03609a794779e51f3ac8> (date accessed: 27.08.2020).

К вопросу участия в размещении заказа субъектов среднего предпринимательства

Шаховкин Андрей Викторович,

адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургского университета МВД России, старший инспектор по особым поручениям отдела надзора Управления Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления Министерства внутренних дел России по Мурманской области
E-mail: ashakhovkin@mvd.ru

Стимулирование субъектов малого и среднего предпринимательства является одним из основных направлений государственной политики государства. В настоящей статье рассмотрен вопрос участия в контрактной системе субъектов среднего предпринимательства. Несмотря на общее направление государственной власти на экономическое развитие, в контрактной системе, самой популярной сфере для развития гражданско-правовых отношений по вопросу удовлетворения государственных и муниципальных нужд обделен сегмент среднего бизнеса.

Отсутствие инструментов стимулирования среднего предпринимательства в законодательстве, регулирующем сферу размещения государственных заказов, способствует искоренению данного слоя предпринимателей. Сегодня среднему предпринимательству просто не выгодно вести свою деятельность.

В результате исследования выявлены расхождения в законодательстве, регулирующем сферу государственных закупок. Предложены пути приведения в единое соответствие требования Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, преференции, рыночные отношения, экономический рост.

Экономическое развитие Российской Федерации идет по-своему, уникальному пути. Исторические социально-политические события нашей страны сильно сказывались на предпринимательстве и экономическом развитии в целом.

Однако без заимствования опыта зарубежных государств, которые добились в этой сфере высоких результатов, обойтись просто невозможно.

После распада СССР курс экономики нашей страны приобрел капиталистический оттенок, одной из особенностей которого стало наличие предпринимательства. Именно предпринимательская ячейка служит важным фактором для существования новых инициатив, является двигателем экономического прогресса государства. Предпринимательство, основываясь на предприимчивости людей нацелено на производство наиболее необходимых товаров, работ и услуг. Предприниматели, в поисках извлечения прибыли из своей деятельности способны заполнять ниши в экономике, производить наиболее необходимые и потребляемые продукты, создавая вектор экономики.

При этом качество предпринимательской деятельности зависит от наличия качественной конкуренции на рынке. Только в случае наличия достойной конкуренции предприниматель будет прилагать усилия к совершенствованию своей деятельности.

Понимая важность принципа конкуренции государство постоянно вводит специальные меры, направленные на стимулирование малого и среднего предпринимательства, что в свою очередь способствует вовлечению в рыночную среду все больше субъектов.

Безусловно, наиболее уязвимыми и незащищенными являются субъекты малого среднего бизнеса. Именно для начинающих предпринимателей очень чувствительны даже небольшие убытки и потери от своей деятельности. Представителям малого и среднего предпринимательства сложно конкурировать с крупными и экономически сильными компаниями и корпорациями. Кроме того, наличие различных административных барьеров, недоступность кредитов, низкая покупательская способность также создают трудности в осуществлении предпринимательской деятельности.

Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП России составляет приблизительно 20%, что считается очень низким показателем [6, с. 26–29]. При этом в развитых странах Западной Европы, Америки и Восточной Азии на долю малого бизнеса приходится 60% валового национального продукта [5, с. 16].

Сама по себе предпринимательская деятельность осуществляется предпринимателями в целях извлечения систематической прибыли и связана с рисками. По мнению Ахметовой И.Н., граждане должны знать о рискованности предпринимательства [2, с. 11].

Государство, в целях снижения рисков малого и среднего предпринимательства, а также повышения интереса к данной сфере деятельности разрабатывает многочисленные нормативные рычаги стимулирования¹.

Это и наличие специальных налоговых режимов, и специальных условий при предоставлении кредитов², и освобождение от проводимых плановых и внеплановых проверок в рамках государственного и муниципального контроля³, и льготы при уплате страховых взносов и многое другое.

В нормативной и научной литературе малый средний бизнес неразрывно используется как одно целое. Очень трудно найти особенности, присущие исключительно представителям малого или только среднего предпринимательства.

Полякова В.Э. определяет среднее предпринимательство, как хозяйствующие субъекты, соответствующие законодательно установленным критериям отнесения к среднему предпринимательству и включенные в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [7, с. 1].

Вместе с тем, законодателем оставлен без внимания вопрос участия субъектов именно среднего предпринимательства в контрактной системе в сфере закупок, а именно – наличие возможности использования преимуществ в рамках участия в государственных закупках.

Контрактная система представляет собой сферу участия в государственных закупках с одной стороны – заказчиков, с другой – поставщиков (предпринимателей). Контрактная система представляет высокий интерес для предпринимательства. В первую очередь – государственный заказчик является надежным партнером и гарантом того, что за проделанную работу или поставленный товар предприниматель получит денежную сумму, указанную в контракте.

Кроме того, на осуществление государственных закупок выделяются значительные суммы государственного бюджета. Так, в 2019 году на государственные закупки было выделено 7,3 трлн рублей. При этом учет финансирования закупок, направленный на заключение контрактов с представителями малого предпринимательства и социально-ориентированных некоммерческих

организаций выделен в отдельную графу. По итогам 2019 года общий объем заключенных контрактов указанной категории вырос в 2 раза в сравнении с 2018 годом⁴.

И малый и средний бизнес в первую очередь нацелены на расширение своей деятельности, именно поэтому государством предусмотрены различного рода инструменты поддержки.

В законодательстве, регулирующем гражданско-правовые отношения в сфере государственных закупок предусмотрен ряд преимуществ для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций⁵. Это и увеличение объемов поддержки, и расширение перечня заказчиков, обязанных заключать контракты с представителями малого предпринимательства и некоммерческих организаций, и введение предельных сроков оплаты по контрактам.

Указанным законом даже предусмотрена возможность наделения правом государственного заказчика установить в извещении об осуществлении закупки требование к поставщику (участнику закупки), который не является субъектом малого предпринимательства привлечь к исполнению контракта представителя малого бизнеса. Таким образом, в закупке могут участвовать представители крупного бизнеса, но с учетом привлечения к исполнению контракта субъектов малого предпринимательства. При применении указанного способа соответствующее условие включается в конкурсную документацию и государственный контракт, в котором также предусматривается ответственность за его невыполнение.

Вместе с тем, Законом № 44-ФЗ несправедливо оставлено без внимания предпринимательство среднего класса.

В кандидатской работе Прохорской А.Ю. отмечена обоснованность предоставлять общую поддержку субъектам среднего предпринимательства, а некоторые формы государственной поддержки – только в отношении отдельных категорий среднего предпринимательства [9, с. 17–18].

Надежин Н.Н. считает, что в принципе не следует создавать искусственные условия для осуществления предпринимательской деятельности. По его мнению, предпринимательская деятельность – это в первую очередь заинтересованность самого гражданина, и полностью зависит от его собственного желания [4, с. 19].

Однако такая позиция является весьма спорной. Без создания более безопасных условий для начинающих предпринимателей мы можем поте-

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»

² Письмо Минфина России от 16.03.2018 № 03-01-11/16389 «О специальных налоговых режимах, снижении налоговой нагрузки и преференциях в том числе для субъектов малого и среднего предпринимательства и предоставлении им кредитов».

³ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

⁴ Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 года.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»

рять значительную их часть, и развитие экономики государства будет сосредоточено вокруг крупных фирм и корпораций, что значительно снизит темпы ее роста.

Важность создания преимуществ и стимулирующих рычагов для начинающих предпринимателей подтверждается и на международном уровне¹. Правда, в соответствии с этими же международными договорами порядок участия представителей малого и среднего предпринимательства отнесен к исключительной компетенции национального законодательства государства, участника договора.

Как уже отмечалось, в законе о контрактной системе представители среднего бизнеса оставлены без внимания. Данное положение дел в сфере государственных закупок противоречит в целом государственной политике, направленной на стимулирование начинающего предпринимательства.

Насущным видится необходимость в расширении возможностей применения преференций для среднего слоя предпринимательства.

Аналогичного мнения придерживаются Андреев В.К. и Андреева Л.В., которые считают «настоятельной задачей – совершенствование правил Закона о контрактной системе в части стимулирования участия субъектов не только малого, но и среднего бизнеса в государственных закупках инновационной и высокотехнологичной продукции» [1, с. 41–43].

При этом стоит отметить, что аналогичный Закон № 223-ФЗ, направленный на регулирование закупок, но уже с отдельными видами юридических лиц учитывает субъекты и малого, и среднего предпринимательства². Одновременно в этом же законе не учтены представители социально ориентированных некоммерческих организаций.

Таким образом, наблюдается несоответствие двух основных федеральных законов, регулирующих одну сферу – сферу закупок.

Наличие разногласий в указанных законах отмечает и Байрашев В.Р. [3, с. 19].

В процентном соотношении лидируют объемы поддержки в рамках Закона № 44-ФЗ, согласно которому все заказчики, без исключения обязаны поддерживать представителей малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Что же касается стоимости, то поддержка малого бизнеса значительна больше в рамках Закона № 223-ФЗ, что характеризуется наличием большего бюджета в сравнении с Законом № 44-ФЗ.

Кроме того, в самом законе о контрактной системе, а именно в части 1 статьи 2 закона, отмечено, что нормы федеральных законов, требования которых распространяются на сферу государственных и муниципальных закупок должны соответствовать закону о контрактной системе.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии.

² Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Возможность двойного толкования норм, регулирующих сферу закупок исключена на законодательном уровне, и, следовательно, закон, регулирующий закупки с отдельными видами юридических лиц не может противоречить Закону о контрактной системе.

Аналогичного мнения придерживается Попов Д.В., который отмечает «низкую согласованность и синхронизацию законодательной работы» [8, с. 2].

Сложившаяся ситуация в сфере государственных закупок, и кажающаяся в частности участия в ней среднего бизнеса не дают сказать о стабильном развитии законодательной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

В связи с изложенным, по нашему мнению, в целях общего экономического развития государства, повышения профессионализма и стимулирования малого и среднего предпринимательства необходимо внести соответствующие корректировки в содержание закона о контрактной системе, касающиеся включения для субъектов среднего предпринимательства преимуществ в закупочных процедурах.

Литература

1. Андреев В.К., Андреева Л.В. Меры стимулирования малого и среднего бизнеса в сфере государственных и корпоративных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 41–43.
2. Ахметова И.Н. Риски в предпринимательской деятельности: юридические аспекты // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 11.
3. Байрашев В.Р. Правовые и экономические барьеры участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках по 44-ФЗ и 223-ФЗ // Прогосзаказ.рф. 2018. № 6. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2020).
4. Надежин Н.Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России // Статут. 2019 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2020).
5. Насыбулина С.С. Организация и инструменты развития малого предпринимательства в российской и зарубежной практике: институциональный аспект // Сфера услуг: инновации и качество. 2011. № 3. С. 16.
6. Павлов И.И. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций через систему госзакупок, закупок отдельными видами юридических лиц // Юрист. 2015. № 14. С. – 26–29.
7. Полякова В.Э. Среднее предпринимательство / «ФБК Право» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2020).
8. Попов Д.В. Экономические и правовые условия участия субъектов малого и среднего пред-

принимательства в закупках (основные проблемы и решения) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2019. № 2. С. 2.

9. Прохорская А.Ю. Правовое регулирование деятельности субъектов среднего предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2017. С. 17–18.

ON THE ISSUE OF PARTICIPATION IN PLACING AN ORDER FOR MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Shakhovkin A.V.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Incentives for small and medium-sized entities entrepreneurship is one of the main directions of state policy. This article addresses the issue of participation in the contract system of medium-sized businesses. Despite general directing state power to economic development, in a contract system, the most popular area for the development of civil law relations by the issue of meeting state and municipal needs is deprived of the segment medium business.

Lack of tools stimulating medium-sized enterprises in the legislation regulating the sphere of placing government orders, contributes to the eradication of this layer entrepreneurs. Today, medium-sized entrepreneurship is simply not profitable lead their activities.

The study revealed discrepancies in legislation governing public procurement. Proposed the way harmonizing the requirements of the Federal Law of 04/05/2013 № 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for securing state and municipal needs" and Federal Law of 18.07.2011 № 223-FZ "On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities."

Keywords: contract system, public procurement, preferences, market relations, economic growth.

References

1. Andreev V.K., Andreeva L.V. Measures to stimulate small and medium-sized businesses in the field of public and corporate procurement // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2016. № 2.S. 41–43.
2. Akhmetova I.N. Risks in business: legal aspects // Business security. 2019. № 4. P. 11.
3. Bayrashev V.R. Legal and economic barriers to the participation of small and medium-sized businesses in procurement under 44-FZ and 223-FZ // Progoszakaz.rf. 2018. № 6. [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 21.08.2020).
4. Nadezhin N.N. Civil law support of entrepreneurship in Russia // Statute. 2019 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 21.08.2020).
5. Nasybulina S.S. Organization and tools for the development of small business in Russian and foreign practice: the institutional aspect // Service sector: innovation and quality. 2011. No. 3.P. 16.
6. Pavlov I.I. State support of small and medium-sized businesses, socially oriented non-profit organizations through the system of state purchases, purchases by certain types of legal entities // Lawyer. 2015. № 14. P. – 26–29.
7. Polyakova V.E. Medium entrepreneurship / FBK Legal [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 21.08.2020).
8. Popov D.V. Economic and legal conditions for the participation of small and medium-sized businesses in procurement (main problems and solutions) // Defense-industrial complex: issues of law. 2019. № 2. P. 2.
9. Prokhorskaya A. Yu. Legal regulation of activities of medium-sized businesses: Author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M. 2017. S. 17–18.

Прекращение производства по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в связи с малозначительностью совершенного правонарушения – реалии конституционного регулирования и судебной практики

Маганкова Анна Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, адвокат КА «ПАРТНЕР Смоленской области»
E-mail: aasivolova@rambler.ru

Васильева Светлана Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: mariachkin@yandex.ru

Современное административно-процессуальное законодательство содержит ряд оценочных категорий, одной из которых – «малозначительность административного правонарушения». Малозначительность правонарушения выступает основанием для освобождения лица от административной ответственности. Однако определение малозначительности административного правонарушения законодателем не дано, критерии малозначительности не установлены. Особые сложности представляет возможность идентификации экологического правонарушения как малозначительного. В статье рассматриваются актуальные вопросы признания административно-правового нарушения в области экологии в разрезе сложившейся практики правоприменения института малозначительности в указанной сфере через общий анализ данного института с учетом практики по конкретному делу и новейшего конституционного регулирования. Авторы приходят к выводу о необходимости обобщения и унификации практики применения на уровне Верховного суда РФ и разработки единых критериев малозначительности.

Ключевые слова: малозначительность, экология, административно-правовые нарушения, Конституция.

Современное повышение внимания к состоянию, охране окружающей природной среды обуславливает изменение отношения к юридической ответственности в данной сфере, где заключительному этапу функционирования правового механизма придается решающее значение [2]. Справедливость юрисдикционного производства находится в прямой взаимосвязи с наличием у правоприменителя – судьи, защитника, должностного лица уполномоченного органа исполнительной власти – объективной возможности реального использования тех нормативных дефиниций, которые определяют основы административной ответственности. Для повышения результативности административной ответственности за нарушения в области окружающей среды предстоит сопоставлять требования к ней, как к правовому институту, в концептуальных нормативных документах экологической политики.

Ответственность многонационального народа РФ за свою страну перед нынешним и будущими поколениями предусматривается в преамбуле Конституции РФ, упоминается ответственность в ч. 2 ее ст. 5 [1]; немало исследований посвящено ответственности за правонарушения в сфере охраны окружающей среды – ее роли как фактора обеспечения экологического правопорядка.

Среди механизмов совершенствования нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды, экологической безопасности Основами называются: усиление ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды, обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления, иные правонарушения (подпункт «г» п. 11 [4]).

Особое значение это приобретает в контексте новейшей редакции ст. 114 Конституции РФ, предусматривающей ответственности Правительства РФ за экологическое благополучие. Такой подход в нормативном регулировании обуславливает принципиально новый уровень ответственности не только государства, но и каждого человека за собственную экологическую безопасность, собственную жизнь.

Россия, – первая страна, которая закрепила на уровне Основного закона формирование эко-

логической культуры и экологическое образование. Это очень важный и правильный шаг – воспитать в себе и своих детях такие привычки и культуру поведения, которые позволят нам не разрушать окружающую среду, а сохранить ее и восстановить то, что утрачено. Основной закон страны позволяют рассматривать инициативы по сохранению природы не просто инициативой отдельных неравнодушных людей или общественных организаций, а работой в интересах государства. Охрана природы с учетом новейшего регулирования является общей задачей.

Таким образом, поправки в Конституцию РФ будут способствовать тому, что экологическая политика федерального правительства, а также региональных властей выйдут на качественно новый уровень.

Определение ответственности за экологические правонарушения как неотвратимой кары за содеянное сбалансировано наличием в действующем КоАП РФ возможности освобождения от применения санкции ввиду малозначительности административного деяния (ст. 2.9 КоАП РФ).

Необходимо отметить, что ст. 2.9 КоАП РФ легальную дефиницию малозначительности не освещает, ввиду чего отечественные ученые определяют данное понятие как оценочное [3].

Отсутствие легального определения, а также указание в постановлениях высших судов на необходимость установления малозначительности административного правонарушения сквозь призму таких категорий как характер совершенного правонарушения, роль правонарушителя, размер вреда и тяжесть наступивших последствий, не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений деяние обуславливает возможность и необходимость широкого судебного усмотрения при применении данной нормы.

При этом нередко случаи качественно противоположной оценки сходных обстоятельств различными судами. Как результат – нестабильность судебной практики и отсутствие правовой определенности. Емко прокомментировал данную ситуацию А.Р. Султанов, подчеркивая конституционное значение требования определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы [7].

В этой связи значимость выработки обобщенных позиций применения статьи 2.9 КоАП РФ особо актуальна, в том числе применительно к арбитражному судопроизводству.

Анализ судебной практики показал, что вопросы применения статьи 2.9 КоАП РФ являются наиболее проблемными в контексте реализации права на освобождение от административной ответственности ввиду малозначительности в отношении формальных составов правонарушений с позиции установления существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. В обоснование вывода о невозможности признания деяния малозначительным суды указывают на существенная угроза охраняемым обществен-

ным отношениям заключается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении нарушителя к исполнению своих публично-правовых обязанностей и действующему законодательству об охране окружающей среды, с учетом наличия у нарушителя реальной возможности исполнения предусмотренных обязанностей [5].

В данном случае водораздел между наличием существенной угрозы охраняемым общественным отношениям и собственно фактом нарушения публично-правовой обязанности привлекаемым к административной ответственности лицом безосновательно не проводится, что в свою очередь может спровоцировать односторонний, формальный подход к оценке обстоятельств дела ввиду универсальности нормы КоАП РФ, определяющей признаки того или иного формального состава правонарушения.

Думается, что сама по себе значительная административно-правовая охрана какого-либо вида общественных отношений, выраженная в размере административной санкции, предусмотренной соответствующей статьей КоАП РФ ещё не свидетельствует о невозможности признания правонарушения малозначительным, поскольку отсутствие существенного нарушения либо его наличие необходимо выявлять на основании конкретных обстоятельств совершенного правонарушения, а, следовательно – возможность освобождения виновного лица от административной ответственности и выражения в отношении него устного замечания не может быть поставлена в зависимость от конструкции состава правонарушения, установленного КоАП РФ.

При этом, при квалификации правонарушения в качестве малозначительного необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения.

Соответственно при установлении степени опасности (значительности) противоправного деяния и отношения лица к исполнению своих публично-правовых обязанностей суд должен исходить из анализа конкретных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Суд не должен ограничиваться только элементами, необходимыми для квалификации состава правонарушения. Для решения вопроса о малозначительности могут приниматься во внимание любые обстоятельства, связанные со спорным правонарушением и субъектом правонарушения, например, обстоятельства, способствующие совершению правонарушения.

Вывод суда об отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям не может быть сделан без анализа, как степени опасности самого деяния, так и отношения лица к исполнению своих публично-правовых обязанностей.

Таким образом, существенная угроза охраняемым общественным отношениям может отсутствовать при незначительности (неопасности) противоправного деяния и отсутствии пренебрежи-

тельного отношения лица к исполнению публично-правовых обязанностей.

Вывод суда об отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям может быть сделан только при совокупном анализе всех обстоятельств совершенного правонарушения, как объективного, так и субъективного характера.

В этой связи особое значение имеет вывод о том, что, если малозначительность правонарушения будет установлена в ходе рассмотрения дела об оспаривании постановления административного органа о привлечении к административной ответственности, суд, руководствуясь частью 2 статьи 211 АПК РФ и статьей 2.9 КоАП РФ, принимает решение о признании незаконным этого постановления и о его отмене [6].

Изложенное позволяет для целей унификации судебной практики и реализации принципа справедливости обозначить насущную необходимость как обобщения судебной практики по ст. 2.9 КоАП РФ по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды на всех уровнях системы арбитражных судов, так и принятия Верховным судом РФ соответствующих руководящих разъяснений на уровне Пленума.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – 2020
2. Боголюбов С.А. Институт ответственности в нормативных документах экологической политики. // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии. Сборник материалов Международных научных конференций. Москва, 2019. С. 271–274.
3. Ломакина Л.А. Понятие малозначительности административного правонарушения в КОАП РФ // Журнал российского права. – 2012. – № 9 (189). – С. 55–59; Даровских С.М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 7 (266). – С. 96–98.
4. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.)
5. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2019

№ 06АП-3644/2019, А73–2022/2019// Картотека арбитражных дел

6. Решение от 29 февраля 2016 г. по делу № А72–15402/2015// Картотека арбитражных дел
7. Султанов А.Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5–17

TERMINATION OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION DUE TO THE INSIGNIFICANCE OF THE COMMITTED OFFENSE – THE REALITY OF CONSTITUTIONAL REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE

Magankova A.A., Vasilyeva S.V.

Smolensk branch of the Saratov State Law Academy

Modern administrative procedure legislation contains a number of evaluation categories, one of which is “insignificance of an administrative offense”. The insignificance of the offense is the basis for the release of a person from administrative responsibility. However, the definition of insignificance of an administrative offense by the legislator is not given, the criteria unimportance is not established. The possibility of identifying an environmental offense as insignificant is particularly difficult. The article deals with topical issues of recognition of administrative and legal violations in the field of ecology in the context of the current practice of law enforcement of the Institute of insignificance in this area through a General analysis of this Institute, taking into account the practice in a particular case and the latest constitutional regulation. The authors come to the conclusion that it is necessary to generalize and unify the practice of application at the level of the Supreme court of the Russian Federation and develop common criteria of insignificance.

Keywords: insignificance, ecology, administrative and legal violations, Constitution.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Rossiyskaya Gazeta. 1993 25 Dec.; Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. – 2020
2. Bogolyubov S.A. Institute of responsibility in normative documents of environmental policy. // Constitutional and legal bases of responsibility in the field of ecology. Collection of materials of International scientific conferences. Moscow, 2019. Pp. 271–274.
3. Lomakina L. A. the Concept of insignificance of an administrative offense in the administrative CODE of the Russian Federation // Journal of Russian law. – 2012. – № 9 (189). – P. 55–59; Darovskikh S.M. On the question of the insignificance of an administrative offense // Bulletin of the South Ural state University. Series: Law. – 2012. – № 7 (266). – P. 96–98.
4. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012)
5. Resolution of the Sixth arbitration court of appeal of 30.07.2019 No. 06AP-3644/2019, A73–2022/2019 // File of arbitration cases
6. Decision of February 29, 2016 in case no. A72–15402/2015 // File of arbitration cases
7. Sultanov A.R. Legal certainty – part of due process or how legal certainty was introduced into the law on extremism // Advocate. – 2015. – No. 1. – Pp.5–17.

Перфильев Антон Дмитриевич,

студент, кафедра уголовного права и криминологии
Юридической школы Дальневосточного федерального
университета
E-mail: perfilev.ad@students.dvfu.ru

Каражелясков Богдан Александрович,

студент, кафедра уголовного права и криминологии
Юридической школы Дальневосточного федерального
университета
E-mail: karazheliaskov.ba@students.dvfu.ru

Из года в год на дорогах и при эксплуатации транспорта гибнут тысячи людей. Печальная статистика жертв сопровождается изменяющейся динамикой транспортных преступлений. С целью обеспечения безопасности и недопущения дорожно-транспортных происшествий законодатель использует различные, в первую очередь правовые методы борьбы с нарушениями. Уголовный закон играет в данной борьбе ведущую роль. За двадцать пять лет существования УК РФ Глава 29 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» претерпевала неоднократные изменения. В зависимости от криминализации или же наоборот – декриминализации деяний водителей и иных участников транспортных отношений состояние преступности на дорогах, в море или в воздухе изменялось. Ясное понимание апробированного опыта законодательной и правоприменительной практики может возникнуть лишь при анализе изменения уголовного законодательства за годы его существования.

Ключевые слова: транспортные преступления, безопасность движения, эксплуатация транспорта, анализ зарегистрированных преступлений, нарушение правил дорожного движения.

Первая редакция УК РФ от 13.06.1996 включала 9 составов преступлений в Главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта»: нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (ст. 263 УК РФ); нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); оставление места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265 УК РФ); недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ); приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ); нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ); нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269 УК РФ); неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 270 УК РФ); нарушение правил международных полетов (ст. 271 УК РФ) [1].

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 263 УК РФ с 1997 по 2003 год характеризуется следующей динамикой: 167 в 1997 году; 148 в 1998 году. Снижение в 1999 году – 111 преступлений; 115 в 2000 году; 137 в 2001 году; 148 в 2002 году; 117 в 2003 году. За 7 лет существования редакции статьи динамика зарегистрированных преступлений сохранилась на среднем уровне **134,7** зарегистрированных преступлений в год.

Главный «бич» транспортных преступлений – преступление, предусмотренное статьей 264 УК РФ имеет следующие показатели: 47 967 в 1997 году; 52 735 в 1998 году; 53 735 в 1999 году; 52 267 в 2000 году; 54 525 в 2001 году; 57 073 в 2002 году; 53 609 в 2003 году. Средний показатель за 7 лет составляет **53 130** зарегистрированных преступлений в год [2].

Уже в 3 редакции от 25.06.1998 из диспозиции нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 264 декриминализовано причинение крупного ущерба при нарушении лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Таким образом, декриминализация не повлияла в лучшую сторону на состояние преступности – 1999 году наблюдается рост зарегистрированных преступлений в сравнении с предыдущим 1998 годом [3].

Важно отметить, что статья 265 УК РФ оказалась «мертворожденной». Официальная статистика не отражает зарегистрированных преступлений по данной статье, как и не подтверждает ее актив-

ного применения в судебной практике. В 2003 году законодатель признает ее нецелесообразной и исключит (Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации») [4].

Преступление, предусмотренное ст. 266 УК РФ, также не относится к числу распространенных деяний. В 1997 году зарегистрировано 70 преступлений; в 1998 году 59; в 1999 году 60; в 2000 году 56; в 2001 году 58; в 2002 резкое сокращение до 27; в 2003 году зарегистрировано 26 преступлений. Средний показатель зарегистрированных преступлений за 7 лет составляет **50,8** зарегистрированных преступлений в год. На наш взгляд, такое редкое применение статьи вызвано сложностью доказывания недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями. Статью нельзя назвать «мертворожденной», но и эффективной с точки зрения уголовной политики она не является.

Практически сопоставимы статистические данные по преступлению, предусмотренному ст. 267 УК РФ, с предыдущим преступлением этой группы. В 1997 году зарегистрировано 53 преступления; в 1998 году 43; в 1999 году 51; в 2000 году 43; в 2001 году 50; в 2002 году сокращение до 17 преступлений; в 2003 году 12 преступлений. Средний показатель зарегистрированных преступлений в год за семилетний период составляет **38,4**, что говорит о неэффективности статьи, нецелесообразности криминализации предусмотренного состава. Интересно отметить общую закономерность снижения преступности по двум составам в 2002 году. Вероятно, на это сказались иные факторы, а не изменение законодательства.

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 268 УК РФ, характеризуется скачкообразно. В 1997 году зарегистрировано 149 преступлений; в 1998 году 122; в 1999 году 149 преступлений; в 2000 году 124; в 2001 году 125; в 2002 году 103; в 2003 году 91. Средний показатель за указанный период равен **123,2** зарегистрированных преступления в год [5].

Из рассматриваемой группы преступлений меньше всего регистрируется деяний, предусмотренных ст. 269 УК РФ. В 1997 году зарегистрировано 9 преступлений; в 1998 году 3; в 1999 году 6; в 2000 году 3; в 2001 году 5; в 2002 году 4; в 2003 году 0. При среднем показателе **4,7** зарегистрированных преступлений в год следует отметить ее крайнюю неэффективность.

Рассматривая статистику зарегистрированных преступлений по статьям 270 и 271 УК РФ за все 25 лет существования УК РФ, отметим, что их применение крайне редко, и судебная практика знает лишь несколько подобных примеров, что не позволяет рассматривать их в системе статистики.

Редакция 23 УК от 08.12.2003 внесла ряд изменений в Главу 27, в частности, декриминализировала причинение вреда здоровью средней тяжести в статьях 263, 264, 266, 267, 268, 269 УК РФ; причинение крупного ущерба в статьях 263, 266,

269 УК РФ. Смягчены наказания (депенализация) по ч. 3 ст. 263, ч. 3 ст. 264, ч. 1, 3 ст. 266, ч. 1 ст. 267, ч. 3 ст. 268, ч. 3 ст. 269, ст. 270, ст. 271; полностью декриминализован состав ст. 265 УК РФ, что очевидно выражает стремление законодателя к декриминализации в системе транспортных преступлений [6].

Обратимся к статистике зарегистрированных преступлений, предусмотренных уже рассмотренными выше статьями за период с 2004 по 2009 год [7].

По 263 статье УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 75; в 2005 – 73; в 2006 – 70; в 2007 – 57; в 2008 – 39; в 2009 – 46. Средний показатель за 6 лет – **60** преступлений в год. По статье 264 УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 26533; в 2005 – 26637; в 2006 – 26315; в 2007 – 25623; в 2008 – 24326; в 2009 – 27544. Средний показатель за 6 лет – **26 163** преступления в год. По статье 266 УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 32; в 2005 – 22; в 2006 – 24; в 2007 – 11; в 2008 – 14; в 2009 – 27. Средний показатель за 6 лет – **21,6** преступлений в год. По статье 267 УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 15; в 2005 – 20; в 2006 – 25; в 2007 – 15; в 2008 – 14; в 2009 – 17. Средний показатель за 6 лет – **17,6** преступлений в год. По статье 268 УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 49; в 2005 – 53; в 2006 – 50; в 2007 – 71; в 2008 – 94; резкое увеличение в 2009 – 178. Средний показатель за 6 лет – **82,5** преступления в год. По статье 269 УК РФ зарегистрировано: в 2004 – 0; в 2005 – 0; в 2006 – 7; в 2007 – 1; в 2008 – 1; в 2009 – 1. Средний показатель за 6 лет составляет **1,6** преступления в год [8].

Таким образом, показатель зарегистрированных преступлений снизился: по ст. 263 в 2,2 раза; по ст. 264 в 2 раза; по ст. 266 в 2,3 раза; по ст. 267 в 2,1 раза; по ст. 268 в 1,6 раза; по ст. 269 УК РФ в 2,9 раза. Подобное снижение очевидно объясняется отклонением курса уголовной политики законодателя в сторону декриминализации и депенализации в 2004 году.

В 2009 году законодатель принял решение криминализировать нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в состоянии алкогольного опьянения (Редакция УК РФ № 50 от 13.02.2009), расширив диспозицию нормы, содержащийся в ст. 264 УК РФ. Редакцией УК РФ № 60 от 29.12.2009 были снижены максимальные сроки ограничения свободы по составам статей 263, 264, 268, 269; исключен такой вид ответственности как ограничения свободы по статьям 270 и 271 [9].

В 2010 году редакцией № 71 УК РФ от 27.07.2010 были криминализованы нарушения правил безопасности движения и эксплуатации морского и внутреннего водного (в предыдущий редакции – водного) транспорта и метрополитена. Статья 263 дополняется составом «отказ лица от исполнения трудовых обязанностей в случае, если такой отказ запрещен законом», а также в статью «возвращается» крупный ущерб, понятие которого раскрыва-

ется в примечании. Глава 27 дополняется новым составом, который криминализует неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах путем введения одноименной статьи **263.1 УК РФ** [10].

Редакцией № 82 от 07.03.2011 санкция нормы в части статьи 263 УК РФ была дополнена штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет. В Редакции № 89 от 07.12.2011 санкции норм, закрепленных в статьях 263, 263.1, 266, 269, 270 УК РФ, были дополнены новыми видами наказаний – принудительными работами и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; санкция, закрепленная в статье 264 УК РФ, дополнена принудительными работами и лишением права управления транспортным средством; санкции статей 267, 268 УК РФ принудительными работами [11].

С 10.12.2011 начинает действовать редакция, криминализировавшая нарушение правил использования воздушного пространства РФ, дополнив главу 27 статьей 271.1 УК РФ [12].

Следующим изменением глава 27 подверглась уже в 2014 году. В частности, в редакции УК № 126 от 05.05.2014 состав статьи 263.1 меняется на нарушение требований в области транспортной безопасности. Криминализуется совершение деяния по предварительному сговору и организованной группой лиц [13].

Проанализируем показатели статистики за 6 лет с 2010 по 2015 год. По 263 статье УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 44; в 2011 – 76; в 2012 – 60; в 2013 – 72; в 2014 – 69; в 2015 – 94. Средний показатель за 6 лет – **69,1** преступлений в год. По статье 264 УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 26307; в 2011 – 27302; в 2012 – 29370; в 2013 – 28495; в 2014 – 28487; в 2015 – 26662. Средний показатель за 6 лет – **27770** преступлений в год. По статье 266 УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 13; в 2011 – 15; в 2012 – 13; в 2013 – 16; в 2014 – 4; в 2015 – 8. Средний показатель за 6 лет – **11,5** преступлений в год. По статье 267 УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 18; в 2011 – 3; в 2012 – 4; в 2013 – 1; в 2014 – 2; в 2015 – 4. Средний показатель за 6 лет – **5,3** преступлений в год. По статье 268 УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 197; в 2011 – 224; в 2012 – 299; в 2013 – 365; в 2014 – 217; в 2015 – 111. Средний показатель за 6 лет – **235,5** преступления в год. По статье 269 УК РФ зарегистрировано: в 2010 – 0; в 2011 – 1; в 2012 – 2; в 2013 – 1; в 2014 – 1; в 2015 – 1. Средний показатель за 6 лет составляет **1** преступление в год [14].

Общая тенденция законодателя к криминализации за 6 летний период в значительной степени не повлияла на изменение среднего показателя зарегистрированных преступлений по статьям 263 и 264 УК РФ. По остальным составам показатели снизились.

В редакции № 142 от 08.06.2015 из санкции нормы в статье 264 УК исключается такой вид наказания как лишение права управления транспортным средством и появляется лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Примечание 1 теперь раскрывает другие механические транспортные средства не как троллейбусы, мотоциклы и иные механические ТС, а добавляет в перечень дорожно-строительные самоходные машины, а также транспортные средства. Введенное в новой редакции Примечание 2 раскрывает понятие лица, находящегося в состоянии опьянения. Следует отметить появление нового состава преступления, закрепленного в статье 264.1 УК РФ, криминализовавшее нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию [15].

Следующее изменение было совершено в отношении Примечания 2 статьи 264 УК РФ, добавившее аналоги психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ при описании лица, находящегося в опьянении.

Очередной шаг законодателя в сторону криминализации прослеживается в редакции УК РФ № 159 от 03.04.2017 путем введения нового состава – действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств во вновь созданной статье 267.1 УК РФ [16].

С 21 октября 2018 года Федеральным законом от 23.04.2018 № 114-ФЗ статья 269 УК РФ признается утратившей силу. Таким образом, законодатель декриминализировал нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов, что, на наш взгляд, оправданно по причине неэффективности данной статьи, уже отмеченной выше.

В редакции УК РФ № 182 от 23.04.2019 законодатель сузил условия применения статьи 264.1 – только лица, имеющего судимость за совершение преступления в состоянии опьянения [17].

Редакция № 184 УК РФ от 17.06.2019 криминализует причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба, а также сужает условия привлечения к ответственности при нахождении лица в алкогольном опьянении, но ужесточает ответственность путем введения наказания в виде лишения свободы от пяти до двенадцати лет в статье 263 УК РФ. Теперь смерть двух или более лиц вызванная действиями лица находящегося в алкогольном опьянении наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Законодатель также ужесточил наказания при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации ТС: при совершении деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения или если деяние сопряжено с оставлением места его совершения (максимальный срок принудительных работ увеличен с трех до пяти лет, а лишение свободы от трех до семи вместо максимального в виде четырех лет в статье 264 УК РФ). Сроки принудительных работ увеличены в других частях комментируемой статьи [18] (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Вид преступления по УК РФ	Зарегистрированные преступления						
Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Ст. 263	167	148	111	115	137	148	117
Ст. 264	47 967	52 735	53 735	52 267	54 525	57 073	53 609
Ст. 265	–						
Ст. 266	70	59	60	56	58	27	26
Ст. 267	53	43	51	43	50	17	12
Ст. 268	149	122	149	124	125	103	91
Ст. 269	9	3	6	3	5	4	0
Ст. 270	–						
Ст. 271	–						

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Ст. 263	75	73	70	57	39	46	44
Ст. 263.1	–						
Ст. 264	26 533	26 637	26 315	25 613	24 326	27 544	26 307
Ст. 265	–						
Ст. 266	32	22	24	11	14	27	13
Ст. 267	15	20	25	15	14	17	18
Ст. 268	49	53	50	71	94	178	197
Ст. 269	0	0	7	1	1	1	1
Ст. 270	–				0		
Ст. 271	–				0		

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Ст. 263	76	60	72	69	94		
Ст. 263.1	–		3				
Ст. 264	27 302	29 370	28 495	28 487	26 662		
Ст. 264.1	–						
Ст. 265	–						
Ст. 266	13	15	16	4	8		
Ст. 267	3	4	1	2	4		
Ст. 267.1	–						
Ст. 268	224	299	365	217	111		
Ст. 269	1	2	1	1	1		
Ст. 270	–						
Ст. 271	–						
Ст. 271.1	–						

Год	2018	2019	2020
Ст. 263		167	
Ст. 263.1	3	11	

Вид преступления по УК РФ	Зарегистрированные преступления		
Ст. 264	18539	25251	
Ст. 264.1	73106	75684	
Ст. 265	–	–	
Ст. 266	10	14	
Ст. 267	5	6	
Ст. 267.1	28	22	
Ст. 268	58	110	
Ст. 269	0	0	
Ст. 270	0	0	
Ст. 271	0	1	
Ст. 271.1	0	0	

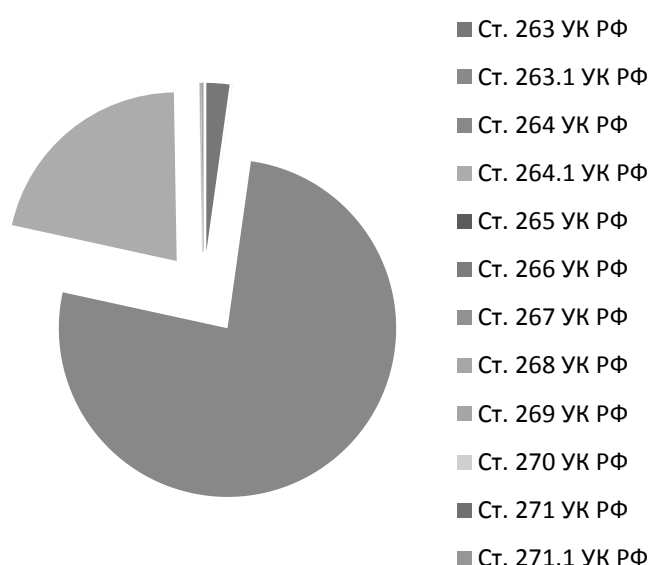

Рис. 1. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта

Обратимся к анализу зарегистрированных преступлений с 2016 по 2020 годы. Следует отметить, что официальная статистика МВД в ежегодных обзорах выделяет наиболее общественно опасные категории преступлений из рассматриваемой нами главы. Речь идет о статьях 264 и 268 УК РФ, статистика по которым отражается в пункте «нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» в совокупности. В 2016 году число зарегистрированных преступлений по статьям 264 и 268 составляет 22 тысячи; в 2017 – 21 тысячу; в 2018 – 20,1 тысячу. В 2019 году **19618** зарегистрированных преступлений в области нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. За январь – июль 2020 года зарегистрировано **10619** преступлений. Так, динамика сохраняется на одном среднем уровне – 20 тысяч преступлений в год. Законодательство по данным статьям с 2015 года также не меняется [19].

Таким образом, анализ особенностей преступлений против транспорта показал влияние государственной политики (как криминализации и де-

криминализации) на число зарегистрированных преступлений, однако следует учитывать особенности других факторов, влияющих на показатели преступности в России.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 13.06.1996) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3991/ (дата обращения: 20.12.2020).
2. Официальный МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvd.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 1998) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3815/ (дата обращения: 20.12.2020).
4. Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdep.ru>
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1249812/>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 13.02.2009) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4391/ (дата обращения: 21.12.2020).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.07.2010) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/document/>

- cons_doc_LAW_7351/ (дата обращения: 22.12.2020).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 07.03.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_0171/ (дата обращения: 23.12.2020).
 9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 10.12.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9351/ (дата обращения: 24.12.2020).
 10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7396/ (дата обращения: 25.12.2020).
 11. Официальный МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvd.rf>.
 12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.06.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7614/ (дата обращения: 25.12.2020).
 13. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 03.04.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7452/ (дата обращения: 25.12.2020).
 14. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4323/ (дата обращения: 26.12.2020).
 15. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 17.06.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.12.2020).
 16. Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdep.ru>

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF TRANSPORT CRIMES OVER THE 25 YEARS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Perfilyev A.D., Karzhelyaskov B.A.
Far Eastern Federal University

From year to year, thousands of people die on the roads and during the operation of transport. The sad statistics of victims are accompanied by the changing dynamics of transport crimes. In order to ensure safety and prevent road accidents, the legislator uses various, primarily legal methods to combat violations. The criminal law plays a leading role in this struggle. For twenty-five years of the existence of the Criminal Code of the Russian Federation, Chapter 29 "Crimes against traffic safety and operation of transport" has undergone repeated changes. Depending on the criminalization or vice versa – decriminalization of the acts of drivers and other participants in transport relations, the state of crime on the roads, at sea or in the air changed. A clear understanding of the proven experience of legislative and law enforcement practice can arise only when analyzing changes in criminal legislation over the years of its existence.

Keywords: transport crimes, traffic safety, transport operation, analysis of registered crimes, violation of traffic rules.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 13.06.1996) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3991/ (accessed: 20.12.2020).
2. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 13.06.1996) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3815/ (date of access: 20.12.2020).
3. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 08.12.2003) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3901/ (accessed: 20.12.2020).
4. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 13.02.2009) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4391/ (date of access: 21.12.2020).
5. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 29.12.2009) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9531/ (accessed: 21.12.2020).
6. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 27.07.2010) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7351/ (date of access: 22.12.2020).
7. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 27.07.2010) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8142/ (accessed: 22.12.2020).
8. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 07.03.2011) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_0171/ (date of access: 23.12.2020).
9. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 07.12.2011) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7391/ (accessed: 23.12.2020).
10. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 10.12.2011) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9351/ (date of access: 24.12.2020).
11. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 05.05.2014) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7396/ (accessed 25.12.2020).
12. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 08.06.2015) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7396/ (accessed 25.12.2020).

- antPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7614/ (date of access: 25.12.2020).
13. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 03.04.2017) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7452/ (accessed 25.12.2020).
14. Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 23.04.2018) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4323/ (date of access: 26.12.2020).
15. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended). from 17.06.2019) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 26.12.2020).
16. Korobeev, A.I. Criminal law policy of Russia: from Genesis to the crisis: monograph / A.I. Korobeev. M.: Yurlitinform, 2019. 352 c.
17. Batanov, A.N. Problems of proving the state of intoxication in cases of road traffic crimes / A.N. Batanov // Transport law. M.. 2018. No. 4. C. 279. [Electronic resource]. URL: <http://www.lawinfo.ru/catalog/magazines/transportnoe-pravo/> (accessed 10.09.2020)
18. Official Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource]. URL: <https://www>
19. The official website of the judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.cdep.ru>

Вовлечение частного сектора в антикоррупционную деятельность, как один из элементов обеспечения эффективности административно-правовых механизмов противодействия коррупции

Прищепа Борис Константинович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
E-mail: Boris.Prischepa@gmail.com

В статье проводится глубокий анализ исторического контекста и предпосылок, которые послужили причиной становления и развития деятельности по противодействию коррупции в частном секторе. Рассмотрение вопроса с точки зрения исторических предпосылок помогает достичь более целостного понимания роли и важности вовлечения частного сектора в деятельность по противодействию коррупции. Кроме того, в рамках изучаемой проблемы была проанализирована правоприменительная, а также те проблемы, с которыми можно обнаружить только на этапе правоприменения. В завершении, в работе рассматриваются возможные пути улучшения ситуации, программы стимулирования частного сектора, а также законодательные инициативы, которые бы позволили правоприменителям чаще использовать в качестве критерия, смягчающего наказание за совершенное правонарушение, внедренную и эффективно работающую внутреннюю программу противодействия коррупции.

Ключевые слова: Противодействие коррупции, административная ответственность, частный сектор, административно-правовые механизмы, антикоррупционный комплаенс.

В конце 2008 года в Российской Федерации был принят, по-настоящему знаковый, федеральный закон «о противодействии коррупции» № 273-ФЗ.[11] В нем были определены основные положения относительно противодействия коррупции в Российской Федерации. Первоначально, положения данного закона были направлены в основном на чиновников и физических лиц.

Спустя несколько лет в российском правовом поле, благодаря КоАП РФ, появилась Статья 19.28. «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица».[4] В статье устанавливалась административная ответственность юридического лица за коррупционные правонарушения, совершаемые в интересах юридического лица. Появление вышеупомянутой статьи, по мнению многих специалистов, стало толчком к вовлечению российского бизнеса в деятельность в сфере противодействия коррупции, в связи с тем, что организации стали более внимательно относиться к антикоррупционным запретам и ограничениям.

В 2012 году Российская Федерация ратифицировала конвенцию ОЭСР «Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок».[10] Данное событие стало отправной точкой для внесения изменений в федеральный закон «о противодействии коррупции» № 273-ФЗ. Благодаря присоединению Российской Федерации к конвенции ОЭСР появилась статья 13.3, и на организации была возложена закрепленная в законе обязанность принимать меры по предупреждению коррупции. Незадолго до этого, в г. Сочи, при участии Д.А. Медведева четырьмя крупнейшими бизнес-союзами России была подписана Антикоррупционная хартия российского бизнеса. [1] Все эти события послужили еще большим толчком к вовлечению частного сектора в организацию и осуществление мер по противодействию коррупции.

На основании анализа положений ст. 13.3 № 273-ФЗ мы приходим к выводу о том, что организации были обязаны определить ответственных должностных лиц за профилактику коррупционных правонарушений. Это означало, что в организациях стали появляться профессионалы в сфере противодействия коррупции. Другим немаловажным аспектом, была обязанность сотрудничества с правоохранительными органами, которая коррелировала с условиями освобождения от ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. Юридическое лицо освобождается от административной ответ-

ственности за административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, если оно способствовало выявлению данного правонарушения, проведению административного расследования и (или) выявлению, раскрытию и расследованию преступления, связанного с данным правонарушением. В данном случае обязанность подкреплялась законодательно закрепленным правовым стимулом.

Помимо вышеперечисленного, организации теперь были обязаны разрабатывать внутреннюю систему менеджмента противодействия коррупции, принять и обеспечить соблюдение внутреннего кодекса этики, предотвращать и урегулировать конфликт интересов и не допускать никаких манипуляций с отчетностью и документами.

По сути, можно утверждать, что введение данной нормы является отправной точкой законодательного закрепления антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации. Безусловно, следует обратить внимание, что такие положения не были изобретением российского законодателя, они лишь были адаптированной версией положений Закона Соединенных Штатов Америки о Коррупции за рубежом (FCPA)[3] и Закона Великобритании о борьбе со взяточничеством (UKBA).[2]

Следующим этапом стала разработка во исполнение подпункта «б» пункта 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [8] методических рекомендаций по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.[6] В методических рекомендациях устанавливался исчерпывающий перечень документов, механизмов и действий организации, для построения эффективной системы противодействия коррупции.

Более того, впервые, были сформулированы восемь основополагающих принципов построения системы антикоррупционного менеджмента в организации:

- Принцип соответствия политики организации действующему законодательству и общепринятым нормам;
- Принцип личного примера руководства;
- Принцип вовлеченности работников;
- Принцип соразмерности антикоррупционных процедур риску коррупции;
- Принцип эффективности антикоррупционных процедур;
- Принцип ответственности и неотвратимости наказания;
- Принцип открытости бизнеса;
- Принцип постоянного контроля и регулярного мониторинга.

Затем, на свет появился приказ Росимущества от 02.03.2016 № 80 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации управления рисками и внутреннего контроля в области

предупреждения и противодействия коррупции». [7] Согласно вышеуказанному документу, в акционерных обществах с государственным участием следовало разработать и внедрить, либо привести в соответствие систему внутреннего контроля, руководствуясь данными методическими рекомендациями. В методических рекомендациях, кроме Российского законодательства была указана ссылка на признанный в международном экспертном сообществе стандарт ISO 19600:2014 – Compliance management systems – Guidelines (Международный стандарт по организации систем управления комплаенс).[12] Это подчеркивало наметившуюся тенденцию следования лучшим мировым практикам, при вовлечении частного сектора в противодействие коррупции в Российской Федерации.

В 2019 году на свет появилась обновленная версия методических рекомендаций Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 сентября 2019 г. «Меры по предупреждению коррупции в организациях».[5] Если детально изучить предлагаемые методические рекомендации, то становится понятно, что базовой основой стали положения ISO 37001:2016 – Системы менеджмента борьбы со взяточничеством.[13]

К сожалению, основываясь на анализе дел, рассмотренных судами в 2018 году, мы приходим к выводу, что только в 17% дел из 302, которые были изучены, суд действительно рассматривал вопрос о том, были ли приняты организацией все возможные меры для того, чтобы избежать коррупционного правонарушения.[14] Более того, ни в одном из 302 проанализированных дел, организация не была освобождена от ответственности из-за наличия эффективной системы антикоррупционного менеджмента.

В Указе Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» в разделе «Совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса» [9] отсутствует такое направление, как дополнительное стимулирование частного сектора к обеспечению противодействия коррупции, в т.ч. с помощью законодательно закрепленных стимулов, которые позволяют быть компаниям, которые инвестируют во внедрение и функционирование внутренних систем менеджмента противодействия коррупции, уверенными в том, что они смогут рассчитывать на ответные меры поощрительного характера со стороны государства, такие, как снижение или полное избежание ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ.

Подводя итоги, можно констатировать, что государством была проделана обширная работа в сфере вовлечения частного сектора российской экономики в деятельность по противодействию коррупции в Российской Федерации. Однако, существуют и некоторые нерешенные вопросы. Основной проблемой в реализации данного направления государственной политики является отсутствие законодательно закрепленного стиму-

ла для внедрения в каждой организации эффективной системы противодействия коррупции. Таким стимулом могло бы стать законодательное закрепление снижения размера ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ для организаций, в которых внедрена и функционирует эффективная система менеджмента по противодействию коррупции.

Тем более, что действующим КоАП РФ в ст. 2.1 уже предусмотрено условие, для законодательного закрепления такого стимула: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Соответственно, в предмет доказывания по таким делам должно быть в обязательном порядке добавлено выяснение наличия системы антикоррупционного менеджмента в организации, а также эффективности ее функционирования. Освобождение юридического лица от ответственности должно быть поставлено в зависимость от, не просто наличия такой системы в организации, а от эффективности ее функционирования.

Литература

1. Антикоррупционная хартия российского бизнеса от 20.09.2012 (URL: <http://against-corruption.ru/khartiya/info/>)
2. Закон Великобритании о взяточничестве (URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents>)
3. Закон о противодействии коррупции за рубежом (URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf>)
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2002. № 1. Ст. 1
5. Меры по предупреждению коррупции в организации от 18.09.2019: министерство труда и социальной защиты Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс»
6. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0>)
7. Об утверждении Методических рекомендаций по организации управления рисками и внутреннего контроля в области предупреждения и противодействия коррупции: приказ Росимущества от 02.03.2016 № 80 // СПС «Консультант Плюс»
8. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»: указ Президента Российской Фе-

- дерации от 2.04.2013 № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2013. № 14. Ст. 1670.
9. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2018. № 27. Ст. 4038.
 10. О присоединении РФ к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федер. закон от 01.02.2012 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2012. № 6. Ст. 622.
 11. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2008. № 52. Ст. 6228.
 12. ISO 19600:2014 Системы комплаенс менеджмента (URL: <https://www.iso.org/ru/standard/62342.html>)
 13. ISO 37001 Системы менеджмента противодействия коррупции (URL: <https://www.iso.org/ru/iso-37001-anti-bribery-management.html>)
 14. Russia: Corporate anti-corruption enforcement research report (URL: <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2019/11/corporate-anti-corruption-enforcement>)

INVOLVEMENT OF THE PRIVATE SECTOR IN ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES, AS ONE OF THE ELEMENTS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISMS FOR COMBATING CORRUPTION

Prischepa B.K.
Voronezh State University

This article is dedicated to deep analyses of historical context and determinants, which led to the establishment and development of anti-corruption activities in private sector. Looking at the issue from a historical perspective helps to achieve a more holistic understanding of the role and importance of private sector involvement into anti-corruption activities. Moreover, as part of the problem in question has been analyzed law enforcement, as well as the challenges that can only be found in the enforcement stage. In conclusion, the paper considers possible ways to improve the situation, incentive programs for the private sector, as well as legislative initiatives that would allow law enforcers to more often use an implemented and effectively operating internal anti-corruption program as a criterion for mitigating punishment for a committed offense.

Keywords: Anti-corruption, administrative responsibility, private sector, administrative legal mechanisms, anti-corruption compliance.

References

1. Anti-Corruption Charter of Russian Business from 20.09.2012 (URL: <http://against-corruption.ru/khartiya/info/>)
2. United Kingdom Bribery Act (URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents>)
3. Foreign Corrupt Practices Act (URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2012/11/14/fcpa-russia.pdf>)
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses from 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2002. № 1. Ст. 1
5. Measures to prevent corruption in organizations from 18.09.2019: Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation // Information system «Consultant Plus»
6. Methodical recommendations for the development and modeling of measures to prevent and combat corruption (URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0>)

7. On approval of the Methodological Recommendations for the organization of risk management and internal control in the field of preventing and combating corruption: order of the Federal Property Management Agency from 02.03.2016 № 80 // Information system «Consultant Plus»
8. On measures to implement certain provisions of the Federal Law «On Combating Corruption»: decree of the President of the Russian Federation from 2.04.2013 № 309 // Collection of legislation of the Russian Federation 2013. N14. Ст. 1670.
9. On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020: Decree of the President of the Russian Federation from 29.06.2018 № 378 // Collection of legislation of the Russian Federation 2018. N 27. Ст. 4038.
10. On Russia's accession to the Convention on Combating Bribery of Foreign Officials in International Business Transactions: Federal law from 01.02.2012 № 3-ФЗ // Collection of legislation of the Russian Federation 2012. N 6. Ст. 622.
11. On combating Corruption: Federal law from 25.12.2008 № 273-ФЗ // Collection of legislation of the Russian Federation 2008. N 52. Ст. 6228.
12. ISO 19600:2014 Compliance management systems (URL: <https://www.iso.org/ru/standard/62342.html>)
13. ISO 37001 Anti-bribery management systems (URL: <https://www.iso.org/ru/iso-37001-anti-bribery-management.html>)
14. Russia: Corporate anti-corruption enforcement research report (URL: <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2019/11/corporate-anti-corruption-enforcement>)

Криминологическая характеристика личности преступника-террориста: социально-демографические аспекты

Рогожкин Никита Алексеевич,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета г. Владивостока
E-mail: Nikita.rogozhkin@mail.ru

Барышников Юрий Владимирович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета г. Владивостока
E-mail: Yurabar91@gmail.com

Цедрик Валерий Артурович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета г. Владивостока
E-mail: Arnautovich96@mail.ru

Терроризм, как общественное явление, представляет собой главную угрозу для всего мира. Преступления террористической направленности относятся к преступлениям против общественной безопасности, за совершение которых предусмотрена достаточно жесткая уголовная ответственность, поскольку преступления данной категории относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям. В целях профилактики столь ужасного антиобщественного явления необходимо подробно изучить личность террориста, выявить базовые качества данного типа преступников. В настоящей статье проведено криминологическое исследование личности преступника-террориста, в результате которого, был составлен социально-демографический портрет личности террориста. На основе анализа показателей преступности за последние годы была обоснована актуальность проведенного авторами настоящей статьи исследования. Обобщены характерные черты преступников-террористов. Выявлены социально-демографические особенности, присущие лицам, совершившим преступления террористической направленности.

Ключевые слова: Криминология, преступник, террорист, личность преступника-террориста, социально-демографический портрет преступника-террориста, терроризм, преступление, анализ.

На сегодняшний день преступления террористической направленности представляют собой наисерьезнейшую проблему для всего мира. Данное отрицательное явление, словно болезнь, активно и непредсказуемо развивается в обществе, которое представляет собой единый организм.

Так, например, число зарегистрированных преступлений террористического характера (террористический акт, вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) в РФ за 10 месяцев 2020 года выросло по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. В январе – октябре 2020 года на всей территории РФ зарегистрировано 1990 преступлений террористической направленности, а в аналогичный период 2019 года – 1493 преступления, о чем так же свидетельствуют статистические данные, опубликованные в портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, рост составил 33% [8].

Таким образом, положительный прирост зарегистрированных преступлений террористической направленности подтверждается открытыми статистическими данными, опубликованными на ведомственных сайтах, что в дополнение подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Однако согласно статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2019 года осуждено 205 человек за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1. – 205.6. УК РФ. В 2020 году за аналогичный период число осужденных лиц снизилось на 13%, но судебная статистика не отражает количество зарегистрированных преступлений, а отражает лишь временной период рассмотрения уголовного дела по существу [2].

Кроме того, необходимо учитывать, что большинство преступлений террористической направленности, за исключением террористического акта, являются латентными, и, в основном, выявляются оперативным подразделением органов государственной безопасности.

Одним из направлений антитеррористической политики является изучение личности террориста. Анализ материалов о лицах, совершивших преступления террористической направленности имеет существенное прикладное и теоретическое

значение. Он позволяет лучше разобраться в мотивах, внутренних побуждениях, психологических особенностях террориста, а главное – предоставляет возможность очертить примерный социальный круг, из которого наиболее вероятно «рекрутирование» будущих террористов [9].

Однако, как утверждают исследователи С.Н. Мешалкин и А.И. Пешков, невозможно создать обобщенный портрет террориста и рассуждать о нем как о четко оформленном типе личности, включающем в себя определенные психологические и социологические черты, свойственные всем без исключения представителям данной группы преступников [6].

Кроме того, на основе анализа научно-практических работ, посвященных изучению личности террориста, авторы настоящей работы пришли к выводу о том, что в Отечественной литературе отсутствуют подробные и развернутые характеристики личности указанного преступника. Значительная часть публикаций предусматривают сопоставление известной обществу информации о террористах с исследованиями, посвященными изучению личности человека.

Наиболее подробно личность террориста исследована в монографии Д.В. Ольшанского, который на основе изучения организации «ХАМАС» к кандидатам в члены террористической организации выдвинул следующие базовые качества террориста:

- 1) преданность своему делу (террору) и своей организации;
- 2) готовность к самопожертвованию;
- 3) выдержанность, дисциплинированность;
- 4) конспиративность;
- 5) повиновение;
- 6) коллективизм [7].

Стоит отметить, что «ХАМАС» не признана в России террористической организацией, но поскольку «ХАМАС» – исламское движение, выводы, сделанные Ольшанским Д.В., можно применять и к другим исламским террористическим организациям, запрещенным в России: «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад», «Исламское государство» и пр.

Что касается социально-демографических качеств личности преступника-террориста, то проведенное С.М. Бучаевым исследование позволило заключить, что большая часть лиц, совершивших террористический акт – это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет [4].

Это объясняется моральной незрелостью, отсутствием сформированных жизненных принципов, а также нравственных и религиозных позиций.

Что касается судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, то значительная часть судебных решений, находящихся в общем доступе, скрывают данные о дате рождения обвиняемых в совершении террористических преступлений лиц. Однако есть исключения. Например, в Обзоре судебной

практики Верховного суда РФ № 5 (2017) рассматривается приговор Московского окружного военного суда от 27 июня 2017 года, в котором содержатся сведения о дате рождения преступника-террориста – 09 ноября 1995 года [1].

Анализ уголовных дел о преступлениях террористического характера также позволяет утверждать, что 19% террористов закончили 5–7 классов, а в последующем учились в религиозных образовательных учреждениях, 18% закончили 8–9 классов, 32% – 10 или 11 классов, 17% террористов имеют среднее специальное образование, 4% – незаконченное высшее и 3% – высшее.

По данным И.Б. Линдера и С.А. Титкова большинство террористов – лица мужского пола, хотя периодически встречаются и женского пола [3]. Так, террористки женского пола зачастую использовали чеченскими боевиками в 1996 году во время взрыва на вокзале г. Пятигорска. В 2010 году в Московском метро на станции «Лубянка» произошел теракт, исполнителями которого явились две женщины-смертницы.

Примечательно, что в большинстве случаев женщины используются террористическими организациями в качестве смертниц. Представляется, что это обусловлено физиологической половой разницей, поскольку общеизвестно, что мужчины более выносливые и физически гораздо крепче, чем женщины. Отсюда следует, что лица мужского пола наиболее ценны для ведения боевых действий.

А. Красильников в рамках исследования социальных характеристик террористов пришел к выводу, что большинство террористов не имеют постоянного источника доходов, среди террористов есть ранее судимые лица, а также профессиональные преступники [5].

Обобщая изложенные характерные черты преступников-террористов, следует заключить следующее.

- 1) Лица, обвиняемые в совершении преступлений террористической направленности, глубоко религиозные люди, однако некоторые из них не знают содержание Корана, поскольку не обращаются к нему, изучая Коран в комментариях различных проповедников;
- 2) Духовными лидерами этих преступников являются проповедники радикальных течений ислама, находящиеся на территории Сирийской Арабской Республики;
- 3) Все преступники младше 1987 г.р., но в большинстве случаев возраст – от 18 до 30 лет;
- 4) Наименьшая часть исследуемой категории преступников имеет высшее образование;
- 5) По половому признаку большинство преступников исследуемой категории – мужчины, женщины в основном выполняют функцию смертниц;

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование актуальной характеристики личности преступника имеет первостепенный характер для выявления криминогенных групп, террористических ячеек, действующих скрытно, и готовящихся

совершить противоправные посяательства против государства и общества.

Литература

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 5 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017).
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2019 г. и 1 полугодие 2020 г., подготовленные Судебным Департаментом при ВС РФ.
3. Антонян Ю.М. Терроризм. М.: Щит-М, 1998. С. 234–274.
4. Бучаев С.М. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста и особенности ее формирования // Пробелы в российском законодательстве. М... Вып. 2013. № 6. С. 175–177.
5. Красильников А. Личность террориста: криминологический аспект // Законность. М..2008. № 5. С. 46–48.
6. Мешалкин С.Н. Криминологическая и социальная характеристики террористов-смертников (оперативно-розыскные меры превентивного характера) // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 93–98.
7. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 89.
8. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/>.
9. Томпсон Л. Антитеррор: Руководство по освобождению заложников / Пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ФАИР; ПРЕСС, 2005. С. 20.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A TERRORIST: SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS

Rogozhkin N.A., Baryshnikov Yu.V., Cedrik V.A.
Far East Federal University

Terrorism, as a social phenomenon, is the main threat to the whole world. Terrorist crimes refer to crimes against public safety, for the commission of which there is a rather strict criminal liability, since crimes of this category are classified as grave and especially grave crimes. In order to prevent such a terrible antisocial phenomenon, it is necessary to study in detail the personality of the terrorist, to identify the basic qualities of this type of criminals. This article is about a criminological study of the personality of a terrorist. A socio-demographic portrait of a terrorist personality was compiled as a result of research. Based on the analysis of crime indicators in recent years, the relevance of the study was substantiated. The characteristic features of terrorist criminals are generalized. The socio-demographic characteristics inherent in persons who have committed terrorist crimes have been identified.

Keywords: criminology, criminal, terrorist, personality of the criminal terrorist, socio-demographic portrait of the criminal terrorist, terrorism, crime, analysis.

References

1. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 5 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 27, 2017).
2. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the 1st half of 2019 and the 1st half of 2020, prepared by the Judicial Department under the Armed Forces of the Russian Federation.
3. Antonyan Yu.M. Terrorism. M.: Shchit-M, 1998.S. 234–274.
4. Buchaev S.M. Criminological characteristics of the personality of a criminal-terrorist and the peculiarities of its formation // Gaps in Russian legislation. M... Issue. 2013. No. 6. S. 175–177.
5. Krasilnikov A. Personality of a terrorist: criminological aspect // Legality. M. 2008. No. 5. S. 46–48.
6. Meshalkin S.N. Criminological and social characteristics of suicide bombers (operational-search measures of a preventive nature) // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 1. S. 93–98.
7. Olshansky D.V. Psychology of terrorism. Yekaterinburg: Business book, 2002.S. 89.
8. Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <http://crimestat.ru/>.
9. Thompson L. Antiterror: Guide to the release of hostages / Per. from English K. Tkachenko. M.: FAIR; PRESS, 2005, p. 20.

Проблемы применения уголовного законодательства о условно-досрочном освобождении в условиях множественности преступлений

Семенова Диана Михайловна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Самарского национального
исследовательского университета имени С.П. Королева
E-mail: 5500diana@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации об условно-досрочном освобождении в условиях множественности преступлений. Обращается внимание, что пределы дифференциации уголовной ответственности важно установить не только для наказания, но и для освобождения от уголовной ответственности и наказания, в частности для условно-досрочного освобождения от наказания, поскольку в соответствующих нормах тоже отражена идея дифференциации уголовной ответственности с учетом категории преступления, а значит его характера и типовой степени общественной опасности, а также типовой характеристики личности виновного. Отмечается, что множественность преступлений не может приравниваться к единичному преступлению, и лицо не может признаваться впервые совершившим совокупность преступлений, в том числе для целей условно-досрочного освобождения от освобождения от уголовной ответственности. Лица, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений, обладают повышенной степенью общественной опасности. Отношение к условно-досрочному освобождению таких лиц должно быть более жестким, поскольку это особые категории осужденных. Целесообразна дифференциация правил условно-досрочного освобождения лиц, осужденных за впервые совершенное деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений, и лиц, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений. В заключении предлагаются конкретные правила условно-досрочного освобождения в условиях множественности преступлений.

Ключевые слова: множественность преступлений, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, условно-досрочное освобождение, судимость, общественная опасность преступления.

Условно-досрочное освобождение от наказания представляют собой форму реализации уголовной ответственности, выраженной в виде поощрения лиц, обнаруживших снижение общественной опасности.

Так, ст. 79 УК РФ сроки необходимого фактического отбытия наказания, после которых может быть применено условно-досрочное освобождение, увеличены до трех четвертей и четырех пятых срока назначенного наказания только для определенных единичных тяжких и особо тяжких преступлений (п. «г» и «д» ч. 3). То есть, условия условно-досрочного освобождения ухудшаются для впервые совершенных названных преступлений, но не для наиболее опасных форм и видов множественности преступлений.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано, что если лицо осуждено по совокупности преступлений различной категории тяжести либо по совокупности приговоров, то при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания надлежит исходить из окончательного срока наказания, назначенного по совокупности[1]. Это предписание можно трактовать как приравнивание ситуаций совокупности преступлений и совокупности приговоров и одного преступления, даже если совокупность преступлений и совокупность приговоров образованы преступлениями разных категорий тяжести.

Целесообразна дифференциация правил условно-досрочного освобождения лиц, осужденных за впервые совершенное деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений, и лиц, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений.

В целях дифференциации уголовной ответственности условно-досрочное освобождение возможно после фактического отбытия лицом не менее:

- двух третей срока наказания, назначенного при общем рецидиве преступлений;
- трех четвертей срока наказания, назначенного по совокупности тяжких и особо тяжких преступлений; многократной совокупности тождественных преступлений; совокупности приговоров при совершении тяжких и особо тяжких преступлений либо тождественных преступлений; специальном и опасном рецидиве преступлений;

- четырех пятых срока наказания, назначенного при особо опасном рецидиве преступлений.

Лица, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений, обладают повышенной степенью общественной опасности. Отношение к условно-досрочному освобождению таких лиц должно быть более жестким, поскольку это особые категории осужденных.

Статья 79 УК РФ является одной из самых нестабильных, в нее иницируется больше всего изменений и дополнений. Причина этого, как представляется, заключается в отсутствии обоснованных критериев определения условий при освобождении от отбывания наказания. Понятие «лицо, которое не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания», являясь категорией оценочной, по смыслу ст. 79 УК РФ распространяется в равной мере на лиц, впервые совершивших преступление, и на лиц, совершивших преступления по совокупности преступлений, при рецидиве, совокупности приговоров.

В ч. 1 ст. 175 УИК РФ предусматривается, что в ходатайстве об условно-досрочном освобождении должны содержаться сведения, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, раскаялся в совершенном деянии, а также иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного; ч. 2 ст. 175 УИК РФ предписывает в характеристиках, предоставляемых администрацией исправительного учреждения, отражать данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду, отношении осужденного к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения.

Проблема состоит в том, что личность осужденного оценивается только с точки зрения его поведения при отбывании наказания, прошлая его преступная жизнь при применении законодательной нормы об условно-досрочном освобождении значения не имеет. Однако очевидно, что вывод о том, что осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания невозможен без учета его преступного опыта.

Чтобы установить пределы дифференциации уголовной ответственности при освобождении от наказания, в том числе условно-досрочном освобождении от наказания, также необходимо определить временные пределы состояния судимости лица.

В силу ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. При этом в законе нет ограничений по неучету судимости в зависимости от того, освобождено лицо от всего срока назначенного судом наказания либо от его дальнейшего отбывания. Основания для освобождения лица от наказания могут быть самыми разными: условно-досрочное освобождение, амнистия, помилование, истечение срока давности обвинительного приговора, освобождение от наказания по болезни и т.д. Законодатель не про-

водит четкого различия между лицами, которые в силу освобождения от наказания не являлись судимыми, и лицами, которые перестали быть судимыми вследствие освобождения их от наказания.

В правоприменительной практике этот вопрос также решается неоднозначно. Зачастую при назначении наказания суды необоснованно ссылаются на судимость за преступление, от отбывания наказания за которое лицо было освобождено. Так, Е., ранее судимый 21.02.2005 г. по совокупности преступлений к 4 годам лишения свободы условно, был освобожден от наказания в силу Постановления Государственной Думы Федерального Собрания от 19 апреля 2006 г. «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения Государственной Думы в России». При осуждении за вновь совершенные преступления по ч. 2 ст. 162 УК РФ и ч. 4 ст. 166 УК РФ суд учел прошлую судимость и назначил наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Президиум Самарского областного суда вынес решение о необходимости изменения в отношении осужденного Е. приговора суда, исключив указание на судимость и смягчив наказание. В данном случае Е. считался несудимым в связи с освобождением его от наказания актом амнистии[2].

Вместе с тем, если лицо в силу акта амнистии было освобождено от дальнейшего отбывания наказания, то судимость у него определенный период времени сохраняется. Этот вывод, на наш взгляд, следует из буквального толкования ч. 4 ст. 86 УК РФ. Если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний.

Лицо, совершившее совокупность преступлений, осужденное при рецидиве преступлений, по совокупности приговоров, в отношении которого исполняется несколько приговоров одновременно, также как и лицо, осужденное только за одно преступление, может быть досрочно освобождено актом об амнистии от дальнейшего отбывания наказания, либо может быть полностью освобождено от уголовной ответственности, в полном объеме или частично освобождено от дополнительного наказания. Такие лица считаются не имеющими судимости, если иное специально не оговорено в акте об амнистии.

Так, доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, неуклонно растет и с 2003 г. по настоящее время представлена в диапазоне 25% – 35%. За последнее время увеличилось и количество лиц, отбывающих лишение свободы, у которых имеется три и более судимости. Так, за 2010–2019 гг. этот показатель увеличился с 27 до 38%[3]. Это требует усиления внимания к предупреждению повторной преступности. Средством такой уголовной политики является дифференциация уголовной ответ-

ственности за множественность преступлений путем регламентации пределов назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания, включая условно-досрочное освобождение от наказания, с учетом типовой опасности форм и видов множественности преступлений и типовой характеристики опасности виновного.

В целях определения пределов дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений предлагаем:

- обязательное усиление уголовной ответственности при совокупности тяжких и особо тяжких преступлений; многократной совокупности тождественных преступлений; совокупности приговоров при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, тождественных преступлений; специальном рецидиве; опасном, особо опасном рецидиве преступлений;
- недопустимость усиления уголовной ответственности при совокупности двух не связанных друг с другом разнородных преступлений либо относящихся к преступлениям небольшой тяжести; простой совокупности приговоров при совершении нетождественных преступлений;
- усиление уголовной ответственности по усмотрению правоприменителя при других видах совокупности преступлений; при других видах совокупности приговоров; простом рецидиве [4, с. 192].

Множественность преступлений не может приравниваться к единичному преступлению, и лицо не может признаваться впервые совершившим совокупность преступлений, в том числе для целей условно-досрочного освобождения от освобождения от уголовной ответственности.

Целесообразна дифференциация правил условно-досрочного освобождения лиц, осужденных за впервые совершенное деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений, и лиц, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений: совокупность тяжких и особо тяжких преступлений; многократную совокупность тождественных преступлений; совокупность приговоров при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, тождественных преступлений; специальный рецидив; опасный, особо опасный рецидив преступлений, путем повышения максимального срока, необходимого для условно-досрочного освобождения.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. N 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

[cgi?req=doc&base=ARB001&n=65844](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB001&n=65844) (дата обращения: 18.01.2021).

2. Постановление президиума Самарского областного суда по делу No44y/155–2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud (дата обращения: 12.01.2021).
3. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2019 годы [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2019. – 260 с.

PROBLEMS OF APPLICATION OF CRIMINAL LEGISLATION OF GRANT OF PAROLE FOR THE MULTIPLE OFFENCES

Semenova D.M.

Samara National Research University

The article deals with the problems of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on grant parole in conditions of the multiple offences. Attention is drawn to the fact that it is important to establish the limits of differentiation of criminal responsibility not only for punishment, but also for release from criminal liability and punishment, in particular for grant parole from punishment, since the corresponding norms also reflect the idea of differentiation of criminal liability, taking into account the category of crime, and hence its character and typical degree of social danger, as well as typical characteristics of the person. It is noted that a multiple offences cannot be equated with a single crime, and a person cannot be recognized as having committed a set of crimes for the first time, including for the purposes of grant parole from criminal liability. Persons whose acts constitute the most dangerous forms and types of multiple offences have an increased degree of public danger. The attitude to the grant parole of such persons should be tougher, since these are special categories of convicts. It is advisable to differentiate the rules for grant parole of persons convicted for the first time committed an act containing signs of a crime or several crimes, and persons whose acts form the most dangerous forms and types of multiple offences. It conclude specific rules on grant parole for the multiple offences.

Keywords: multiple offences, criminal responsibility, differentiation of criminal responsibility, grant parole, conviction, social danger of crime.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 21, 2009 N 8 "On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacing the unserved part of the sentence with a milder type of punishment" [Electronic resource] Access mode: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB001&n=65844> (date accessed: 01/18/2021).
2. Resolution of the Presidium of the Samara Regional Court in case No. 44u / 155–2010 [Electronic resource] // Access mode: URL: https://http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud (date access: 12.01.2021).
3. The main statistical indicators of the state of convictions in Russia for 2003–2007 and 2008–2019 [Electronic resource] // Access mode: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 12.01.2021).
4. Semenova D.M. Basis and limits of differentiation of criminal responsibility in conditions of multiple crimes: dis. ... Cand. jurid. sciences. – Samara, 2019. – 260 p.

Значение судебного решения по гражданскому делу в Российской Федерации в контексте исполняемых им функций

Соболевский Всеволод Дмитриевич,

студент Юридической школы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: sobolevskiy.vsevolod@mail.ru

В настоящей статье освещается вопрос значения судебного решения по гражданскому делу в Российской Федерации. Автор рассматривает его значение через призму исполняемых им функций. Понимание функций судебного решения позволит определить фактическую цель судебного решения, способы его влияния на общественные отношения, что приведёт к познанию роли и места рассматриваемого акта в социальной жизни и правовой системе государства. При этом как судебное решение, так и его функции рассматриваются не только как юридический акт, но и как специфический социальный регулятор, основанный на нормах права и способный влиять на поведение людей. Также рассматривается вопрос о том, каким образом судебное решение влияет на формирование общих подходов для разрешения конкретных гражданских дел, и то, как оно влияет на правовую систему в целом и поведение людей в частности.

Ключевые слова: судебное решение, значение судебного решения, цель судебного решения, функции судебного решения, общественные отношения, разрешение дела, фиксация общественных отношений, воспитание, судебная практика.

Судебное решение является важнейшим процессуальным актом, выносимом в гражданском процессе, поскольку оно фиксируется окончание разбирательства по конкретному делу. Тем не менее, остаются вопросы, связанные с его функциями: их разъяснение, поможет понять место рассматриваемого акта в правовой материи России.

Для начала необходимо рассмотреть понятие судебного решения как в разрезе законодательства, так и актов Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 194 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) под судебным решением понимается постановления суда первой инстанции, призванные разрешить дело по существу. Формулировку законодателя Верховный Суд повторил в пт. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» [2]. На основании вышеперечисленного можно заключить, что основной целью судебного решения, с точки зрения законодателя и Верховного Суда, является разрешение дела по существу, т.е. решение конкретного спора в пользу одной из сторон гражданского процесса. Однако судами общей юрисдикции издаётся огромное количество судебных решений, и по этой причине, в силу кумулятивного эффекта, они оказывают воздействие не только на конкретных лиц, но и на общество в целом.

Чтобы раскрыть эти функции, обратимся к положениям ГПК РФ. В ч. 1 ст. 196 ГПК РФ раскрыты вопросы, которые разрешает суд при принятии решения. В соответствии с рассматриваемым положением, при принятии решения суд осуществляет:

- *оценка доказательств* – суд оценивает предъявленные сторонами доказательства на основании своего внутреннего убеждения;
- *установление обстоятельств и выяснение неустановленных обстоятельств* – суд определяет обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, на основании доводов сторон;
- *установление правоотношений сторон* – суд устанавливает наличие правоотношения между сторонами гражданского дела;
- *применение закона* – суд определяет, какой закон необходимо применить в конкретном деле;
- *удовлетворение или неудовлетворение иска* – суд, на основании имеющихся доказательств, выясненных обстоятельств, наличествующих правоотношений, а также положений закона, выносит решение об удовлетворении или неудовлетворении иска, т.е. признание правомерными или неправомерными притязания истца.

Все вышеизложенные положения можно обобщить в одну функцию – **разрешение дела**, т.к. в сущности своей они направлены на урегулирование возникшего спора и возвращение сложившихся общественных отношений в нормальное, с правовой точки зрения, русло. Тем не менее, мы полагаем, что судебное решение не ограничивается только вышеописанной функцией.

В ч. 2 ст. 61 ГПК РФ указано, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица, а также в случаях, предусмотренных ГПК РФ. В силу того, что судебное решение является разновидностью постановления, то на него также распространяется положение о преюдициальности. При этом, «преюдиция имеет двойственную природу в зависимости от того, кому она адресована. Преюдициальность судебного акта для лиц, участвующих в деле, означает освобождение от необходимости доказывания, а также запрет на вторичное доказывание либо опровержение в другом процессе ранее установленных этим судебным актом обстоятельств» [3, с. 234]. Кроме того, для судебного решения в ч. 2 ст. 209 ГПК РФ отдельно указано, что после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения. На основании вышеизложенного, можно говорить об ещё одной функции судебного решения как **фиксация общественных отношений**. Её роль состоит в следующем: во-первых, она препятствует созданию спорной правовой ситуации, имевшей место ранее, а во-вторых, позволяет ускорить судебный процесс, т.к. представленные в прошлом доказательства уже получили оценку суда и выявленные обстоятельства уже носят характер фактов.

Касаясь вопроса **фиксации общественных отношений**, мы в той или иной степени затрагиваем вопрос и о наличии **воспитательной функции** у судебного решения. Зейдер Н.Б. считал **воспитательную функцию** как одну из основных для советского судебного решения: «Вместе с тем необходимо указать, что судебное решение в советском праве приобретает огромное воспитательное значение, соответствующее задаче советского правосудия по воспитанию советских граждан в духе преданности родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважение к правам чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития (ст. 3 Основ законода-

тельства о судеустройстве)» [4, с. 17]. Но насколько вопрос о воспитании актуален на данный момент, ибо положения, описанные Зейдером касаются советского периода, а не современности? Шишков Е.А. в своей работе «К вопросу о воспитательной функции судебного решения» пишет следующие: «Рассматривая и разрешая конкретные дела, суд своими действиями, содержанием судебных актов, несомненно, оказывает воспитательное воздействие как на граждан – участников процесса, так и на граждан, которые знакомятся с содержанием судебной деятельности в той или иной форме. А.Ф. Клейнман рассматривал судебные акты как «акты судебной защиты субъективного права и правопорядка, акты большого политико-воспитательного воздействия». «Воспитательное воздействие судебного решения исходит из его сущности. Суть судебного решения можно определить как властное подтверждение со стороны государства взаимоотношений субъектов материального права по вопросу наличия или отсутствия правоотношения или иных правовых обстоятельств и устранение их спорности» [5, с. 109]. В целом достаточно сложно спорить, что судебное решение будет оказывать воздействие на поведение лиц, принимавших участие в гражданском процессе, поскольку судебное решение стремится к нормализации общественных отношений в соответствии с законом и к недопущению повторного создания спорной правовой ситуации. Подобное наиболее ярко выражено по отношению к проигравшей стороне, на которую может быть возложена обязанность как на совершение невыгодных для неё действий, либо запрет на осуществление выгодных действий. На победившую сторону, в свою очередь, оказывается значительно меньшее влияние, но можно говорить о некотором её поощрении со стороны суда, так как её деятельность признаётся правомерной. Вышеописанные случаи прямо связаны с поведением лица, и по этой причине можно говорить о том, что в той или иной степени судебное решение пытается воспитать граждан, дабы они организовывали свои поступки в соответствии с законом. Поэтому, мы считаем, что у судебного решения обладает **воспитательной функцией**. Безусловно, подобное работает далеко не во всех случаях, но данный вопрос лежит не в юриспруденции, а в психологии.

Как уже мы описывали выше, суды общей юрисдикции издадут большое количество судебных решений, которые совместно осуществляют функцию **формирования судебной практики**. Судебная практика крайне важна, ибо формирует общие подходы к рассмотрению гражданских дел, что позволяет обеспечивать справедливое разрешение дел. Возможность использовать судебную практику в отдельном судебном решении указана в ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ, где описано, что дабы обосновать свою позицию, судья может прибегать к обзорам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Тем не менее,

сводить всю судебную практику к обзорам Верховного Суда было бы неверно, ибо они не всегда могут охватить всё многообразие общественных отношений. Кроме того, судьи могут самостоятельно знакомится с решениями других судей, и черпать из них отдельные правовые позиции, которые считают необходимыми для правильно разрешения рассматриваемого им дела. Благо, в современных условиях, доступность судебных актов гораздо выше, чем ранее, благодаря: сети Интернет, а также положениям ст. 10 ГПК РФ (принцип гласности гражданского процесса) и ст. 15 Федерального закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [6] (регулирование судебных актов в сети Интернет). Помимо этого судья, что очевидно, сам формирует судебную практику посредством издания отдельных судебных решений. Безусловно, в России судебные решения не являются прецедентами, однако подобное не означает, что судьи не опираются на них при принятии новых решений.

Из вышеперечисленных функций проистекает и само значение судебного решения в Российской Федерации. Пусть законодатель и Верховный Суд РФ определяют его цель только как разрешение дела по существу, но в действительности – она значительно шире. Можно сказать, что целью судебного решения является нормализация общественных отношений. **Разрешение спора, фиксации сложившихся общественных отношений, воспитание и формирование судебной практики** в данном случае выступают как элементы этой цели. В таком контексте значение судебного решения состоит в том, что оно выступает как социальный регулятор, направляющий поведение участников правоотношений в рамки нормативно-правовых норм. В то же время, судебное решение имеет значение так и для судей, поскольку способствует формированию единых подходов к разрешению гражданско-правовых споров.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»;
3. Новикова, Д.С. Свойство преюдициальности судебного решения в современном гражданском и арбитражном процессе / Д.С. Новикова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 18 (152). – с. 234–236.
4. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу // Издательство «Юридическая литература». Москва. 1966. 97 с.
5. Шишков Е.А. К вопросу о воспитательной функции судебного решения // Аспирантский вестник Поволжья. № 7–8. 2014. с. 107–111.
6. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

THE VALUE OF A COURT DECISION IN A CIVIL CASE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONS IT PERFORMS

Sobolevskiy V.D.

Far Eastern Federal University

In genuine article reveal questions about value of civil law judgment in Russian Federation. Author view value of civil law through a prism of its functions. Understanding of functions can help us to spot actually civil law judgment's purpose and its influence on social relation. This information can to provide us for knowledges about role and place civil law judgment in social live and state legal system. In this regard civil law judgment and its functions consider not only as juridical act, but specific social regulator based on legal norm and capable to affect to people behavior. Also question revile how civil law judgment influence on formation of common approaches for resolve of concrete civil cases and its impact on legal system in generally and judge's demeanor in particular.

Keywords: civil law judgment, value of civil law judgment, purpose of civil law judgment, functions of civil law judgment, social relation, resolve of civil case, fixation of social relation, upbringing, legal practice.

References

1. Civil code of Judicial Practice of Russia from 14.11. 2002 № 138-FZ (redaction from 08.12.2020) [Digital source]. Access from reference-information system «KonsultantPlus».
2. Resolution of Supreme Court of Russia from 19.12.2003 № 23 (redaction from 23.06.2015) «About Civil Law Judgment» [Digital source]. Access from reference-information system «Garant».
3. Novikova, D.S. Prejudice as Attribute of Judgment in Modern Civil and Arbitral Processes / D.S. Novik. – Text: direct // Molodoy uchionye. – 2017. – № 18 (152). – p. 234–236.
4. Zeyder N.B. Judgment in Civil Case // Publishing «Yuridicheskaya Literatura». Moscow. 1996. 97 p.
5. Shihkov E.A. For question about upbringing function in civil law judgment // Aspirantsiy Vestnik of Povolzie. № 7–8. 2014. p. 107–111.
6. Federal Law from 22.12.2008 № 262-FZ «About provision to informational access about working courts of Russian Federation». [Digital source]. Access from reference-information system «KonsultantPlus».

Основные направления противодействия коррупции в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации

Иванов Александр Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: aleks-i-82@yandex.ru

Купченко Константин Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: konstan1977@yandex.ru

Федоскин Николай Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии; доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Ягнешко Михаил Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yagneshkom@gmail.com

В статье представлены результаты анализа коррупционных правонарушений, совершенных сотрудниками Федеральной службы судебных приставов в 2017–2019 годах. Несмотря на положительную динамику их количество остается на достаточно высоком уровне. Авторами исследованы наиболее типичные проявления коррупции в сфере деятельности сотрудников Федеральной службы судебных приставов такие как: служебный подлог, фальсификация отчетных данных, невыполнение своих служебных обязанностей в рамках возбужденного исполнительного производства и т.п.

В качестве первоочередных мероприятий по противодействию коррупции, авторами предлагается усиление контроля за изменением доходов, расходов, стоимости имущества сотрудников Федеральной службы судебных приставов, расширение перечня инициаторов проведения проверок за расходами. Приходят к выводу, что положительный эффект в контроле за доходами и расходами сотрудников должно принести повышение роли комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, наделение их полномочиями по инициации рассмотрения случаев несоответствия доходов и расходов сотрудников и членов их семей. Решения комиссий должны стать обязательными для исполнения руководством службы. Авторы в результате проведенного исследования приходят к выводу, что силовые меры должны дополняться формированием в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции, уголовно-правовые меры, коррупция в Федеральной службе судебных приставов.

Федеральная служба судебных приставов единственный орган в составе исполнительной власти наделенный полномочиями по принудительному исполнению судебных решений и постановлений. Её сотрудники производят многочисленные действия по поводу взыскания с должников денежных средств.

Распространение коррупции в системе органов принудительного исполнения ведет к тому, что не выполняются судебные решения относительно возмещения ущерба, нанесенного государству и муниципальным образованиям, несвоевременно реализуются или не реализуются вовсе имущественные права граждан, нарушаются конституционные права граждан на свободу и законность, подрывается авторитет государственной власти.

Противодействие коррупции в системе Федеральной службы судебных приставов осложняется тем, что при реализации своих служебных функций, они обременены ещё и дополнительными полномочиями: на основании судебного решения осуществляют арест счетов, в случае невозврата кредита, осуществляют взыскание задолженностей по налогам, накладывают запрет на выезд за пределы Российской Федерации, списывают деньги с банковской карты в целях погашения штрафов за нарушение правил дорожного движения или уплаты алиментов, изымают недвижимость в счет погашения кредита, устанавливают запрет на выдачу загранпаспорта, на отчуждение имущества и плодов интеллектуальной деятельности.

Работа судебных приставов имеет ряд специфических особенностей. Так, основанием для выполнения своих функций судебными приставами выступает только решение суда. Судебные органы ставят должника в известность о принудительном взыскании денежных средств. Другой особенностью является использование всевозможных методик, которые позволяют спроецировать возможность самостоятельной уплаты долга должником. Помимо этого, судебный пристав может использовать всевозможные законные методики взыскания денежных средств в принудительном режиме. Но главной особенностью службы судебных приставов является то, что они работают с чужими деньгами и имуществом. Это создает большой соблазн для недобросовестных сотрудников.

Противодействие коррупции начинается непосредственно в самой Федеральной службе судебных приставов и ее структурных подразделениях. Антикоррупционная деятельность в данном случае осуществляется на основании Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии

коррупции» и Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378, нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации и организационно-распорядительными и методическими документами ФССП России, а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

По данным ФССП количество обращений от граждан и представителей организаций о возможных коррупционных правонарушениях, допущенных сотрудниками ФССП России в 2017–2019 годах динамично возрастало. Так, если в 2017 году в службу судебных приставов поступило 4170 обращений о возможных коррупционных правонарушениях, допущенных федеральными государственными гражданскими служащими, то в 2018 году число обращений увеличилось на 19,3% и составило 4973, в 2019 году рост продолжился, при этом, число обращений возросло уже на 21,7% достигнув 6073. Нужно отметить, что за первое полугодие 2020 года поступило 2043 об-

ращения, что на 32% ниже показателя 2019 года за аналогичный период.

Обращения граждан и представителей организаций о возможных коррупционных правонарушениях регулярно рассматриваются Комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов федеральных государственных гражданских служащих действующими в системе службы судебных приставов. Как видим из таблицы 1 количество рассматриваемых на комиссиях дел в 2017–2019 годах динамично сокращается с 2822 до 2474 что составляет 12,3%. На основании данных таблицы можно сделать вывод, что в целом по ФССП усилился контроль за предоставлением сотрудниками службы данных о доходах, наличии имущества, обязательствах имущественного характера, поскольку количество рассматриваемых дел по данной статье сократилось почти в два раза – с 823 в 2017 году до 449 в 2019 году. Резко сократилось число дел связанных с замещением сотрудниками службы должностей в коммерческих или некоммерческих структурах (табл. 1).

Таблица 1. Динамика изменения количества дел, рассматриваемых Комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов федеральных государственных гражданских служащих действующими в ФССП России

Рассматриваемые материалы	2017 г.	В% к итогу	2018 г.	В% к итогу	2019 г.	В% к итогу
Представление недостоверных или неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера	823	29,2	553	19,8	449	18,1
Рассмотрение заявлений о невозможности представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера	112	3,9	167	6,0	166	6,7
Несоблюдение требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов	303	10,7	437	15,7	304	12,3
Дача согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора	1108	39,3	873	31,3	458	18,5
Иные вопросы	476	16,9	757	27,2	1097	44,3
Итого	2822	100,0	2787	100,0	2474	100,0

Негативным моментов в работе по противодействию коррупционным проявлениям можно считать то, что не удалось переломить тенденцию роста числа случаев, связанных с нарушением сотрудниками ФССП требований, предъявляемых к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов. С 2017 по 2019 гг. росло не только их общее количество, до 437 в 2018 году, но и увеличивалась доля в общей структуре рассматриваемых материалов – с 10,7% до 12,3%.

Следует отметить снижение численности привлекаемых к ответственности сотрудников по результатам заседания Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов с 570 до 337 т.е. почти в два раза (табл. 2). Максимальное сокращение произошло по направлениям деятельности непо-

средственно связанным с исполнением сотрудниками своих служебных обязанностей.

Противодействие коррупции сопровождается не только привлечением сотрудников к дисциплинарной, административной, но и к уголовной ответственности. По данным ФССП в 2019 году были возбуждены уголовные дела по должностным преступлениям в отношении 247 работников территориальных органов службы судебных приставов, по 245 уголовным делам. Количество сотрудников, в отношении которых возбуждены уголовные дела практически не снижается. Так, в 2017 году уголовные дела по преступлениям, предусмотренными ст. 290 (получение взятки), 291.1 (посредничество во взяточничестве), 291.2 (мелкое взяточничество), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ),

превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ), были возбуждены в отношении 68 действующих и бывших работников территориальных органов ФССП России, в 2018 году – 54, а в 2019 году – 67. Общая сумма взыскиваемых взяток в 2019 году составила свыше 9,7 млн руб. (в 2018 году – 24 млн руб.).

Таблица 2. Привлечение к ответственности федеральных государственных гражданских служащих по результатам заседания Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов федеральных государственных гражданских служащих действующими в ФССП России

Коррупционные правонарушения	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в% к 2017 г.
Представление неполных и (или) недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера	419	255	267	63,7
Несоблюдение требований к служебному поведению и об урегулировании конфликта интересов	132	130	65	49,2
Несоблюдение требований об объективности и уважительности причин непредставления сведений о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей	4	4	5	125,0
Иные правонарушения	15	3	0	0,0
Итого	570	392	337	59,1
Уволено в связи с утратой доверия	80	31	23	28,8

В 2019 году за непринятие федеральными государственными служащими мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого они являлись, уволен в связи с утратой доверия 31 работник (46% от общего количества взяточников), в 2018 году – 23 работника (43%)[1].

К числу наиболее часто встречающихся коррупционных правонарушений в системе ФССП можно отнести:

- получение и вымогательство взяток;
- преднамеренное «затягивание» исполнительного производства;
- незаконная реализация имущества, принадлежащего должнику, которое в рамках исполнительного производства подлежит передаче взыскателю;
- незаконное окончание исполнительного производства без его фактического исполнения;

- непринятие мер принудительного исполнения по исполнительному производству;
- незаконные действия по снятию запрета на регистрацию транспортных средств;
- незаконное снятие либо не вынесение постановления о временном ограничении должника на выезд из Российской Федерации;
- незаконные действия по неисполнению административных актов;
- иные незаконные действия по исполнительным производствам.

Пристав-исполнитель не имеет право продавать движимое и недвижимое имущество должника самостоятельно. Он может только его арестовать и передать на ответственное хранение организациям, с которыми у приставов заключены договоры о хранении. Однако встречаются случаи, когда судебный пристав-исполнитель нарушает регламент процедуры взыскания, превышает свои должностные полномочия. Возможны ситуации, когда судебные приставы оставляют должников, в прямом смысле слова, без средств к существованию и последнего имущества, что является серьезным превышением служебных обязанностей судебных приставов, т.к. по закону должникам предоставляется возможность гасить задолженность поэтапно. Одним из самых частых нарушений является невыполнение своих служебных обязанностей, когда, в рамках возбужденного исполнительного производства, исполнительные действия судебными приставами не производятся.

Достаточно распространенным коррупционным правонарушением является служебный подлог. Сложность его выявления обусловлена необходимостью проведения исследования документов на предмет их подлинности и соответствия нормативным требованиям, поиском свидетелей, их возможным отсутствием. У судебного пристава-исполнителя не всегда есть возможность реализации исполнительного производства поэтому, для того чтобы отчитаться о проделанной работе и обеспечить высокие показатели фальсифицируются отчетные данные.

Изучение коррупции позволяет сделать вывод, что кроме причин общего характера к которым относят несовершенство российского законодательства, низкий уровень правовой культуры населения, низкая эффективность деятельности исполнительных органов власти, отсутствие демократического контроля за деятельностью органов государственного управления, склонность населения к взяточничеству и т.п., на распространение коррупции среди сотрудников ФССП России влияют факторы, обусловленные спецификой службы.

Причиной коррупционных проявлений выступает слишком большая нагрузка на одного работника. Количество исполнительных производств, подлежащих реализации приставом-исполнителем может составлять сотни, а то и тысячи дел, соответственно сотрудники службы судебных приставов, «восстанавливают справедливость» посред-

ством незаконного получения дополнительных доходов в виде взятки.

Возникновение конфликта интересов может явиться следствием относительно низкой заработной платы судебных приставов-исполнителей, «поскольку заработная плата обычного судебного пристава-исполнителя невелика, то возникает соблазн заработать таким образом «легкие деньги» [2, с.25–26].

Совершению правонарушений способствует и недостаточно эффективная планово-предупредительная работа по профилактике и предупреждению правонарушений коррупционного характера. Зачастую рассмотренные выше правонарушения выявляются несвоевременно. Сотрудники, решившие использовать свои служебные функции в корыстных целях имеют возможность для подготовки и в дальнейшем совершения противоправного деяния, которое может быть не раскрыто в ближайшей перспективе, что создает чувство безнаказанности не только у виновных, но и их у коллег, обладавших информацией о противоправных деяниях, что привело к совершению аналогичных уголовно наказуемых деяний другими сотрудниками ФССП.

Проблемы в работе комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов иногда создают сами заявители, обращающиеся с жалобами на сотрудников в ФССП России, поскольку информация, направляемая ими для рассмотрения, носит неконкретный характер, требует уточнения и проверки.

Повышение эффективности мероприятий по противодействию распространения коррупции сдерживается, как считают многие исследователи, из-за несовершенства законодательства регулирующего деятельность сотрудников органов принудительного исполнения[3].

Выявление и противодействие коррупционным правонарушениям в системе органов принудительного исполнения осложняется еще и тем, что сотрудники службы в большинстве имеют хорошее юридическое и экономическое образование, высокий интеллектуальный уровень, и поэтому, способны квалифицированно анализировать и применять на практике нормативно-правовые акты регулирующие деятельность службы, что позволяет им в свою очередь сочетать выполнение своих должностных обязанностей с реализацией корыстных, противоправных интересов.

Снизить уровень коррупции в системе органов принудительного исполнения можно только посредством реализации комплексного подхода включающего мероприятия силового, экономического, образовательного характера.

Реальный эффект может принести усиление контроля за изменением доходов, расходов, имущества сотрудников Федеральной службы судебных приставов. В настоящее время проверки за доходами проводятся на основании «Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендую-

щими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» утвержденного Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065. В соответствии с п. 10 настоящего положения проверка достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера проводится в случае наличия достаточной информации, представленной в письменном виде в установленном порядке правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами; постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных в соответствии с законом иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями; Общественной палатой Российской Федерации; общероссийскими средствами массовой информации. В число источников информации иницилирующих обязательную проверку следует включить информацию Интернет-изданий, социальных сетей, региональных общественных палат, региональных общественных объединений. Для эффективного противодействия коррупции необходимо, чтобы возможно большее количество лиц, письменная информация которых может послужить основанием для проведения проверки сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, было наделено необходимыми полномочиями в соответствующих нормативных правовых актах [4, с.212].

Свидетельством о возможном совершении коррупционных правонарушений выступает несоответствие доходов и расходов. В Российской Федерации контроль за соответствием расходов государственных и муниципальных служащих осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2012 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» № 230-ФЗ. Генеральной прокуратурой на основании указанного закона разработана методика «Контроль за соответствием расходов государственных и муниципальных служащих их доходам. Памятка для служащих». Контроль за соответствием расходов государственных и муниципальных служащих их доходам возложен на кадровые службы и органы прокуратуры. Решение об осуществлении контроля за расходами государственных служащих принимается в случае, если чиновник или члены его семьи (супруг/супруга, несовершеннолетние дети) в течение отчетного года расходуют на совершение сделок по приобретению недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг сумму, превышающую общий доход данного лица, его супруги (супруга) за три последних года. Получив информацию о незаконном получении лицом доходов, сотрудники прокуратуры обращаются в суд

с заявлением об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Если расходы лица превышают задекларированные доходы, оно может быть освобождено от должности, уволено, привлечено к административной или уголовной ответственности.

Совершенствование механизма контроля за расходами сотрудников опять же предполагает увеличение перечня инициаторов проведения проверок за расходами, это могут быть отдельные граждане, общественные организации, некоммерческие объединения, негосударственные кредитно-финансовые институты. Представляется целесообразным снижение уровня расходов, за которым должна последовать проверка на предмет осуществления коррупционных действий. Например, в Соединенных штатах члены конгресса должны отчитываться о сделках по купле/продаже акций, если их величина превышает тысячу долларов [5].

Численность сотрудников ФССП на настоящий момент времени составляет порядка 75 тысяч человек, поэтому проверить весь персонал будет довольно сложно, это потребует улучшения администрирования контроля за доходами и расходами, и соответственно дополнительных материальных затрат. Нужно отметить, что большую помощь в плане повышения прозрачности доходов и расходов окажет реализация Федерального закона от 08.06.2020 N 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Федеральный регистр будет включать информацию на всех граждан Российской Федерации, в том числе и о сотрудниках Федеральной службы судебных приставов следующего характера: сведения о физическом лице: а) фамилия, имя и отчество (при наличии) и в случае их изменения иные фамилия, имя и отчество (при наличии); дата рождения; дата смерти; место рождения и пр. Несмотря на то, что в законе нет прямого указания на сбор данных о материальном состоянии граждан, сведения о доходах могут быть получены посредством анализа поступающей в динамике за несколько лет информации. В июле 2020 года Министерство финансов вынесло на рассмотрение поправки в Бюджетный кодекс направленные на усиление борьбы с незаконными доходами государственных служащих, а также всех граждан не способных доказать законность приобретенного имущества. Денежные средства если доказана незаконность их происхождения предлагается конфисковывать и направлять в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Свою роль в контроле за доходами и расходами сотрудников должны сыграть и комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. В настоящее время комиссии играют достаточно пассивную

роль в противодействии коррупции. На заседаниях комиссий рассматриваются материалы, поступающие из контрольно-надзорных органов, в первую очередь из прокуратуры, решения комиссии носят рекомендательный характер. Потенциал комиссий как института противодействия коррупционным правонарушениям сегодня раскрыт не полностью. Комиссии следует наделить полномочиями инициации рассмотрения случаев несоответствия доходов и расходов сотрудников и членов их семей, решения комиссий должны стать обязательными для исполнения руководством организаций.

Литература

1. Взяткам – нет! О выявлении взяточников и взяткодателей в 2019 году // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fssp.gov.ru/vzjatkam_-_net
2. Ковалева, К.В. Проблемные вопросы противодействия коррупции в деятельности Федеральной Службы Судебных Приставов Российской Федерации / К.В. Ковалева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 5.1 (139.1). – с. 26–29. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/139/39321/>
3. Мурзабулатов У.М. Концептуальные проблемы в законодательстве об исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-probely-v-zakonodatelstve-ob-ispolnitelnom-proizvodstve/viewer>
4. Литовка А.Б. Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе России // Власть и управление на Востоке России. – 2017. – № 4. – с. 209–215.
5. Чистота по американски // РБК ежедневная деловая газета. – 21 апреля 2015. – № 70.
6. Моисеев В.В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3 – с. 175–179.
7. На что влиял полковник ФСБ Черкалин: 12 млрд – это крохи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2019/05/20/081/>
8. «Приятный человек с налетом гламура» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/10/03/cherkalin/>
9. Противодействие коррупции // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litinstitut.ru/anti-corruption>
10. Сулакшин С.С. Приватизированное государство. Постановка задачи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusrand.ru/forecast/privatizirovannoe-gosudarstvo-postanovka-zadachi>
11. Тимофеева А.А., Голодненко Е.В. Проблемы противодействия коррупции в России: история и современность // Территория новых воз-

THE MAIN DIRECTIONS OF COMBATING CORRUPTION IN THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.

Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents the results of the analysis of corruption offenses committed by employees of the Federal Bailiff Service in 2017–2019. Despite the positive dynamics, their number remains at a fairly high level. The authors investigated the most typical manifestations of corruption in the sphere of activity of employees of the Federal Bailiff Service, such as: official forgery, falsification of reporting data, failure to fulfill their official duties in the framework of initiated enforcement proceedings, etc.

Analysis of the causes of corruption allows us to conclude that in addition to general reasons, the behavior of FSSP employees is influenced by factors due to the specifics of the service. The authors consider the current practice of combating corruption in the FSSP system. In particular we studied the activity of the commissions on observance of requirements to office behaviour and settlement of conflict of interests of Federal civil servants active in the system of bailiffs, the structure and statistics of penalties imposed for non-employees of the requirements for the conduct of state officials.

As priority measures to combat corruption, the authors suggest strengthening control over changes in income, expenses, and property values of employees of the Federal Bailiff Service, and expanding the list of initiators of spending checks. They conclude that a positive effect in controlling the income and expenses of employees should be brought by increasing the role of commissions for compliance with the requirements for official behavior of federal public servants and resolving conflicts of interest, giving them the authority to initiate consideration of cases of non-compliance of income and expenses of employees and their family members. The decisions of the commissions should be binding on the management of the service. As a result of the study, the authors come to the conclusion that force measures should be supplemented by the formation of intolerance to corruption in society.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, anti-corruption, criminal law measures, corruption in the Federal Bailiff Service.

References

1. No bribes! About identification of bribe takers and bribe takers in 2019 // [Electronic resource]. Mode of access: https://fssp.gov.ru/vzjatkam_-_net
2. Kovaleva, K.V. Problematic issues of anti-corruption in the activities of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation / K.V. Kovaleva. – Text: direct // Young scientist. – 2017. – № 5.1 (139.1). – pp. 26–29. – [Electronic resource]. Mode of access: <https://moluch.ru/archive/139/39321/>
3. Murzabulatov U.M. Conceptual gaps in the legislation on enforcement proceedings // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – [Electronic resource]. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-probely-v-zakonodatelstve-ob-ispolnitelnom-proizvodstve/viewer>
4. Litovka A.B. Improving the mechanism for identifying and resolving conflicts of interest in the state and municipal service of Russia // Power and management in the East of Russia. – 2017. – No. 4. – p. 209–215.
5. Chistota po amerikanskogo // RBC daily business newspaper. – April 21, 2015. – No. 70.
6. Moiseev V.V. International experience of countering corruption // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2013. – No. 3–pp. 175–179.
7. What influenced Colonel of the FSB Cherkalin: 12 billion is crumbs // [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fontanka.ru/2019/05/20/081/>
8. “A pleasant man with a touch of glamour” // [Electronic resource]. Mode of access: <https://lenta.ru/articles/2019/10/03/cherkalin/>
9. Anti-corruption measures // [Electronic resource]. Mode of access: <http://litinstitut.ru/anti-corruption>
10. Sulakshin S.S. Privatized state. Statement of the problem // [Electronic resource]. Mode of access: <http://rusrand.ru/forecast/privatizirovannoe-gosudarstvo-postanovka-zadachi>
11. Timofeeva A. A., Golodnenko E.V. Problems of countering corruption in Russia: history and modernity // Territory of new opportunities. Bulletin of VSUES. – 2018. – No. 3. – pp. 171–177.

Штраф как вид наказания в монгольском праве

Дугарова Евгения Жэмбеевна,

преподаватель кафедры теории и истории права
и государства Бурятского государственного университета
имени Доржи Банзарова
E-mail: dugarova_s@mail.ru

Статья посвящена изучению имущественного наказания в Монголии на рубеже XIX–XX вв. – ёс, штрафа в размере 9 голов скота. Предпринята попытка путем сравнительного анализа норм известных памятников монгольского права периода маньчжурского господства определить место и роль ёс в системе наказаний Монголии в новых социально-экономических и политических условиях.

Ёс как традиционный вид имущественного наказания кочевого общества получает законодательную регламентацию, сохраняя свое значение в карательной системе. С развитием торговых межгосударственных отношений, в силу отсутствия национальной валюты, маньчжурами вводится новый вид штрафа – шар цай.

Сделан вывод о том, что в исследуемый период усложнение системы уголовных наказаний было обусловлено изменениями в общественном и государственном строе кочевого общества, связанными с господством маньчжурского государства, функционированием международного торгового чайного пути, пролежавшего на значительной части территории Монголии.

Ключевые слова: штраф, ёс, Монголия, система наказаний, шар цай, Улан Хацарт.

В карательной системе Монголии традиционно важное место занимали имущественные наказания – штрафы в размере определенного количества скота, что определялось основой экономической системы кочевников – скотоводческим хозяйством. За единицу имущественного штрафа скотом принимали девятку – ёс (девять голов скота), известный в монгольском праве с начала XVII в., и до начала XX в. он являлся основным видом наказания [Дугарова С.Ж., 2016, 224].

В памятниках монгольского права XVII–XIX вв. – «Уложение Алтан хана», «Халха Джирум», «Их Цааз 1640 г.», «Монголын цаазын бичиг» – отражен штраф в размере «девятки».

Законодательные акты подробно регламентировали порядок назначения штрафа, при этом девять голов скота в каждом случае определяли по-разному.

Так, в «Уложении Алтан хана» штраф назначен следующим образом: 2 лошади, 2 коровы, 5 голов овец и коз. Штраф в размере пяти голов скота: корова, лошадь, 3 барана [Бира Ш., 1977, 126]. Согласно нормам «Монгол цаазын бичиг», предусматривалось изъятие у виновного лица 2 лошадей, 2 волов, 2 коров, 2 трехгодовалых быков, двух телят. Штраф в размере пяти голов скота включал 1 корову, 1 вола, 1 трехгодовалого быка, 2 телят [Монгол цаазын бичиг, 2004, 24].

В «Халха Джирум» не уточнялось поголовье девятки, лишь указывали возраст и категорию скота: бод, мал (крупный рогатый скот, малый рогатый скот). В некоторых случаях 5 голов малого рогатого скота заменяли крупным рогатым скотом, в том же количестве поголовья. В «Монгол цааз бичиг», «Халха Джирум» одинаково определялись виды и размеры поголовья скота: 7, 5, 3. Например, в «Монгол цааз бичиг» штраф в размере пяти видов скота определяли следующим образом: 1 вол, 1 корова, 1 трехгодовалый бык, 2 головы телят. В «Халха Джирум» представлен в следующем соотношении: 2 головы крупного рогатого скота, 3 барана. Штраф в размере трех голов скота включал 1 голову крупного рогатого скота, 2 баранов [Халха Джирум, 1989, 48].

В маньчжурском законодательном акте «Зарлигаар тогтоосон хууль зүйл бичиг» штраф в размере семи голов скота определялся в отличие от «Монгол цаазын бичиг», «Халха Джирум» следующим образом: 1 лошадь, 1 вол, 1 корова, 2 трехлетних быка, 2 телят [Баярсайхан Б., 2010, 23].

В «Улан Хацарт» – сборнике судебных решений Монголии нач. XIX – нач. XX в. – закреплён имущественный штраф ёс в размере девяти голов скота в качестве основного вида наказания. Например, штраф в размере 1 девятка и сверх того 1 верблюду; штраф в размере 3 девятки, 4 девятки.

При этом штраф ёс (девятка) определялся без уточнения видов скота, например, штраф в размере 1 девятка + 1 верблюд, 1 девятка, 3 девятки, 4 девятки, 2 девятки, 5 девятки. В большинстве случаев ёс (девятка) на рубеже XVII–XVIII вв. назначался вместе с понятием «анз». В определениях постановления суда о наложении штрафа «ёс» приводится и понятие «анз».

В XIX в. размер «девятки» был значительно увеличен, при этом существовала единообразная регламентация для утверждения упрощённого порядка наложения штрафа. Так, изменилась формулировка судебного определения о взыскании штрафа: 1 девятка скота, 2 девятка, 3 девятка. Наказание в форме ёс (девятка) в рассматриваемый период чаще назначалось при совершении преступления, редко в случаях имущественного спора. Об этом свидетельствовало увеличение размера штрафа в виде определённого количества поголовья скота.

В случае несостоятельности виновного лица, приговорённого к штрафу в виде поголовья скота, имущественное наказание заменялось битьём кнутом. В «Монгол цаазын бичиг» отражены основания для замены штрафа телесным наказанием: если не хватало 1 головы скота – 25 ударов, 2 голов – 50 ударов, 3 – 75, свыше 4 – от 100 и более ударов [Баярсайхан Б., 2010, 12].

В период маньчжурского господства в Монголии устанавливается юридическая ответственность должностных лиц. Система наказаний за должностные преступления предусматривала лишение титулов, чинов, званий, сокращение размера жалования, в качестве дополнительного наказания штраф – ёс.

За ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, безответственное отношение к работе либо за совершение правонарушения следовало имущественное наказание – штраф в размере определённого количества поголовья скота, который мог быть заменён шар цай вместе с лишением занимаемой должности. Строгость наказания свидетельствует о высоких требованиях к государственным служащим, о строгом соблюдении законов. Государственные церковные служащие несли ответственность независимо от занимаемой должности. Степень и мера наказания определялась в соответствии с тяжестью совершенного правонарушения. Например, в десятом месяце 1841 года телохранитель Цырендорж наказан за подмену мяса павшего из-за увечья верблюда на двух годовалых телят штрафом в размере пяти девятки [Баярсайхан Б., 2010, 81].

В 12 месяце 1841 г. наложен штраф на ламу Галдана за небрежность, что повлекло за собой пожар в молельном доме дацана, в размере одного большого стегна мяса крупного рогатого скота.

Штраф в размере девятка мог быть наложен вместе с лишением занимаемой должности либо без.

7 месяца 1899 г. передвинувшего чашу с подношениями в шатре дацана Гунгаадэжд во время пребывания Богдо гэгэна наказан соебгу Жамбала штрафом в размере пяти голов скота без лишения должности.

В год правления Бадаргуулта 1900 белого месяца заурхайч гэлэн лама Дугаржав наказан за ошибочное определение дня для молебнов хувраков дацана Богдо гэгэна штрафом в размере 3 голов скота без лишения занимаемой должности.

Девятого месяца 1900 г. лама Зундуй наказан штрафом в размере 1 девятка с сохранением должности за несвоевременное информирование о заболевании оспой Эрдэнэ номун хана.

Приведённые примеры постановлений из «Улан Хацарт» показывают, что штраф с сохранением должности предусматривался в случаях допущения ошибок при исполнении обязанностей из-за большого объёма работы.

Кроме штрафа скотом в «Улан Хацарт» предусматривались другие виды наказаний: например, штраф «шар цай». Эквивалентом денежной единицы у монголов в начале XX в. был шар цай – чай, завозимый из других стран в Монголию. В отличие от мясной продукции, которой ранее облагали виновного, он имел больший срок хранения и годности. Чай как эквивалент денежной единицы мог отличаться качеством, размером фасования. Цена чая на рынке определялась спросом и предложением, стоимость чая различалась в разных районах, разным был и вес чая (обычно имел фасовку по 27, 36, 39, 45 штук). Чай 27 расфасовки был равен 4,5 фунта [Монголын төр, эрх зүйн түүх, 2005, 76].

В 1913 г. ста рублям России равнялась целая плитка чая. Монгольский учёный М. Санждорж отмечал, что в 1807 г. задолженность лам местности Хурээ составляла 25 млн шар цай (150–200 шар цай были равноценны 1 лану), или 160 тысяч ланов [Санждорж М., 2006, с. 104–105]. В 1817 г. маньчжуры при установлении цен на товары в торговой среде на территории Их Хурээ взяли за эквивалент шар цай. Так, жирная баранина соотносилась с 5 пачками чая, нежирное мясо с костями – 3 пачками чая, мякоть без костей – 4 пачками чая, 0,6 кг хорошей ячменной муки равнялась 3 пачкам чая, большой котел ячменя – 35 пачкам чая.

В «Улан хацарт» при назначении наказания наряду с понятием «ял» широко применяются категории «зэрэглэн», «анз». Например, судебное решение, закреплённое в «Улан Хацарт» от второго месяца 1822 г., гласит: «наказать оскорбившего супругу хошунного тайджи Иши Дулму Дондока в размере одного девятка (анз нэгэн есон ял)» [Баярсайхан Б., 2006, 27].

Пятого месяца 1847 г. ламу Даши, развалившего дело, решённое на подведомственной территории, наказан штрафом в размере 1 девятка (анз нэгэн есон ял). В приведённых примерах из постановлений «Улан Хацарт» понятие «ял торгожээ» определяется как уголовное правонарушение.

В монгольских законодательных актах содержание понятия «анз» не ясно, между тем в «Улан Хацарт» анз встречается в 273 судебных постановлениях. Анз назначали за следующие преступления: легкое телесное повреждение, злоупотребление должностными полномочиями, нарушение порядка богослужения, церковную кражу. Исходя из этого можно заключить, что термин анз определялся как легкий вид наказания. Понятия «зэрэглэн», «шар цай», закрепленные в постановлениях «Улан Хацарт», не упоминаются в памятниках права Монголии. В редакциях «Улан Хацарт» понятия «зэрэглэн», «шар цай» встречаются в формулировках судебных постановлений об установлении штрафа: «зэрэглэн гурван есон ял нь 10260 шар цай», «анз таван ял нь 680 шар цай», что означало установление соотношения наказаний для замены имущественного штрафа в виде девятка определенным количеством шар цай. Например, 3 девятка ял соотносились с 10260 шар цай. Таким образом, «зэрэглэн» – это возможность замены наказания другим равным по тяжести видом наказания. Понятие «зэрэглэн» использовалось при назначении дополнительного наказания. Например, кладовщика Доржо, присвоившего мясо, предназначенное для передачи в дацан Амарбаясгалан, наказали путем лишения должности и назначения штрафа в размере 2 девятки [Монголын төр, эрх зүйн түүх, 2006, 76]. В приведенном примере лишение должности следует определить как основное наказание, а штраф 2 девятка как дополнительное, которое могло быть заменено 6840 шар цай.

Таким образом, карательная политика в рассматриваемый период имела цель – неотвратимость наказания за совершенное правонарушение. В качестве основного наказания назначался штраф скотом – ёс.

Содержание штрафа стало определяться шире, размер девятка был увеличен. Штраф скотом дополняется новым видом имущественного наказания – шар цай. Изменение системы штрафов, выразившееся в ведении ранее не известного в кочевом государстве вида штрафа – шар цай, обуславливалось участием Монголии в международном торговом чайном пути.

Литература

1. Алтан ханы цааз / Ш. Бира // Вопросы истории, культуры и историографии МНР. Улан-Батор, 1977. С. 126.

2. Дугарова С.Ж. Историография монгольского государства права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016. С. 224.
3. Монгол цаазын бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. – Улан-Батор, 2004. С. 24.
4. Монголын шүүн таслах ажиллагааны түүхэн сурвалж бичигт хийсэн шинжлэлгээ (Улаан Хацарт) / Б. Баярсайхан Улан-Батор, 2010. С. 81.
5. Монголын төр, эрх зүйн түүх (Дээж бичиг) / Б. Баярсайхан. Кн. 3. Улан-Батор, 2006. С. 27.
6. Монголын төр, эрх зүйн түүх (Дээж бичиг). Кн. 3. Улан-Батор, 2006. С. 76.
7. Санждорж М. Монгол төрийн түүхээс. Кн. 1. Улан-Батор, 2006. С. 104–105.
8. Халха Журам. Хух Хот, 1989. С. 48.

FINE AS A PUNISHMENT IN MONGOLIAN LAW

Dugarova E. Zh.

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

The focus of the article is to study material punishment in Mongolia at the turn of the 19th-20th centuries called yos, a fine of nine head of cattle. By comparative analysis of legal norms presented in the known monuments of Mongolian law of Manchu domination period, we attempt to define the place and role of yos in the punishment system of Mongolia under new socio-economic and political conditions. Yos, as a traditional type of material punishment in the nomadic society, received statutory regulation, while retaining its significance in the punitive system. With the development of interstate trade relations, due to the lack of a national currency, the Manchus introduced a new type of fine – shar tsai.

In conclusion, the increasing complexity of the criminal punishment system in the given period was caused by changes in the social and state system of the nomadic society attributable both to Manchu domination and the functioning of the international tea trade route, which went through the significant part of the Mongolian territory.

Keywords: fine, yos, Mongolia, punishment system, shar tsai, Ulan Khatsart.

References

1. Altan hany caaz. Bira SH. Voprosy istorii, kul'tury i istoriografii MNR. Ulan-Bator, 1977. S.126.
2. Dugarova S. ZH. Istoriografiya mongol'skogo gosudarstva prava (XIII – nachalo XIX vv.). Ulan-Ude, 2016. S. 224.
3. Mongol caazyn bichig. (Ekh bichgijn sudalgaa). Tergyyin devter. – Ulan-Bator, 2004. S. 24.
4. Mongolyn shyyin taslah azhillagaany tyyhen survalzh bichigt hijsen shinzhelgee (Ulaan Hacart). Bayarsajhan B. Ulan-Bator, 2010. S. 81.
5. Mongolyn ter, erh zyjn tyyh. (Deezh bichig). Kn. III. Bayarsajhan B. Ulan-Bator, 2006. S. 27.
6. Mongolyn ter, erh zyjn tyyh. (Deezh bichig). Kn. III. Ulan-Bator, 2006. S. 76.
7. Sanzhdorzh M. Mongol terijn tyyhees. Kn.I. Ulan-Bator, 2006. S. 104–105.
8. Halha ZHuram. Huh Hot, 1989. S. 48.

Личностные особенности преступника с позиции гуманструктурологии

G. Ammon

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16, УФСИН России по Мурманской области

E-mail: krist56@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и административного права Мурманского государственного арктического университета

E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: tvp1986@yandex.ru

В представленной публикации авторы исследуют феномен личности преступника в контексте сравнительного анализа психологических особенностей законопослушных граждан и преступников. Исследование проводится с позиции теории личности – гуманструктурологии G. Ammon. Конкретными объектами выступают, как законопослушные граждане, так и группа осужденных лиц за преступления против личности, собственности, в сфере половой свободы и половой неприкосновенности личности, за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ. Предметом исследования является структура гуман-функций, ее количественная и качественная представленность. Авторы также рассматривают криминологический феномен «личность преступника» с указанных теоретических позиций – гуманструктурологии G. Ammon. Предложенная система оценочных коэффициентов позволила определить статистически достоверно значимые различия используемых показателей, описывающих наиболее выраженные так и наиболее устойчивые характеристики гуманструктурологии лиц в рассматриваемых группах. Следовательно, прогностически значимое методологическое основание – гуманструктурология G. Ammon может быть использована при изучении личности преступника, в частности, уровня выраженности его криминогенной зараженности и криминальных характеристик.

Ключевые слова: преступление, гуманструктурология, тенденции гуман-функции, личность преступника, криминогенная зараженность, осужденный, преступление, основание личности, личностные особенности

Криминологический феномен личности преступника представляет собой одну из проблемных и спорных позиций в криминологической науке. Констатация приоритета значимости определения перспективы развития, как отдельных индивидов, так и социальных общностей, существенно повышает роль исследований, направленных на понимание механизмов генезиса данного явления.

Управление деятельностью правоприменительных структур по обеспечению комплекса научно обоснованных организационно-практических мероприятий, направленных на противодействие нарастающей делинквентности населения, должно осуществляться путем выявления значимых составляющих и оснований противоправного поведения личности. Поэтому весьма значимыми являются научные исследования, не просто выявляющие личностные структуры лиц, совершивших преступления, но и определяющие генезис их формирования с учетом социальной составляющей.

Следовательно, представляются существенно значимыми сведения о биопсихосоциальных составляющих личности преступника, определяющих влияние устойчиво сформированных патопсихологических образований на делинквентные формы поведения, возникновение криминогенных ситуаций, их индивидуальное восприятие индивидом. Нам представляется, что владение указанной информацией будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в сферах прогнозирования преступности и предупреждения преступлений.

Криминологи, исследуя проблемы преступности – ее причин и условий, а также ее предупреждения, вынуждены признать то, что деяния, квалифицируемые как преступные, являются неотъемлемой частью социальной жизни любой общности с установленной законодательно системой отношений. Современные криминологические исследования обеспечиваются всем комплексом криминологических методик, в том числе, типологией и классификацией. Представление о преступнике, как о маргинальной фигуре со всей его внешней «блатной» атрибутикой и общественным статусом «загнанного волка», сегодня существенно побледнел и постепенно уходит в прошлое. На первый план совершения преступлений выходят иные фигуры – майор милиции Денис Евсюков – обвинен и по приговору суда отбывает пожизненный срок наказания за совершенные 2 убийства и 22 покушения на убийство, Александр Реймер – генерал-полковник внутренней службы, дирек-

тор Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН России) в 2017 году приговорен к 8 годам лишения свободы за хищение почти 3 млрд рублей. «Керченский стрелок» (17.10.2018 г.), стрельба на Лубянке (19.12.2019 г.) и этот список можно продолжить. В спектр преступной деятельности все чаще включаются представители самых высоких уровней политической и экономической жизни государства. Отрицательный социальный резонанс, урон и ущерб государству и обществу от подобного рода преступлений более высок, чем от преступлений, совершаемых рядовыми гражданами.

Таким образом, становится понятно, почему проблема прогностической оценки личности преступника находится в фокусе наук криминального цикла и, как нам представляется, особенно криминологии. Поэтому феномен «**личность преступника**» составляет предмет этой науки. Следовательно, развитие криминологии во многом определяется степенью разработки проблемы личности преступника (генезис, формирование, развитие, становление и т.д.).

Формулируя цели настоящей работы, прежде всего, необходимо согласиться с мнением К.М. Лобзова [1], который акцентировал внимание на том, что в Уголовном Кодексе РФ, представлены задачи, определяющие охрану прав и свобод человека и гражданина, но не личности (ст. 2 УК РФ).

Также федеральный Закон об «Оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ в ст. 1 определяет целью осуществляемой деятельности защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, но не рассматривает в качестве объекта защиты личность [2].

Необходимо отметить, что современное законодательство Российской Федерации, учебники по праву, а также отдельные исследователи иногда отождествляют понятие «личность» с физическим лицом. В современной психологической науке, категория личности определяется как социальное качество, «физического лица» человеческого индивида, который является ее «носителем» [1]. В данном случае правомочно говорить, что личность как базовая ценность современного права [3, с. 275–276] подменяется физическим лицом, как ее носителем. Однако Конституция РФ использует психологическое понятие «личность», подчеркивая значимость и достоинство личности, охрану которых государство обязано охранять (п. 1 ст. 21 Конституции РФ) [4].

Поэтому, с нашей точки зрения, представляется принципиально важным исследовать особенности личности лиц, совершивших преступления, с целью выявления манифестирующих и наиболее устойчивых личностных характеристик, определяющих степень их общественной опасности – **криминогенную зараженность личности** [5, с. 152; 6, с. 223]. Существующие и зарубежные разработки по детализации особенности личности преступника, пытаются связать или предсказать пре-

ступление, рассматривая факторы индивидуальности личности [7, с. 1–4]. Например, S. Glueck и E. Glueck определяют личностные особенности, формирующие основания совершения насильственных действия, как доминирование, протестное реагирование, подозрительность и нарциссизм [8].

Проведенные новейшие криминологические исследования [9], обращаясь к указанной психолого-правовой дефиниции и исследуя личность правонарушителя, констатируют тот факт, что еще до совершения преступления индивид обладает личностными особенностями, эти же личностные особенности присущи ему и после совершения преступного деяния. Следовательно, такая личность обладает определенной **криминогенной зараженностью**, которая проявляется вероятной возможностью (или склонностью) к осуществлению противоправных деяний [10, с. 216–226].

Криминологи рассматривают личность преступника, как участника жизни общества, индивида, включенного в социальную группу и обладающего определенными социально-значимыми чертами. В то же время необходимо понимать определенную условность данного термина, т.к. перечень деяний, отнесенных к преступным, постоянно изменяется по воле законодателя [11, с. 11]. Рассмотрение личности преступника в качестве личности человека, совершившего преступление и обладающего определенными психологическими особенностями, приводит нас к необходимости изучения генезиса формирования такой личности и ее особенностей.

Поэтому представленную модель криминологического феномена личности преступника целесообразно дополнить изучением психодинамических особенностей, определяемых групповым воздействием. Динамику интеракций в группе целесообразно рассматривать в качестве суммы жизненного опыта и идентификации. Она является суммой освоенных групповых отношений с рождения до смерти и находится в постоянном динамическом движении. Идентичность и группа обозначают «...принципы человеческой жизни как таковые» [12, с. 174].

Мы считаем целесообразным рассмотрение структуры личности индивида в качестве динамической системы, результирующие характеристики которой являются не только следствием наличия и действия ее составных частей, но и прежде всего, обменных процессов их взаимодействия, происходящих не только внутри системы, но и между системой и окружающей ее средой. Следует также обратить внимание на «динамический, энергетический» аспект, присутствующий в групповых взаимодействиях, что понимается в динамической психиатрии не просто как «...пересекающиеся интеракции, а как групповое динамическое поле» [13, с. 5]. Данная принципиально новая позиция позволяет сместить акцент с рейтингового ранжирования выявленных личностных особенностей на их системное взаимодействие с прицелом

на результирующий показатель, который определяет социальную направленность движения индивида в правовом пространстве.

Практически всеми принятая позиция в современной психологической науке состоит в том, что основным энергоресурсом, обеспечивающим жизнеосуществление человека является **мотив**. В мотиве проявляется осознание потребностей, которые изменяются и обогащаются вместе с изменением и расширением круга объектов, служащих их удовлетворению.

Мы согласны с точкой зрения М.И. Еникеева, который справедливо отметил, что отражаемая в юридической дисциплине односторонность поведенческой реализации человеческой потребности «потребность → мотив → цель → способ → результат» на практике представлена более сложной конфигурацией. Он уверен, что представленную в уголовном законе модель мотивационной стороны преступления необходимо считать весьма условной. Такая модель отражает только отдельные мотивационные факторы, что не дает возможности их комплексного исследования с учетом взаимодействия, поэтому истинная картина мотивационной стороны преступного поведения остается вне нашего поля зрения [14, с. 96].

Изучение понятий – мотив – мотивация – мотивировка требует их сущностного разделения, исходя из тех смыслов, который они отображают. Мотив в своей основе определяется степенью осознанности потребности. Мотивация, как энергетический фактор, представляет собой готовность осуществления деяния. Мотивировка, представляет собой субъективную оценку индивидом осуществляемой активности. При этом указанные составляющие поведенческого акта в сознании могут быть не связаны и не совпадать. Следовательно, в своей активности индивид может быть отчужден от реально побуждающих его потребностей.

На практике правоприменители достаточно редко пытаются определить глубинные реалии противоправных действий, ограничиваясь поверхностной констатацией воспринимаемых феноменов. Поэтому попытки объяснить субъективные причины преступлений, особенно насильственных и сексуальных, носят поверхностный характер и на деле не способствуют решению злободневных проблем предупреждения преступности [15, с. 41]. Обычно мотив приписывается личности, исходя из внешней оценки преступных действий, проведенной на базе информации субъектов, осуществляющих оперативно-следственные мероприятия и привычных формулировок судебной практики.

Мы использовали в качестве теоретико-методологического основания гуманоструктурологический подход к рассмотрению личности G. Ammon [13; 16], который позволил нам исследовать делинквентные проявления индивида через призму онтогенетически ущербно сформированных динамических структур, сформированных вследствие психически травмирующих ранних детских отношений со значимыми опекунами.

Исходными положениями исследования выступали позиции психологии о том, что человеческие поведенческие реакции характеризуются определенным уровнем стереотипности, а упрочившиеся, обобщившиеся способы поведения данной личности составляют ее характерологические качества [14, с. 50]. Теоретические позиции динамической психиатрии (гуманоструктурологии G. Ammon) вероятно позволяют выявить основные проявленные, а также неявно фоновые, но устойчиво сформированные личностные конструкты в их генезисе, исходя из представленных характеристик определенного типа преступного поведения. Следовательно, представляется возможным на основе системного анализа особенной внешней среды, как ситуационной составляющей и комплекса личностных особенностей, способствующих формированию **криминогенной личности**, определить вероятностный потенциал ее преступного жизнеосуществления.

Целесообразно подчеркнуть, что в предлагаемом подходе к рассмотрению личности G. Ammon предложил особое определение понятий «сознательного» и «бессознательного». В применяемом теоретическом подходе сфера бессознательного представлена, как опыт приобретенных отношений и рассматривается шестью центральными Я-функциями, изначально наделенными конструктивным ресурсом – **агрессия**, как осуществляемая активность; **страх**, как способность контейнирования тревоги; **внешнее «Я-отграничение»**, как способность менять конфигурацию личностного пространства сохраняя свое «Я»; **внутреннее «Я-отграничение»**, как возможность распознавания и регуляции осознающего Я и неосознаваемых побуждений; **нарциссизм**, как способность положительного восприятия себя; **сексуальность**, как глубинное обогащающее взаимодействие со значимым другим на физическом, психологическом, социальном и духовном уровнях.

Характер проявления Я-функций определяется приоритетной сформированностью их реализации в межличностных отношениях и может осуществляться через триумвират функционирования Я: **конструктивность, деструктивность, дефицитарность**. Теоретически подробно и практически обосновано положения гуманоструктурологии G. Ammon представлены в трудах Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева [16].

Ранее мы неоднократно обращались к проблеме изучения личности преступника, пытались найти новые инструменты познания указанного феномена. Представленный материал является результатом нашей многолетней научно-исследовательской и практической деятельности, отраженном, в частности, на международном уровне [17; 18].

В процессе исследования мы использовали версию ISTA – Я-структурного теста G. Ammon, которая представляет собой базовый вариант, ре-

комендованный к применению, и дополнен психодиагностическими показателями, включающими в себя анализ блоков шкал 5 уровней:

Первый уровень организован:

- 18 базовыми шкалами, сгруппированными в 6 отдельных блоков, обеспечивающих диагностику основных гуман-функций личности обследуемого (**A, C, Q, Q*, N, Se**) в их качественной (конструктивность, деструктивность, дефицитарность) и количественной (исчисленные значения) проявленности.

Второй уровень психодиагностической системы представлен:

– суммой значений от конструктивных, деструктивных и дефицитарных шкал всех шести вышеуказанных гуман-функций с результирующими суммарными производными – общей конструктивности (**Co**), общей деструктивности (**De**), общей дефицитарности (**Df**) Я-структуры личности испытуемого.

Соответственно:

$$Co = \sum K1; De = \sum K2; Df = \sum K3;$$

где **K** – средние значения конструктивных, деструктивных и дефицитарных шкал всех шести вышеуказанных гуман-функций.

Третий уровень системы представлен:

AdP – адаптационный потенциал, характеристика, связанная с адаптационным ресурсом личности, в реализации значимого потребно-ценностного потенциала. Определяется, как: **AdP = Co – De**

PAc – потенциал психической активности, показатель, определяющий величину имеющегося потенциала психической активности, позволяющий оценить способность к реализации значимой потребности. Определяется, как: **PAc = Co – Df**.

Уровень психопатологизации (N↑) определяется по числу деструктивных и дефицитарных шкал, превышающих заданную норму [16, с. 287; 19, с. 44–137], согласно проведенным исследованиям.

Четвертый уровень представлен:

Тенденция гуман-функций (Tdgfk) [5, с. 149; 6, с. 223], как шесть показателей, которые характеризуют направленность тенденций соответствующих гуман-функций. Определяются по формуле:

$$TdgfkG = K1 / K2 + K3;$$

где **K1** – конструктивная составляющая соответствующей гуман-функции;

K2 – деструктивная составляющая соответствующей гуман-функции;

K3 – дефицитарная составляющая соответствующей гуман-функции.

$$G = A, C, Q, Q*, N, Se.$$

При тенденции гуман-функций больше 1, психическая организация определяется конструктивной составляющей, если меньше 1, то преобладают особенности деструктивной и дефицитарной составляющих.

Пятый уровень системы описывается двумя интегральными показателями «Я-идентичности»:

Re – ресурс психического здоровья, позволяющий количественно соотнести показатели второго уровня (**Co, De, Df**), определяющие гуманструктуру личности в процессе самореализации. Определяется по формуле: **Re = Co – (De + Df)**;

Kny – коэффициент правовой устойчивости, определяющий динамическое соотношение как результирующее проявление показатели второго уровня (**Co, De, Df**), что дает возможность определить направление движения личности в социальном пространстве. Определяется по формуле: **Kny = Co \ (De + Df)**

Проведенные нами исследования [6, с. 34–38] позволили ввести следующие дополнительные коэффициенты.

1. Коэффициент уровня приоритета (УП_N) тенденций гуман-функций, а также его суммарного уровня **УПΣ** – коэффициент уровня приоритета, позволяющий оценить рассогласование тенденций гуман-функций относительно баланса конструктивность/деструктивность, дефицитарность. На основе **УП_N** представляется возможным определить манифестные гуман-функции, как смысловые составляющие в осуществляемой индивидом жизнедеятельности.

Определяется по формуле:

$$УП_N = ITdgfkN - 1I;$$

где **N = A, C, Q, Q*, N, Se**.

2. Коэффициент проявленности деструктивно-дефицитарной составляющей как обобщенного (**K_{PR}Σ**), так и для каждой гуман-функции отдельно (**K_{PR}N**) – позволяет с вероятностной позиции перспективно определить проявления индивида в личностно значимой ситуации при отсутствии опыта конструктивной реализации.

Вычисляется по формуле:

$$K_{PR}^{ds/df} \Sigma = De / Df; \text{ где: } N = A, C, Q, Q*, N, Se;$$

$$K_{PR}^{ds/df} N = N_2 / N_3 \text{ где: } N_2 = A2, C2, Q2, Q*2, N2, Se2;$$

$$N_3 = A3, C3, Q3, Q*3, N3, Se3.$$

3. Показатель устойчивости проявления гуман-функции (**σ**), как определение наиболее устойчивого уровня гуманструктурологического проявления (**[σ_{co, de, df}]**) группы, индивида – сравнительный анализ среднеквадратичного отклонения, как по отдельным функциям, так и по уровням функциональной проявленности, что позволяет определить наиболее устойчивые констелляции гуман-функций.

Снижение среднеквадратического отклонения характеризует надежность среднего значения признака **N (A, C, Q, Q*, N, Se)**, соответственно, чем ниже значение, тем лучше средняя представляет исследуемую совокупность;

Определяется по следующей формуле:

$$[\sigma_{(co, de, df)}] = \sum \sigma_{(co, de, df)} N/6;$$

где **σ_(co, de, df)** – среднеквадратическое отклонение конструктивной, деструктивной и дефицитарной составляющих гуман-функции **N**;

N – гуман-функции **A, C, Q, Q*, N, Se**.

4. Коэффициент расхождения (K^{RS}) по различным основаниям – позволяет определить степень расхождения значений избранного основания у осужденных и аналогичного показателя группы законопослушных граждан.

Определяется по формуле:

$$K^{RS}[O](N, \Sigma) = \left| K_{PR}[O]N_{ЗКН} - K_{PR}[O]N_{ДВА} \right|;$$

где $[O]$ – рассматриваемое основание по группам. $N=A, C, Q, Q^*, N, Se$;

$K_{PR}[O]N$ – числовое значение рассматриваемого основания величины выраженности по рассматриваемой группе;

$K_{PR}[O]\Sigma$ – суммарное значение рассматриваемого основания величины выраженности по рассматриваемой группе.

Исходя из полученной в ходе проведенных исследований степени выраженности и особенностей **степени криминогенной зараженности** [6, с. 50–64] у лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления, проводим анализ, описывающий динамическую составляющую криминогенно значимых личностных особенностей преступников. Анализ гуман-структуры в индивидуальной и в групповой форме, описывающий личностные особенности осужденных лиц имеют следующий вид:

1. – обобщенные оценочные характеристики:
 - потенциала психической активности (**PAc**)
 - уровень адаптационного потенциала (**AdP**)
 - ресурс психического здоровья (**Re**);
 - коэффициент правовой устойчивости (**Kпу**);
 - уровень выраженности психопатологизации (**N↑**).
2. – добавочные коэффициенты:
 - коэффициент уровня приоритета (**УП_N**);
 - коэффициент проявленности деструктивно-дефицитарной составляющей (**K_{PR}N, K_{PR}Σ**);
 - показатель устойчивости проявления гуман-функции (σ), ($\sigma_{co, de, df}$);
 - коэффициент расхождения по рассматриваемым основаниям – **K^{RS}[O] (N, Σ)**

Границы применения методики в возрастном плане – от 16 до 65 лет. Препятствием также выступают: снижение способности к восприятию смысла утверждений, присутствие выраженных рентных установок.

Исходя из исчисленных значений характеристик гуман-функций и предлагаемых коэффициентов, соответствующих особенностям жизнеосуществления обследуемых, представляется допустимым перейти от констатаций в оценке личности преступника к их вероятностно возможному поведенческому прогнозу.

На основании данных, полученных при рестандартизации опросника и результатам обследования группы осужденных колонии особого режима, включающей 300 осужденных к различным срокам наказания, нами проведен сравнительный анализ средних «сырых» оценок по всем 24 шкалам. Сравнительный анализ представленных групп проведен в сокращенном варианте (табл. 1).

Таблица 1. Числовые значения средних «сырых» оценок тенденций гуманфакторов, показателей 3 и 5 уровней шкал ISTA законопослушных граждан и лиц, осужденных за совершение преступлений

Gf/ Гр. Gf/Gr.	Ср. зн. / «осужд.» Wed. Zn./ «crim.»	σ	Ср. зн. / «ЗКН.» Wed. Zn./ «abiding»	σ	Td. gfk «осу- жд.» Td. gfk «crim.»	Td. gfk «ЗКН.» Td. gfk «abiding»
A1	8,19	2,69	9,56	2,22	0,88	1,17
A2	4,6	2,52	4,29	3,0		
A3	4,66	2,22	3,89	2,06		
C1	7,18	2,59	8,28	2,21	0,92	1,51
C2	3,25	2,31	1,62	1,98		
C3	4,5	2,06	3,87	2,20		
Q1	7,45	2,24	8,59	2,23	0,76	1,11
Q2	5,0	2,14	4,16	1,65		
Q3	4,8	2,56	3,54	2,23		
Q*1	8,29	2,66	9,83	2,06	0,89	1,15
Q*2	3,85	2,30	3,72	1,65		
Q*3	5,39	2,52	4,77	2,49		
N1	7,8	2,73	8,86	2,08	1,04	1,48
N2	3,7	2,20	3,47	1,98		
N3	3,78	2,49	2,48	2,03		
Se1	6,84	3,37	8,53	2,86	1,13	1,16
Se2	3,73	2,49	4,33	2,58		
Se3	2,33	1,9	2,97	2,14		
Co	43,12	–	53,67	–	Kпу =0,87	Kпу =1,24
De	24,13	–	21,59	–		
Df	25,46	–	21,52	–		
AdP	18,99	–	32,08	–	N↑=2,75	
PAc	17,66	–	32,15	–		
Re	–6,47	–	+10,50	–		

Исходя из результатов проведенного исследования (см. табл. 1) и основываясь на полученных результатах у лиц исследуемых групп (Ср зн./зкн.) и лиц, совершивших преступления (Ср зн./осужд.) (выделено полужирным шрифтом) уровней выраженности по шкалам гуман-функций – деструктивного страха (**C2**), конструктивной агрессии (**A1**), внешнего конструктивного ограничения (**Q1**), дефицитарного нарциссизма (**N3**) и конструктивной сексуальности (**Se1**), выявлены расхождения потенциала адаптивности (**AdP**), способности проявлять активность (**PAc**) и потенциала здоровья психической организации личности (**Re**) применительно к степени криминализации личности в рассматриваемых группах, что выступает маркерами криминальной принадлежности.

Основываясь на U – критерии Манна-Уитни [20, 49–55] различия между двумя независимыми выборками (Td gfk «зкн.», Td gfk «осужд.») были определены эмпирическое значение $U_{эмп.} = 1$, и $U_{кр.} = 6$.

При $U_{\text{эмп.}} < U_{\text{кр.}}$, допустимо утверждение, что **различия** между рассматриваемыми признаками (Td_{gfk} «зн.», Td_{gfk} «осужд.») **статистически достоверны** с достоверностью $\geq 99\%$, то есть являются не случайными.

Наиболее показательно различия в рассматриваемых группах лиц («Ср зн./зн.», «Ср зн./осужд.»), представлено сравнением тенденций гуман-функций (Td_{gfk}). Рассматривая значения тенденций гуман-функций группы «Ср зн./зн.» А, С, Q, Q*, N, Se и интегрального показателя $K_{\text{пу}}$, которые > 1 , можно утверждать, что их способ самореализации основан на конструктивной составляющей. Для группы лиц, осужденных «Ср зн./осужд.», по аналогичным показателям > 1 , только Se и N, значения остальных рассматриваемых показателей < 1 , т.е. их осуществляемая жизнедеятельность проявляется на деструктивной и дефицитарной основаниях.

В сравнительной оценке более выражено отклонение от баланса конструктивности/деструктивности-дефицитарность имеет Td_{gfk} (Q) – внешнего ограничения, как возможность определения индивидом – внешнего и внутреннего, желаемого и актуально возможного, своего и другого, принимаемого и отвергаемого, проявляемого и скрывающегося. Данное расхождение в смысловом отношении соответствует исследуемой тематике – преступление всегда совершается на границе **индивид/среда**.

Использование предложенного теоретического подхода, – гуманструктурологии G. Ammon, – требует введения понятийного аппарата, описывающего не только и не столько личностные особенности индивида, но его качественное проявление в поле социальной среды.

Опыт проявления генезиса в развитии личности адекватно и ясно описан в положениях теории диссипативных структур И. Пригожина [21]. В рамках данного подхода индивид в своем развитии рассматривается как неравновесная (диссипативная) структура, характеризующаяся следующими свойствами – неустойчивость, вероятностный отбор состояний, автономность, независимость собственной эволюции системы от начальных условий ее возникновения.

Рассматривается человеческая психика, как сложная многоуровневая структура, которая может проявлять себя в своем развитии потенциально разными направлениями самоосуществления. Направление развития корректируется в критических точках – **точках бифуркации**, в которых происходит ее неравновесное колебание до момента своего дальнейшего движения. В стабильном варианте система характеризуется константно неизменным направлением своей реализации даже при сильном внешнем воздействии. Однако в точке бифуркации принципиальное изменение направления движения всей системы возможно при минимально приложенном усилии.

Индивид, в рамках своей самооценки, может отрицать криминальный сценарий реализации себя,

пока находится в устойчиво стабильном способе удовлетворения значимых потребностей и, следовательно, будет оставаться в рамках общепринятого законопослушного поведения. Однако в случае неустойчивости бытийной перспективы (точка бифуркации) лица, с тенденциями гуман-функций < 1 , в большей степени **делинквентны** чем лица, чья тенденция гуман-функций > 1 .

Исходя из характеристик полученного значения интегрального показателя $K_{\text{пу}}$ (см. табл. 1) для лиц законопослушной группы, как заданной нормы [13, 287], в сравнении, как индивидуального, так и группового вариантов, можно допустить вероятностные условия противоправного и законопослушного поведения – $1,24 < K_{\text{пу}} \leq 1,24$.

Определение ведущих динамических личностных структур, способствующих проявлению стереотипных форм поведения, возможно с помощью коэффициента уровня приоритета ($U_{\text{П}}$). Данный показатель показывает степень превышения/снижения тенденций гуман-функций относительно 1, как баланса конструктивности – деструктивности/дефицитарность.

Результаты полученных данных на основании тенденций гуман-функций сведены в таблицу (см. табл. 2), где $\uparrow \downarrow$ – соответственно, превышение / понижение от уровня 1.

Таблица 2. Числовые значения коэффициента уровня приоритета законопослушных граждан и лиц, осужденных за совершение преступлений

Кф.гп./Gf Cft.gr./ Gf	A	C	Q	Q*	N	Se
УП _{осужд.} PL _{crim.}	↓0,12	↓0,08	↓0,26	↓0,11	↑0,04	↑0,13
УП _{зн.} PL _{abiding}	↑0,17	↑0,51	↑0,11	↑0,15	↑0,48	↑0,16

В полученных значениях (см. табл. 2), в группе законопослушных граждан проявляется значимое превышение конструктивной составляющей дипольного образования **С – N** в сочетании с аналогичной направленностью всех остальных составляющих. У группы осужденных манифестируют деструктивно/дефицитарные проявления внешнего ограничения (**Q**) в сочетании < 1 -ориентированными показателями коэффициента уровня приоритета ($U_{\text{П}}$) – агрессии (**A**), страха (**C**), внутреннего ограничения (**Q***).

Соответственно, лица группы «осужд.», характеризуются манифестацией деструктивно/дефицитарного дефекта гуман-функции внешнего ограничения (**Q**), на общем фоне деструктивно/дефицитарного приоритета гуман-функций А, С, Q*. Мы также предложили гипотезу, согласно которой в количественном и смысловом аспектах отличие преступников и законопослушных граждан описывается значением **диполя С(страх) – N(нарциссизм)**.

Определяя наиболее устойчивые констелляции, исходя из значений среднеквадратичного от-

клонения (σ) показателей гуман-функций исследуемых, (см. табл. 1, выделено чертой), в частности, было выявлено, для:

- группа «осужд.» – C3, Se3
- группа «зкн.» – C2, Q2, Q*2, N2.

В группе «осужд.», полученные гуман-функциональные констелляции позволяет выдвинуть утверждение о компенсаторной природе совершаемых преступлений, как неспособности осознать и прожить свои страх/тревожные реакции (C3) и наличии проблем реализации в сфере сексуальности (Se3).

Лица, входящие в состав группы законопослушных граждан («зкн.»), проявляют наиболее устойчивую следуюющую структурную констелляцию деструктивных составляющих гуман-функций – C2, Q2, Q*2, N2. По нашему мнению, правомочно предположение о сформированном стабильном пороговом значения проявления деструктивности для законопослушных граждан. Маркерная устойчивость деструктивного проявления данного гуман-функционального образований группы «зкн» позволяет определить числовые значения (см. табл. 1, Ср. зн./ «зкн.» [C2, Q2, Q*2, N2] + σ) деструктивности в частности – **C2 = 3,6; Q2 = 5,81; Q*2 = 5,17; N2 = 5,56**. Превышение значения данных исчисленных значений деструктивной составляющей гуман-функций у исследуемого лица позволяет прогностически допустить возможность совершения им противоправных действий.

Значение **коэффициента проявленности** деструктивно-дефицитарной составляющих гуман-функций дает возможность определить особенность реагирования в ситуации спонтанности и неопределенности при отсутствии конструктивного опыта. При значении $K_{PR}^{ds/df}(\Sigma, N) > 1$, более вероятно допустить деструктивную форму реализации. В случае $K_{PR}^{ds/df}(\Sigma, N) < 1$, проявляется дефицитарная составляющая. Степень выраженности данного коэффициента представлена в таблице 3.

Таблица 3. Числовые значения коэффициента проявленности деструктивно-дефицитарной составляющих законопослушных граждан и лиц, осужденных за совершение преступлений.

Гр./ $K_{PR}^{ds/df}N$ Gr./ $K_{PR}^{ds/df}N$	Σ	A	C	Q	Q*	N	Se
«осужд.» «Crim.»	0,94	0,98	0,72	1,04	0,71	0,97	1,6
«зкн.» «abiding»	1	1,1	0,41	1,17	0,77	1,39	1,45

Анализ данных (см. табл. 3), суммарного значения ($K_{PR}^{ds/df}\Sigma$) в рассматриваемых группах («зкн.», «осужд.») выявляет наличие дефицитарной составляющей у лиц группы «осужд.». Лица группы «зкн.» характеризуются балансом проявления деструктивно – дефицитарных составляющих гуман-структуры личности. Наиболее выражено различие проявлений значений данного оценочного показателя $K_{PR}^{ds/df}(\Sigma, N)$ в гуман-функциональном

пространствах страха (C) нарциссизма (N) (выделено п/жирно). Это положение подтверждает заявленную гипотезу о влиянии диполя C – N на склонность индивида к делинквентным проявлениям.

Исследуя возможные причины расхождений гуман-структуры в рассматриваемых группах целесообразно определить приоритетность дисбаланса между конструктивной и деструктивно-дефицитарной составляющих гуман-функций исследуемых групп с помощью **коэффициент расхождения (K^{RS})**.

Исходя из значений представленных в табл. 1:

$$K^{RS}_{осужд.1} = |C_{о зкн.} - C_{о осужд.}| = |53,67 - 43,12| = 10,55;$$

$$K^{RS}_{осужд.2} = |D_{е зкн.} - D_{е осужд.}| = |21,59 - 24,13| = 2,54;$$

$$K^{RS}_{осужд.3} = |D_{f зкн.} - D_{f осужд.}| = |21,52 - 25,46| = 3,94.$$

В представленных результатах: $K^{RS}N \rightarrow K^{RS}_{осужд.1} - (10,55)$; $K^{RS}_{осужд.2} - (2,54)$; $K^{RS}_{осужд.3} - (3,94)$ значение коэффициента расхождения в рассматриваемых группах значимо манифестирует на уровне общей конструктивности ($K^{RS}_{осужд.1}$).

На этом основании можно утверждать, что формирование личностных особенностей, допускающих предрасположенность к делинквентному способу жизнеосуществления, является следствием психотравмирующих переживаний индивида в раннедетском периоде своего развития.

Основываясь на изложенном выше, появляется возможность допущения целесообразности рассмотрения представленных исчисленных показателей уровня выраженности личностных различий между осужденными лицами и законопослушными гражданами. Полученные расхождения статистически достоверно характеризуют различия, как в количественном, так и качественном аспектах, с учетом как нормоцентрического, так и патоцентрического подходов.

Прежде всего, личность преступника мы рассмотрели с позиции теории личности – гуман-структурологии G. Ammon. Сравнительная оценка показателей, отображающих личностные особенности их носителей в рассматриваемых группах, обнаруживает наличие статистически достоверных различий. Дополнительно к классическому утверждению базового влияния страх/тревожного компонента (C) в структуре личности преступника представлена значимость гуман-функции внешнего ограничения (Q), как осознаваемое отождествление субъекта себя со своими состояниями, способного психологически соотносить для себя прошлое, настоящее и будущее. Динамический интегральный показатель **K_{пу}** (коэффициент правовой устойчивости), дает возможность описать движение индивида в пространстве законопослушного/отклоняющегося поведения. Выделено к более подробному исследованию, на наш взгляд, базовое определяющее основание в структуре личности законопослушных граждан – C – N диполя (страх/нарциссизм) в исчисленных значениях гуман-функций.

Сравнительный анализ показателя устойчивости проявления гуман-функций, (σ), позволил определить наиболее устойчивые сочетания гуман-функций, формирующий динамическое сочетание, определяющее поведенческий паттерн – для группы «осужд.» это C3, Se3; а для группы «зкн.» – C2, Q2, Q*2, N2. Существенно значимым является то, что для законопослушных граждан, как однородной социальной структуры, обладающей правовым барьером поведенческого проявления, выявлены исчисленные значения порогов деструктивности – C2 = 3,6; Q2 = 5,81; Q*2 = 5,17; N2 = 5,56.

Основываясь на полученных значениях коэффициента расхождения (K^{RS}), можно утверждать, что психотравмирующие переживания раннедетского периода способствуют впоследствии формированию оснований делинквентных форм жизнеосуществления.

Таким образом, гуманструктурологический подход G. Ammon, как инструмент оценки личностных особенностей в представленных оценочных показателях и рассматриваемых уровнях, дает возможность определения причинно-следственных связей и оснований формирования делинквентного способа жизненной реализации индивида.

Литература

1. Лобзов, К. М. «Личность» как субъект и объект правоотношений в законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) / К.М. Лобзов // Юридическая психология. № 2. – М., 2014. С. 3–6.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.08.2019 г.) // Российская газета от 18 августа 1995 г.
3. Еникеев, М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для ВУЗов. 2-е издание / М.И. Еникеев. – М.: НОРМА, 2006. – 640с.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 01.07.2020 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г.
5. Труш, В.М. Сравнительный анализ личностных особенностей законопослушных граждан и преступников с позиций гуманструктурологии Гюнтера Аммона / В.М. Труш, А.В. Румянцев, А.И. Астрелин // Прикладная юридическая психология. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания, 2009. № 4. С. 137–152.
6. Труш, В.М. Методика рассмотрения степени криминогенной зараженности личности преступника с позиций концепции динамической психиатрии Гюнтера Аммона / В.М. Труш // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 5. С. 214–224.
7. Reid J.A. Crime and Personality: Personality Theory and Criminality Examined. Student Pulse Academic Journal. 2011, 3, pp. 1–4

8. Glueck, Sheldon and Eleanor Glueck. (1950). Unraveling Juvenile Delinquency. Cambridge: Harvard University Press.
9. Труш, В.М. Методологические и психологические аспекты исследования криминогенности личности преступника: Монография / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов. – Мурманск: Рекламный центр «Тритон Делюкс», 2016. – 226 с.
10. Лобзов, К.М. Противоречия в трактовке понятия «личность преступника» как субъекта и объекта правоотношений в отечественной криминологии (теоретико-методологический анализ) // К.М. Лобзов // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 216–226.
11. Антонян, Ю.М. Личность преступника. Криминологическо-психологическое исследование: монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 368с.
12. Аммон, Гюнтер. Динамическая психиатрия / Г. Амон. изд. Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1995,– 200с.
13. Я–структурный тест Г. Аммона. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: Пособие для психологов и врачей / Авт. Сост.: Ю.Я. Тупицин, В.В. Бочаров, Т.В. Алмазов и др. – СПб., 1998. – 70с.
14. Еникеев, М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов / М.И. Еникеев. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА – М, 1999. – 517с.
15. Психология и педагогика в профессиональной подготовке сотрудников ОВД. В 5-ти частях. Часть 1 / Под ред. А. Дунаева, А. Батыщева. М., 1992. – 174с.
16. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. – СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. – 438с.
17. Nikolai D. Gomono; Vladimir M. Trush Determination of criminogenic contamination of the personality of convict from the perspective of Gunter Ammon's humanstructurology conception // Genero & Direito. Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e DireitoCentro de Ciências Jurídicas -Universidade Federal da ParaíbaV. 09-Nº 03-Ano 2020–Special Edition ISSN I2179–7137 | p. 212–224. <http://periodicos.ufpb.br/ojs2/index.php/ged/index>
18. Trush V. M., Gomono N.D., Pirogov P.P., Timokhov V.P. Convict's personality's criminogenic contamination based on the human structureology G. Amon standpoint // 19th PCSF 2019 Professional Culture of the Specialist of the Future. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences 2019. Volume LXXIII. P. 664–670/ doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.70> URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/19THPCSF2019F070.pdf>
19. Longato-Stadler E., von Knorring L., Hallman J. Mental and personality disorders as well as personality traits in a Swedish male criminal population. Nord J Psychiatry. 2002, 56, pp. 137–44.

20. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: ООО «Речь», 2000. – 350 с.
21. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986.–432 с.

OFFENDER` PERSONAL CHARACTERISTICS FROM THE POSITION HUMANSTRUCTUREOLOGY G. AMMON

Trush V.M., Gomonov N.D., Timokhov V.P.

Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Murmansk State Arctic University; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In the presented publication the authors investigate the criminal personality's phenomenon in the context of a comparative analysis of law-abiding citizens' and criminals' psychological features. The research is conducted from the personality theory standpoint – humanstructureology G. Ammon. Specific objects are both law-abiding citizens and a group of convicted persons for crimes against the person, property, person's sexual freedom and inviolability, for the illegal production, purchase, storage, transportation, transfer or sale of narcotic drugs or psychotropic substances. The research subject is the humanfunctions structure, its quantitative and qualitative representation. The authors also consider the "criminal's personality" criminological phenomenon from indicated theoretical positions – humanstructureology G. Ammon. The offered estimated coefficients system allowed to determine statistically significant differences of used indicators describing the most expressed and the most stable characteristics of humanstructureology of persons in considered groups. Therefore, the prognostically significant methodological basis is humanstructureology G. Ammon can be used to study the criminal's personality, in particular, level of the expression of his criminogenic infection and criminal characteristics.

Keywords: crime, humanstructureology, tendencies of human function, personality of the criminal, criminogenic infection, convict, crime, basis of personality, personality characteristics.

References

1. Lobzov, K. M. "Personality" as a subject and object of legal relations in the legislation of the Russian Federation (theoretical and methodological analysis) / K.M. Lobzov // Legal psychology. No. 2. – М., 2014. S. 3–6.
2. Federal Law of August 12, 1995 N144-FZ "On Operational-Investigative Activities" (as amended on August 2, 2019) // Rossiyskaya Gazeta of August 18, 1995
3. Enikeev, M.I. Legal psychology. With the basics of general and social psychology: a textbook for universities. 2nd edition / M.I. Enikeev. – М.: NORMA, 2006. – 640с.
4. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended on 01.07.2020) // Russian newspaper of 25 December 1993
5. Trush, V.M. Comparative analysis of the personal characteristics of law-abiding citizens and criminals from the standpoint of human-structuralology of Gunther Ammon / VM Trush, AV Rummyantsev, A.I. Astrelin // Applied legal psychology. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2009. No. 4. S. 137–152.
6. Trush, V.M. Methods of considering the degree of criminogenic infection of a criminal's personality from the standpoint of the concept of dynamic psychiatry by Gunther Ammon / VM Trush // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2011. No. 5. S. 214–224.
7. Reid J.A. Crime and Personality: Personality Theory and Criminality Examined. Student Pulse Academic Journal. 2011, 3, pp. 1–4
8. Glueck, Sheldon and Eleanor Glueck. (1950). Unraveling Juvenile Delinquency. Cambridge: Harvard University Press.
9. Trush, V.M. Methodological and psychological aspects of the study of the criminality of a criminal's personality: Monograph / VM Trush, ND Gomonov. – Murmansk: Advertising center "Triton Deluxe", 2016. – 226 p.
10. Lobzov, K.M. Contradictions in the interpretation of the concept of "personality of a criminal" as a subject and object of legal relations in domestic criminology (theoretical and methodological analysis) // K.M. Lobzov // Criminalist Library. 2013. No. 3 (8). S. 216–226.
11. Antonyan, Yu.M. Personality of the criminal. Criminological and psychological research: monograph / Yu.M. Antonyan, V.E. Eminov. – М.: Norma: INFRA-M, 2013. – 368s.
12. Ammon, Gunther. Dynamic psychiatry / G. Ammon. ed. Psychoneurological Institute. V.M. Bekhtereva, 1995.– 200 p.
13. I am the structural test of G. Ammon. Questionnaire for assessing central personality functions at the structural level: A guide for psychologists and doctors / Ed. Compiled by: Yu. Ya. Tupitsin, V.V. Bocharov, T.V. Almazov and others – SPb., 1998. – 70p.
14. Enikeev, M.I. Legal psychology. Textbook for universities / M.I. Enikeev. – М.: Publishing group NORMA – INFRA – M, 1999. – 517s.
15. Psychology and pedagogy in the professional training of police officers. In 5 parts. Part 1 / Ed.A. Dunaeva, A. Batysheva. _M., 1992. – 174s.
16. Essays on dynamic psychiatry. Transcultural research / ed. M.M. Kabanova, N.G. Neznanova. – SPb.: Institute. V.M. Bekhterev, 2003. – 438p.
17. Nikolai D. Gomonov; Vladimir M. Trush Determination of criminogenic contamination of the personality of convict from the perspective of Gunter Ammon's humanstructureology conception // Genero & Direito. Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e DireitoCentro de Ciências Jurídicas -Universidade Federal da ParaíbaV. 09-Nº 03-Ano 2020 – Special Edition ISSN I2179–7137 | p. 212–224. <http://periodicos.ufpb.br/ojs2/index.php/ged/index>
18. Trush V. M., Gomonov N.D., Pirogov P.P., Timokhov V.P. Convict's personality's criminogenic contamination based on the human structureology G. Amon standpoint // 19th PCSF 2019 Professional Culture of the Specialist of the Future. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences 2019. Volume LXXIII. P. 664–670 / doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.70> URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/19THPCSF2019F070.pdf>
19. Longato-Stadler E., von Knorring L., Hallman J. Mental and personality disorders as well as personality traits in a Swedish male criminal population. Nord J Psychiatry. 2002, 56, pp. 137–44.
20. Sidorenko, E.V. Methods of mathematical processing in psychology / EV Sidorenko. – SPb.: ООО Rech, 2000. – 350 p.
21. Prigozhin, I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature: Per. from English / I. Prigogine, I. Stengers / Common. ed. V.I. Arshinov, Yu.L. Klimontovich and Yu.V. Sachkov. – М.: Progress, 1986. – 432 p.

Профессиональная деформация следователя: новые формы в современной России

Зотов Антон Дмитриевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: zotov.ad@students.dvfu.ru

Краснов Игорь Аркадьевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: krasnov.igor2001@gmail.com

В данной статье рассматривается профессиональная деформация следователя: понятие, предпосылки, формы и последствия. Предпосылки возникновения профессиональной деформации характеризуются авторами с объективной и субъективной стороны, а формы анализируются через призму правового нигилизма, недоверия к подозреваемым и обвиняемым, следствием которого зачастую является нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, осуждение невиновных и, как следствие, увеличение дел в судах апелляционной и кассационной инстанций. Отдельно в статье рассматривается, как форма профессиональной деформации, виктимблейминг – обвинение жертвы. Целью настоящей работы явилось выявление форм и видов деформации следователя, внешнее проявление и анализ последствий последнего. Методологию исследования составили общенаучные методы исследования, в числе которых анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и наблюдение. Результатами исследования явилось выявление новых форм профессиональной деформации следователя, в числе одного из которых виктимблейминг – обвинение жертвы.

Ключевые слова: профессиональная деформация следователя, виктимблейминг, обвинение жертвы, состояние аффекта, аморальное или противоправное деяние, защита прав и свобод человека и гражданина.

Ни для кого не секрет, что тот род деятельности, которым мы занимаемся длительное время или всю жизнь, оказывает огромное влияние на наши характер, модели поведения, жизненные позиции. Та профессия, которой мы посвящаем своё время, прямо влияет на круг наших интересов и окружение. Мы общаемся на общие темы с нашими коллегами, работаем с участниками профессиональной деятельности, тем самым срачивая наши Я-концепцию и профессию. Но при этом существует риск профессиональной деформации личности, интуитивно негативного явления. Однако, что это такое и где грань между профессионализмом и деформацией?

А.М. Багмет отмечает, что профессиональная деформация личности наступает, когда личность утрачивает способность к преодолению профессиональных стереотипов в других социальных ролях и контекстах жизнедеятельности и не перестраивает своё поведение сообразно ситуации [10, Ст. 276]. Этому способствует множество предпосылок:

1. объективных: особенности профессии, у следователя в частности это ненормированный рабочий день, стресс-факторы: дефицит времени, физические и информационные перегрузки, отсутствие ритмичности в работе,
2. субъективных: предрасположенность к развитию общественно-вредных качеств, у следователя выделяют низкий уровень нравственного развития.

Как минимум, это может привести к появлению спешки и торопливости, неаккуратности и расхлябанности, недисциплинированности, волоките в расследовании уголовных дел, грубости, раздражительности. Эти качества приводят к правовому нигилизму следователя: он начинает нарушать уголовно-процессуальные нормы, закон, поступать в соответствии со сложившимися в рамках профессионального опыта представлениями о том «как надо», для него сущее начинает определять должное. Ярким примером профессиональной деформации следователя является недоверие к обвиняемым, особенно актуальной в российских реалиях также и в судебной системе. Такое поведение следователя приводит к необъективности, обвинительному уклону в его деятельности, а в конце концов осуждению невиновных. Подозрительность к подозреваемым – лишь частное общего, одна из форм деформации следователя, что гораздо шире, но на практике нам приходится о ней говорить именно тогда, когда в поведении человека профессиональные стереотипы и предвзвешенность

ки начинают доминировать над характером, о чём также пишет исследователь юридической психологии Г.Г. Шиханцов [11, Ст. 198] и иные авторы.

Особенно опасным представляется, когда следователь склонен обвинять жертву. Обвинение жертвы сегодня мы можем видеть в обращении сотрудников правоохранительных органов (следователей в частности) с потерпевшим, их поведении при общении с ним. Однако такое поведение следователя на практике не преследуется, и мы не имеем сложившейся судебной практики по поводу обвинения жертвы со стороны следователя, поэтому нам стоит обратиться к электронным СМИ, которые берут интервью с теми, кто столкнулся с таким поведением.

Например, на сайте проекта «Такие дела», принадлежащего благотворительному фонду «Нужна помощь», приводится интервью с Мари Давтян, адвокатом, специализирующейся по делам об изнасиловании и домашнем насилии: «Полицейские общаются цинично, унижают... Говорят: «Да ладно вам, зачем вы все это вообще пишете? Подумаешь, ничего же не произошло». Также я очень часто слышу от сотрудников полиции, что изнасилование физически невозможно. «Кто-то не захочет – ничего не будет» – это их постоянная приписка». Она говорит, что в России сложилась практика допрашивать жертву изнасилования как сотрудниками МВД, так и Следственного комитета минимум трижды. По её словам, найти насильника чаще всего не представляет труда, ведь, как правило, это человек, которого потерпевшая знала, однако тут будут работать стереотипы: жертве не поверят, если скажет, что знакомый ей человек её изнасиловал [4].

Аналогично можно сказать и про жертв домашнего насилия. В интервью Филантропу адвокат из Владивостока Елена Соловьёва рассказала о предубеждениях, с которыми приходится сталкиваться при обращении жертвы в правоохранительные органы: «Существуют общественные стереотипы: раз женщины выбрали себе таких партнёров, то это полностью их ответственность. Правоохранительные органы тоже этой точки зрения придерживаются, начинают воспитательные беседы вести, говорить: «А зачем замуж выходили? А зачем детей рожали?» Женщина приходит получить помощь, а получает проповедь, отповедь». Также она говорит о трудности завести уголовное дело жертвам домашнего насилия [6].

Такая практика распространена на территории всей России. Так, психолог из Санкт-Петербургского женского кризисного центра приводит историю женщины, подвергшейся регулярным избиениям со стороны мужа: «За два месяца у неё было три сотрясения мозга... Два – очень тяжёлые. Он просто наматывал её волосы на кулак и бил головой о стену..., и она говорит, что когда пришла в полицию заявление подавать, то следователь – это женщина была – ей говорит: «Что-то с вами не то, значит, раз муж вас бьёт. Меня, например, муж почему-то не бьёт». Даже среди женщин есть

эта уверенность что, если муж бьёт – так или иначе сама виновата» [12]. Это не защита обвиняемого, а обвинение жертвы (в том, что именно она стала пострадавшей в этом преступлении), которой требуется не только юридическая, но и психологическая помощь, а такое поведение со стороны следователя может привести, помимо того, что преступник избежит ответственности, к тому, что пострадавшему будут причинены тяжёлые нравственные страдания (т.н. вторичная виктимизация).

Если подозрительность по отношению к обвиняемому – обвинительный уклон в деятельности следователя, в рамках которого растёт шанс применить меры юридической ответственности к невиновному, то обвинение жертвы (пострадавшего) – не просто уклон в сторону защиты обвиняемого, т.е. направленный на доказывание его невиновности (чего в России нет, если возбудили уголовное дело), а именно уклон в сторону обвинения жертвы. Такое поведение, применимое, как правило, к жертвам изнасилования и домашнего насилия, противоречит целям, задачам, этическим принципам правоохранительной и, в частности, следственной деятельности.

Обвинение жертвы в правоприменении было популярно в США и странах Европейского Союза во 2 половине 20 века, а именно 70-х годах. Тогда активно развивался позитивистский, основанный на обвинении жертвы подход. Он заключался в том, что пострадавшие, за исключением от несчастных случаев, в той или иной степени обладают виктимностью, свойством быть потенциальной жертвой. Такой подход, когда мы не столько признаём действия жертвы за повод совершения преступления, сколько возлагаем вину на неё, оттого оправдываем преступника, реализовался в ряде громких судебных процессов.

Так, Сю Лис приводит решение суда присяжных, оправдавших насильника женщины, которая, когда он к ней начал приставать, сказала ему «нет»; на суде адвокат обвиняемого заявил: «Как могут понять джентльмены-присяжные, когда девушка говорит «нет», она не всегда имеет в виду «нет»». Судья, согласившись с ним, заявил: «Если бы каждый мужчина остановился в первый раз, когда женщина сказала ему «нет», мир стал бы гораздо менее захватывающим местом для жизни». По итогу судебного разбирательства судом присяжных мужчина был оправдан [13, Ст. 416]. Аналогичное судебное решение было и в судебной практике Верховного Суда СССР [1, Ст. 8–9].

Также Гастингс в своём исследовании, посвящённом виктимблеймингу по отношению к жертвам домашнего насилия, пишет об одном судебном разбирательстве. После того, как женщина подала на обед своему мужу рыбу, которую он не любил, он избил её, и женщина была госпитализирована. Судья во время заседания заявил: «Но вы же знали, что ваш муж не любит рыбу» и назначил всего 3 года лишения свободы её мужу, что было крайне лёгким наказанием за такое преступление в 1970-е годы [14, Ст. 76].

В настоящее время практический смысл юридического закрепления этого ведет к частичной легализации действий преступника, следствием которого является экстремальное снижение уголовного ответственности, даже за самые общественно-опасные преступления, например, убийство. Последнее нашло правовую регламентацию в уголовном законодательстве Российской Федерации, где п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ст. 107 УК РФ [8] являются прямым подтверждением этого. Так, в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 64 УК РФ, при назначении уголовного наказания по совершенному преступлению вследствие таких обстоятельств, размер наказания может быть подвержен экстремальному снижению. Также, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УК РФ, обвиняемому в совершении убийства может быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы до трех лет, что в пять раз меньше по обычному составу преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. К такому же мнению о российской правовой регламентации виктимблейминга и частичной легализации действий преступника приходят Присекин А.В и Парин Д.В. [3, Ст. 100].

Однако в США и странах Европы такой подход в виктимологической науке и судебной практике вскоре был заменён феминистским, основанным на защите жертвы. Название, данное нами в рамках этой работы, связано с тем, что его становление пришлось на 1970-ые годы, когда в США феминистические и правозащитные объединения выступили с критикой позитивистского подхода в виктимологии. Предметом исследований виктимологов этого подхода является не виктимность, а состояние жертвы после преступления, её реабилитация.

В Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ подчёркивается, что они должны исходить из того, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности как государственных органов» [5].

Если говорить о цели следователя, его функциях, то прежде, чем их обозначить, необходимо отметить важную черту уголовного процесса России. В рамках него стороны обвинения, защиты и разрешения (правосудия) уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть совмещены [9], но неоднозначно определено положение следователя в этом разделении сторон. Ведь, с одной стороны, следователь выполняет функции государственного обвинителя: он осуществляет предварительное следствие, возбуждает уголовное дело против конкретного человека, обвиняемого, однако с другой стороны, как отмечают учёные, деятельность следователя направлена на всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств дела: как отягчающих, так и облегчающих положение обвиняемого, что не представляется возможным, если мы придаём его деятельности обвинительный характер. На наш взгляд,

следователь не относится к стороне обвинения, он должен в первую очередь не обвинять, а расследовать факт, который расценивается (при возбуждении дела и в ходе расследования) как содержащий признаки преступления. Но следователь обязан расследовать объективно (т.е. не ставя своё расследование в зависимость от занимаемой им стороны), полно и всесторонне, собирая все возможные доказательства: как и против обвиняемого, так и в его защиту. Расследование уголовного дела – его главная цель.

Такая цель требует особых требований к следователю. Эти требования прописаны в уже упомянутом выше Кодексе этики. Он должен быть ответственным за свою деятельность, обладать высоким уровнем правосознания и культуры, высокой работоспособностью, стрессоустойчивостью, уравновешенностью, etc [2]. Также Следственный комитет и другие правоохранительные органы обозначают обязательные для соблюдения служащими принципы взаимодействия с обращающимися к ним гражданами, в частности, уважение человеческого достоинства; защита граждан от правонарушений, беззакония; принципиальность и беспристрастность, сотрудники Следственного комитета должны не допускать, «чтобы на них влияли какие-либо предубеждения, враждебные или дружеские чувства»; им не допускается «избирательный подход в принятии мер процессуального характера к лицам, совершившим противоправные деяния» [7]; воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении государственным служащим должностных обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету Следственного комитета.

Следователь, занимающийся в первую очередь объективным выяснением обстоятельств уголовного дела, расследованием, должен быть беспристрастным в своей работе, особенно при взаимодействии с обратившимися за помощью к нему гражданами. Но огромной преградой при выполнении этой задачи является его многолетний профессиональный опыт, а также множество иных, выше описанных проблем, приводящих к формированию предубеждений и формализму в его профессиональной деятельности.

Следователь не может допустить того, чтобы была возложена частичная ответственность за преступление на жертву, чтобы она была осуждена за «аморальное» поведение, которым «подстрекнула» к совершению преступления, или из-за якобы виктимности потерпевшего или его вклада в виктимизацию был оправдан преступник.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда СССР // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1975. № 3. Ст. 46
2. Борова Д.М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроиз-

водстве // Общество и право. 2009. № 3 (25). Ст. 207–210

3. Присекин А.В., Парин Д.В. Виктимблейминг или роль жертвы в совершении преступления // Юридическая наука. 2020. № 5. Ст. 99–103
4. Никулин П.В. В полиции говорят: «Подумай, ничего же не произошло» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://takiedela.ru/2016/04/znak-ravenstva/> (дата обращения: 02.01.2021)
5. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации: утв. Следственным комитетом Рос. Федерации от 11.04.2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116097/ (дата обращения: 02.01.2021)
6. Фрейман Н.М. Никто не в праве контролировать жизнь другого человека: адвокат о помощи жертвам насилия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://philanthropy.ru/intervyu/2018/03/10/61653/> (дата обращения: 02.01.2021)
7. О вежливом и внимательном отношении сотрудников Следственного комитета Российской Федерации к гражданам: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 7 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112630/ (дата обращения: 02.01.2021)
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.01.2021)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.01.2021)
10. Этика следственной деятельности: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А.М. Багмет. М.: ЮНИТИ-ДАТА. 2018. Ст. 415
11. Юридическая психология / Г.Г. Шиханцов. М.: Проспект. 1998. Ст. 352
12. Горбунова Ю.В. Я могу тебя убить, и никто меня не остановит [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hrw.org/ru/report/2018/10/25/323648> (дата обращения: 02.01.2021)
13. Lees S. Carnal Knowledge: Rape on Trial. University of Hull: Hamish Hamilton. 2012. Ст. 416
14. Hastings B. An Empirical Study of Victim-Blame in Domestic Violence. London: Routledge. 2004. Ст. 116

PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE INVESTIGATOR: NEW FORMS IN RUSSIA

Zotov A.D., Krasnov I.A.
Far Eastern Federal University

This article examines the professional deformation of the investigator: the concept, prerequisites, forms and consequences. Preconditions of occurrence of professional deformation are characterized by the authors with the objective and subjective side, the forms are analyzed through the prism of legal nihilism, distrust of suspects and accused persons, the consequence of which is often a violation of the criminal procedure law, the condemnation of the innocent and, as a consequence, the increase of cases in the courts of appeal and cassation. Separately, the article considers victimblaming as a form of professional deformation – victim blaming. The purpose of this work was to identify the forms and types of deformation of the investigator, the external manifestation and analysis of the consequences of the latter. The research methodology consists of general scientific research methods, including analysis, synthesis, induction, deduction, comparison and observation. The results of the study were the identification of new forms of professional deformation of the investigator, including one of which is victimblaming-the accusation of the victim.

Keywords: professional deformation of the investigator, victimblaming, victim blaming, state of passion, immoral or illegal act, protection of human and civil rights and freedoms.

References

1. Bulletin of the Supreme Court of the USSR // Izvestiya Sovetov deputatov trudovykh SSSR. 1975. No. 3. Art. 46
2. Berova D.M. On the question of the procedural function of the investigator in criminal proceedings // Society and Law. 2009. No. 3 (25). Art. 207–210
3. Prisekin A.V., Parin D.V. Victimblaming or the role of the victim in the commission of a crime. 2020. No. 5. Art. 99–103
4. Nikulin P.V. The police say: “Just think, nothing happened” [Electronic resource] – Access mode: <https://takiedela.ru/2016/04/znak-ravenstva/> (accessed: 02.01.2021)
5. Code of Ethics and Official Conduct of Federal Civil Servants of the Investigative Committee of the Russian Federation: approved by the Russian Federation. The investigative Committee of the ROS. Federation of 11.04.2011 [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116097/ (accessed: 02.01.2021)
6. Freiman N.M. No one has the right to control the life of another person: a lawyer about helping victims of violence [Electronic resource] – Access mode: <https://philanthropy.ru/intervyu/2018/03/10/61653/> (accessed: 02.01.2021)
7. On the polite and attentive attitude of employees of the Investigative Committee of the Russian Federation to citizens: Order of the Investigative Committee of the Russian Federation No. 7 of 15.01.2011 [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112630/ (accessed: 02.01.2021)
8. Criminal Code of the Russian Federation: feder.Law No. 63-FZ of 13.06.1996 [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 02.01.2021)
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: feder.Law No. 174-FZ of 18.12.2001 [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 02.01.2021)
10. Ethics of investigative activity: a textbook for university students studying in the field of training “Jurisprudence” / A.M. Bagmet. M.: UNITY-DATE. 2018. Art. 415
11. Legal psychology / G.G. Shikhantsov. M.: Prospect. 1998. Art. 352
12. Gorbunova Y. V. I can kill you, and no one will stop me [Electronic resource] – Access mode: <https://www.hrw.org/ru/report/2018/10/25/323648> (accessed: 02.01.2021)
13. Lees S. Carnal Knowledge: Rape on Trial. University of Hull: Hamish Hamilton. 2012. Art. 416
14. Hastings B. An Empirical Study of Victim-Blame in Domestic Violence. London: Routledge. 2004. Art. 116

Проблема делимитации воздушного и космического пространства в ее взаимосвязи с юридической квалификацией суборбитальных полетов

Киченина Виктория Сергеевна,

заведующий кафедрой международно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии
E-mail: vskichenina@yandex.ru

Ставцова Алина Олеговна,

студент юридического факультета Санкт-Петербургского
имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной
академии
E-mail: stavtsova.lina@gmail.com

В данной статье раскрывается одна из наиболее актуальных проблем в сфере космического права, делимитация воздушного и космического пространства, на примере определения правового статуса суборбитальных полетов. Рассматривается космический туризм как явление, способствовавшее толчку в развитии летательных аппаратов, способных совмещать в себе функции воздушного судна и баллистической ракеты. Классифицируются основные подходы к рассмотрению проблемы делимитации космоса: функциональный и высотный. Приводится ретроспективный анализ нормативно-правового законодательства, регулирующего вопрос разграничения воздушного и космического пространств. Выводится общее и авторское понятие суборбитальных полетов с учетом рассмотренных документов и трудов специалистов в сфере международного права. Поддерживается идея о замене понятия суборбитальных полетов на аэрокосмические полеты, поскольку предложенный термин стоит признать более исчерпывающим. Выдвигается идея об унификации нормативно-правовой базы, регулирующей изучаемую проблему и создании «третьего» подхода к рассмотрению вопроса делимитации пространств.

Ключевые слова: космический туризм, делимитация, суборбитальные полеты, функциональный и высотные подходы, летательный аппарат, аэрокосмическая навигация.

Космический туризм более 15 лет не является фантастикой и даёт возможность всем желающим приобщиться к космосу. Воплощение детской мечты о «Земле в иллюминаторе» становится прибыльным бизнесом и крупным шагом в развитии космонавтики. Несмотря на трудоёмкий процесс работы, проблемами со спонсированием проектов, переносами сроков и неудачными попытками запуска, космическим компаниям все же удалось приблизиться к продаже туристических полетов.

Начало эры космического туризма было положено в конце 20 века. Так, например, в 1985 году Джейкоб Гарн, сенатор от штата Юта и в прошлом полковник ВВС США, отправился с миссией STS-51-D на орбиту. И на следующий год Бэн Нельсон, член палаты представителей, последовал примеру коллеги и стал участником полета вокруг Земли. Однако стоит отметить, что именно Деннис Тито, американский multimillioner, стал первым космическим туристом, преследовавшим личные цели – воплотить детскую мечту, вдобавок полёт был оплачен из личных денежных средств. Стоимость подобного экзотического развлечения обошлась в 20 миллионов долларов.

Стоит отметить, что имеется альтернатива дорогостоящим и изнурительным полётам, которая удовлетворит желание приблизиться к полетам в космос большему количеству лиц. Имя ей суборбитальные полёты, представляющие собой полёт летательного аппарата со скоростью меньшей первой космической и без выхода на орбиту искусственного спутника Земли.

Суборбитальные полёты не требуют специальной подготовки и позволят в короткие сроки производить пассажирские и грузовые перевозки. В настоящий момент Роскосмос занимает одну из лидирующих позиций в сфере космического туризма и обладает потенциальной возможностью запуска суборбитальных аппаратов.

Однако уже первые испытания ракетно-космической техники начала проводить частная компания КосмоКурс, которая на данный момент занимается разработкой отечественных суборбитальных аппаратов. Первый полет ожидается в 2025 году и продлится 15 минут. Космическим туристом отечественного корабля можно стать за \$200 000–250 000. Компания планирует каждый год запускать до 700 туристов на околоземную орбиту.

Также значительных успехов в сфере суборбитальных полетов добилась компания Virgin Galactic. Корабль SpaceShipTwo в 2018 и 2019 годах во время тестовых полетов преодолел высо-

ту 80 км (83 км и 90 км). НАСА считает, что космическое пространство начинается от 100 км над поверхностью Земли или с линии Кармана. Однако компания Virgin Galactic уверена, что VSS Unity (коммерческое название корабля) дважды пересек границу между земной атмосферой и космосом. Испытания проводились в пустыне Мохаве. Корабль сначала взлетал как обычный самолет, а затем на высоте 14 км пилоты запустили ракетные двигатели. Это позволило аппарату преодолеть гравитацию и набрать высоту.

Запуск корабля задействует самолет White-KnightTwo, носитель корабля, и сам SpaceShipTwo, который отстыковывается на высоте 14 000–15 000 метров. В скором времени начнется старт продаж коммерческих туров на суборбитальную высоту. Стать пассажиром VSS Unity можно за \$250 000. Борт корабля вмещает в себя двух пилотов и шесть пассажиров. И в ближайшие годы космическими туристами станут около 750 человек, которые приобрели билеты.

Проблема юридического определения суборбитальных полетов становится актуальной и тесно связана с делимитацией воздушного и космического пространства. Она требует больших усилий от международного сообщества, поскольку необходимо обновить нормативно-правовую базу и прийти к консенсусу между государствами в этом вопросе. Однако в случае успешного разрешения данного вопроса исчезнет большое количество законодательных столкновений по поводу нарушения суверенной воздушной территории стран и квалификации суборбитальных полетов.

Суборбитальные летательные аппараты при взлете, находясь в воздушном пространстве, рассцениваются как воздушное судно. Однако при пересечении орбитальной границы воздушное судно становится баллистической ракетой за счет реактивной тяги.

Суборбитальные полеты проходят на достаточно большой высоте, что в свою очередь вызывает неопределенность в их юридической квалификации. В соответствии с функциональным подходом выбор права (воздушного или космического), которое будет применяться, зависит от целей и функций предстоящего полета летательного аппарата. Если летательный аппарат способен функционировать как космический аппарат, он будет подпадать под действие правового режима космического пространства. В свою очередь, летательный аппарат, который не может осуществлять космический полет, будет подпадать под действие правового режима воздушного пространства.

Однако данный подход к делимитации воздушного и космического пространства обладает существенным недостатком, поскольку научно-техническая революция уже на пороге создания летательных аппаратов, способных перемещаться как в космосе, так и в воздухе. И это затрудняет правовое определение суборбитальных аэрокосмических аппаратов.

Чикагская конвенция, принятая в 1944 году, стала основным международным договором, определившим общие принципы правового режима воздушного пространства, вопросы использования воздушного пространства и аспекты организации международных полетов воздушных судов [1]. В случае если мировое сообщество квалифицирует суборбитальные аэрокосмические аппараты как воздушные суда, то Конвенция будет регулировать их использование в международном праве.

Стоит отметить, что в Спортивном кодексе Международной федерации авионавтики дано определение суборбитальным полетам. Согласно параграфу 2.12.6 раздела 8 «Авионавтика» расстояние в ближнем космосе (для суборбитальных миссий), пройденное суборбитальным или аэрокосмическим аппаратом в ближнем космосе, измеряется вдоль линии Кармана (на высоте более 100 км) [2].

В 2005 году Федеральное управление гражданской авиации США опубликовал «Проект рекомендаций по производству коммерческих суборбитальных полетов аппаратами многократного использования с экипажем на борту» и «Проект рекомендаций по производству коммерческих суборбитальных полетов аппаратами многократного использования с участниками космического полета на борту» [3]. Согласно данным документам, суборбитальный аппарат многократного использования представляют собой «аппарат в целом или частично, приводимый в действие ракетным двигателем и предназначенный для полета по суборбитальной траектории, тяга которого превышает его подъемную силу на большем участке набора высоты с ракетным двигателем» [3].

В 2014 году ИКАО было проведено исследование на тему суборбитальных перевозок с коммерческой целью. Свое отражение оно нашло на страницах рабочего документа Международной организации гражданской авиации (A/AC.105/C.2/2010/CRP.9). Согласно данному документу суборбитальный полет это «Полет на весьма большую высоту, не связанный с выводением аппарата на орбиту». На данный момент такая формулировка является единственной официальной. Представляется необходимым в качестве первого шага определить суборбитальные полеты на уровне мирового аэрокосмического сообщества. Самым потенциальным стоит признать определение суборбитального полета как полета летательного аппарата со скоростью, меньшей первой космической, позволяющей пересечь линию Кармана, но не достаточной для вывода его на околоземную орбиту.

До тех пор, пока не будет унифицировано юридическое определение суборбитальных полетов, представляется необходимым использование как норм космического права (Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию косми-

ческого пространства, включая Луну и другие небесные тела), так и норм международного воздушного права (Чикагская Конвенция и др.).

Специалист в сфере аэрокосмической навигации К.К. Кристол полагает, что воздушное право должно регулировать суборбитальные полеты и расценивать данные летательные аппараты как воздушные судна [4].

Стоит обратиться к диссертации Е.О. Ганенкова «Перспективы международно-правового регулирования аэрокосмической навигации», в которой автором было дано определение суборбитального полета как «полета суборбитального летательного аппарата с набором высоты около 100 км в апогее с помощью ракетного двигателя без выхода его на околоземную орбиту» [5].

Автор диссертации чаще всего оперирует понятием «аэрокосмические полеты», ведя речь о запуске суборбитальных летательных аппаратов. Данный термин можно считать более уместным, поскольку полеты совершаются как в воздушном пространстве, так и в космическом. В то время как термин «суборбитальные» не исчерпывает суть подобных полетов в полной мере, ведь они способны совершаться на больших высотах, а не только ниже околоземной орбиты. Стоит уделить дополнительное внимание выбору определения, поскольку он не должен вводить в заблуждение и хорошо раскрывать свою суть.

Необходимо разработать универсальный международно-правовой документ под эгидой ООН или иной международной организации, который исчерпывающе регулировал бы вопросы, касающиеся суборбитальных полетов. Данная Конвенция включала бы в себя общепризнанное определение суборбитальных полетов, перечень иных документов, регулирующих аэрокосмическую навигацию, правовой режим полетов, порядок выдачи лицензий и учреждение международного публичного органа, регулирующего такую деятельность (аналог ИКАО).

Стоит также разработать иной подход к определению суборбитальных полетов, отличный от функционального и высотного, и определить его как «комбинированный». В это понятие необходимо включить правовой режим полетов в зависимости от количества оборотов вокруг Земли, цели полета, высоты, время нахождения в полете и функциональности аппарата. Однако в качестве основных критериев разграничения суборбитальных аппаратов от орбитальных или иных будет максимальная скорость, набираемая при полете, и траектория, по которой будет лететь аппарат. Таким образом, комбинированный подход позволит комплексно рассматривать все детали полета и способствовать правильному определению.

Государства не могут прийти к консенсусу в вопросе пространственного разграничения космического и воздушного пространства (высотный подход) и функциональный подход не отвечает всем требованиям научно-технического прогресса, по-

этому считается необходимым ввести третью концепцию, позволяющую в индивидуальном порядке определять правовой режим суборбитального аппарата.

Таким образом, уже сейчас стоит начать разработку международно-правового регулирования суборбитальных полетов, поскольку научно-технический прогресс не стоит на месте и уже частота суборбитальных летательных аппаратов начинает возрастать. Это напрямую повлияет на процесс регулирования аэрокосмической навигации и безопасность суверенитетов государств.

Литература

1. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.). Doc ICAO 7300. [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/2540490/> (Дата обращения 13.12.2020)
2. Federal Aviation Administration: About the Office of Commercial Space Transportation 2.7.2 Distance in Near Space (for suborbital missions) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/ (Дата обращения 13.12.2020)
3. Рабочий документ юридического комитета 36 сессия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icao.int/Meetings/LC36/Working%20Papers/LC%2036%20-%20WP%203-2.ru.pdf> (Дата обращения 13.12.2020)
4. Christol K.K. Legal Aspects of Aerospace Planes. The Highways of Air and Outer Space over Asia. Dordrecht, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 77.
5. Ганенков Е.О. Перспективы международно-правового регулирования аэрокосмической навигации. Дисс.к.ю.н. Москва, 2015 С. 55–60.

THE PROBLEM OF DELIMITATION OF AIRSPACE AND OUTER SPACE IN ITS RELATIONSHIP TO THE LEGAL QUALIFICATION OF SUBORBITAL FLIGHTS

Kichenina V.S., Stavtsova A.O.

St. Petersburg branch of the Russian Academy of Customs V. Bobkov

This article reveals one of the most pressing problems in the sphere of space law, the delimitation of airspace and outer space, on the example of determining the legal status of suborbital flights. Considered space tourism as a phenomenon that contributed to the impetus for the development of aircraft capable of combining the functions of the aircraft and ballistic missile. The main approaches to considering the problem of space delimitation are classified: functional and high-altitude. A retrospective analysis of the normative-legal legislation regulating the issue of delimitation of airspace and outer space is given. The general and author's notion of suborbital flights taking into account the reviewed documents and works of specialists in the field of international law is deduced. The idea of replacing the notion of suborbital flights with aerospace flights is supported, since the proposed term should be recognized as more exhaustive. The idea of unifying the regulatory framework governing the issue under study and creating a "third" approach to the consideration of the delimitation of outer space is put forward.

Keywords: space tourism, delimitation, suborbital flights, functional and altitude approaches, aircraft, aerospace navigation.

References

1. Convention on International Civil Aviation (Chicago, December 7, 1944). Doc ICAO 7300. [Electronic resource]. – URL: <http://base.garant.ru/2540490/> (Accessed 13.12.2020).
2. Federal Aviation Administration: About the Office of Commercial Space Transportation 2.7.2 Distance in Near Space (for sub-orbital missions). – URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/ (Accessed 13.12.2020).
3. Working paper of the legal committee for the 36th session [Electronic resource]. – URL: <https://www.icao.int/Meetings/LC36/Working%20Papers/LC%2036%20-%20WP%203-2.ru.pdf> (Accessed 13.12.2020).
4. Christol K.K. Legal Aspects of Aerospace Planes. The Highways of Air and Outer Space over Asia. Dordrecht, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 77.
5. Ganenkov E.O. Prospects of international legal regulation of aerospace navigation. Dissertation of Candidate of Sciences, Moscow, 2015, p. 55–60.